

ISSN 2414-5815

ПРАВОВОЕ ЭКОНОМИКА ПСИХОЛОГИЯ

научно-практический журнал

№1(13)

2019
Витебск

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год
Издается с января 2015 года

2019 № 1(13)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:
А.В. Егоров

Редакционная коллегия:
В.В. Богатырева (зам. главного редактора),
В.Н. Бибило, С.Л. Богомаз,
А.А. Бочков, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
Д.М. Демичев, А.Г. Егорова,
В.С. Елисеев, Т.В. Казак,
Т.Е. Косаревская, Н.В. Кухтова,
С.В. Лауткина, Г.В. Лосик,
А.Н. Пастушеня, Л.Ф. Трацевская,
И.А. Фурманов, И.И. Шматков,
В.А. Янчук, Г.А. Яшева

Редакционный совет:
Т.В. Воронович (Беларусь),
С.А. Трахименок (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Ю.Н. Карандашев (Польша),
Т.В. Сенько (Польша),
В.А. Моляко (Украина),
Н.А. Адамов (Россия),
Л.В. Винницкий (Россия),
Р.А. Курбанов (Россия),
К.В. Павлов (Россия),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:
Московский пр-т, 33,
210038, г. Витебск, Беларусь
Тел.: +375 (212) 58-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

Подписано в печать 21.03.2019 г.
Формат 60 x 84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 10,11.
Тираж 110 экз. Заказ 26.

Издатель и полиграфическое исполнение –
учреждение образования «Витебский
государственный университет имени
П.М. Машерова». 210038, г. Витебск,
Московский проспект, 33.

Свидетельство о государственной
регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/255 от 31.03.2014 г.

П Р А В О

- Бочков А.А.** Современное государство и право в условиях цифровой реальности 3
- Гелясина Е.В., Дмитриева Т.Ф.** Теоретические основы конструирования содержания курса по выбору «Юный криминалист» 9
- Янч В.В.** Правовое сознание в системе социального контроля 15
- Егорова А.Г.** Адвокат как субъект третейского разбирательства 20
- Циммерман Р.** Сравнительное право и европеизация частного права 25

Э К О Н О М И К А

- Бекиш Е.И.** Направления совершенствования системы управления персоналом 31
- Предко Д.А.** Особенности бизнес-моделирования в ИТ-секторе Республики Беларусь 36
- Трацевская Л.Ф., Лебедева Е.Н.** Современная парадигма устойчивого развития: формирование и сущность 44
- Янкевич Е.М.** Туристический рынок Витебской области: состояние и конкурентоспособность 49

П С И Х О Л О Г И Я

- Богомаз С.Л., Ковалевская Т.Н.** Сравнительный анализ дезадаптационных нарушений у детей, рожденных с задержкой развития плода 62
- Санковская А.С.** Терминологическое поле понятия совладающего поведения 68
- Шингаев С.М.** Сравнительный анализ психологических факторов профессионального здоровья руководителей образовательных и коммерческих организаций 74
- Ганкович А.А., Милашевич Е.П., Турковский В.И.** Аспекты использования QR-кодов в преподавании дисциплин психологической направленности 80
- Богомаз С.Л., Морожанова М.М., Турковский В.И.** Традиция качественных исследований в психологии: описательный феноменологический метод А. Джорджи 86

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 4 times a year
Published since January 2015

2019 № 1(13)

Founder: Educational Establishment
“Vitebsk State P.M. Masherov University”

Editor-in-Chief:
A.V. Egorov

Editorial Board:
V.V. Bogatyreva (Deputy Editor-in-Chief),
V.N. Bibilo, S.L. Bogomaz,
A.A. Bochkov, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
D.M. Demichev, A.G. Egorova,
V.S. Yeliseyev, T.V. Kazak,
T.E. Kosarevskaya, N.V. Kukhtova,
S.V. Lautkina, G.V. Losik,
A.N. Pastushenia, L.F. Tratsevskaya,
I.A. Furmanov, I.I. Shmatkov,
V.A. Yanchuk, G.A. Yasheva,

Editorial Council:
T.V. Voronovich (Belarus),
S.A. Trakhimenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
Yu.N. Karandashev (Poland),
T.V. Senko (Poland),
V.A. Moliako (Ukraine),
N.A. Adamov (Russia),
L.V. Vinnitski (Russia),
R.A. Kurbanov (Russia),
K.V. Pavlov (Russia),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Scientific and practical journal
“Law. Economics. Psychology”
is included in the List of scientific publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:
33 Moskovsky Prospect,
210038 Vitebsk, Belarus
Tel.: +375 (212) 58-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

Signed print 21.03.2019. Size 60x84¹/₈.
Offset paper. Conventional printed
sheet 11,16. Publisher's sheet 10,11.
Circulation 110 copies. Order 26.

Publisher and printing performance –
educational establishment “Vitebsk State
P.M. Masherov University”. 33, Moskovsky
Prospect, 210038, Vitebsk.

Certificate of state registration as a publisher,
manufacturer, distributor of publications
№ 1/255, 31.03.2014.

L A W

Bochkov A.A. Modern State and Law in the Digital Reality	3
Geliasina E.V., Dmitriyeva T.F. Theoretical Bases of Designing the Content of an Optional Course “Young Criminalist”	9
Yanch V.V. Legal Consciousness in the System of Social Control	15
Egorova A.G. The Advocate as the Subject of the Arbitration Proceedings	20
Zimmermann R. Comparative Law and Europization of Private Law ..	25

E C O N O M I C S

Bekish E.I. Directions of the Personnel Control System Improvement	31
Predko D.A. Features of Business Modeling in the IT Sector of the Republic of Belarus	36
Tratsevskaya L.F., Lebedeva E.N. Contemporary Paradigm of Sustainable Development: Shaping and Essence	44
Yankevich E.M. Tourist Market in Vitebsk Region: Status and Competitiveness	49

P S Y C H O L O G Y

Bogomaz S.L., Kovalevskaya T.N. A Comparative Analysis of Maladjustment Disorders of Children Born with Fetal Growth Retardation	62
Sankovskaya A.S. Terminological Field of the Notion of Coping Behavior	68
Shingaev S.M. Comparative Analysis of Psychological Factors of the Professional Health of Heads of Educational and Commercial Establishment	74
Gankovich A.A., Milashevich E.P., Turkovski V.I. Aspects of the Use of QR Codes in Teaching Psychology Disciplines	80
Bogomaz S.L., Morozhanova M.M., Turkovski V.I. Traditions of Quality Research in Psychology: A. Giorgi Descriptive Phenomenological Method	86

Современное государство и право в условиях цифровой реальности

Бочков А.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Государство и право, регулируя наиболее важные социальные сферы, в первую очередь испытывают влияние информатизации и цифровизации. В новом формате действуют теория и юридическая практика. Прежние понятия наполняются более актуальным содержанием: государство, право, суверенитет, субъекты и объекты правоотношений, правосубъектность, юридическая ответственность и т.д. Появляются новые термины: электронное государство, «народное право», «уличная демократия», киберпространство, криптовалюта, токены, блокчейн и др. Все это требует изменения правового регулирования в рамках информационного и цифрового права.

Цель данной научной работы – определить происходящие изменения в государственно-правовой сфере, связанные с цифровизацией и влиянием Интернета, аргументировать необходимость создания новой метатеории государства и права, являющейся основой совершенствования законодательства.

Материал и методы. Материалом исследования послужили нормативные правовые акты Республики Беларусь, посвященные цифровизации; научная и учебная литература по теме искусственного интеллекта, робототехники, высоких технологий. Главными методами исследования избраны диалектико-материалистический, синергетический, сравнительно-правовой, системного анализа, толкования права.

Результаты и их обсуждение. В статье рассматриваются глобальные и национальные проблемы цифровизации государства и права, достижения и риски. Актуализируется потребность создания новой метатеории государства и права. Новое «живое» право необходимо для юридического регулирования виртуальных, знаковых процессов и явлений, с учетом их гражданской и моральной значимости, с целью превращения Республики Беларусь в мощную IT-державу.

Заключение. Стратегия нашего государства направлена на развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и их активное внедрение во все сферы жизни общества. Право должно не просто адаптироваться к новым цифровым реалиям, но и предвидеть тенденции развития и опережать их. Понятное, удобное, цифровое, налоговое, инвестиционное законодательство – надежная основа эффективной экономики и повышения благосостояния граждан.

Ключевые слова: государство, право, информационное право, цифровое право, высокие технологии, Интернет, цифровизация, рискология, виртуальное пространство, киберпространство, искусственный интеллект, робототехника, нанотехнологии, нейронные сети, стратегия.

Modern State and Law in the Digital Reality

Bochkov A.A.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Regulating the most important social spheres, state and law are primarily influenced by informatization and digitalization. Theory and legal practice operate in a new format. The previous concepts are filled with new content: state, law, sovereignty, subjects and objects of legal relations, legal personality, legal responsibility, etc. New terms come into use: state, "national law", "street democracy", cyberspace, cryptocurrency, tokens, blockchain, etc. All this requires a change in legal regulation within information and digital rights.

The purpose of this research is to determine the changes in the state-legal sphere related to the digitalization and influence of the Internet, to justify the need to create a new metatheory of state and law, which is the basis for improving legislation.

Material and methods. The research material was the regulatory legal acts of the Republic of Belarus on digitalization, scientific and educational literature on the subject of artificial intelligence, robotics, high technology. The main research methods are dialectic - materialistic, synergetic, comparative - legal, system analysis, interpretation of law.

Findings and their discussion. The article deals with the global and national problems of digitalization of state and law, achievements and risks. The need to create a new metatheory of state and law is justified. The new "living" law is necessary for the legal regulation of virtual, digital processes and phenomena, taking into account their civic and moral significance, in order to turn the Republic of Belarus into a powerful IT power.

Conclusion. The strategy of our state is aimed at the development of information and communication technologies (ICT) and their active implementation in all spheres of society. The law must not only adapt to new digital realities, but also foresee development trends and be ahead of them. Understandable, convenient digital, tax, investment legislation is a reliable basis for an effective economy and improvement of the well-being of citizens.

Key words: state, law, information law, digital law, high technology, Internet, digitalization, riskology, virtual space, cyberspace, artificial intelligence, robotics, nanotechnology, neural networks, strategy.

Законодательное закрепление и строительство демократического социального правового государства в Республике Беларусь выступают в виде государственной идеологии и политики. Это придает легальность и легитимность данному процессу. Еще И. Кант говорил, что право – это самое святое, что есть у Бога на Земле.

Известно, что форма, формализация, объективирование – цементирующие, скрепляющие основы государства и права, без которых они не могут существовать. В государственно-правовых сообществах форма даже может опережать содержательные характеристики.

Форма активно облекается в цифровую оболочку, электронные ресурсы, сеть Интернет, высокие технологии. В современных условиях объективные глубинные процессы цифровизации часто выходят за рамки существующего правового и нравственного регулирования.

Цель данной научной работы – определить происходящие изменения в государственно-правовой сфере, связанные с цифровизацией и влиянием Интернета, аргументировать необходимость создания новой метатеории государства и права, являющейся основой совершенствования законодательства.

Материал и методы. Материалом исследования послужили нормативные правовые акты (НПА) Республики Беларусь, посвященные цифровизации; научная и учебная литература по теме искусственного интеллекта, робототехники, передовых технологий. Главными методами исследования избраны диалектико-материалистический, синергетический, сравнительно-правовой, системного анализа, толкования.

Результаты и их обсуждение. «Интернет – это лучшая и худшая из технологий», – гениально предрекал основатель доктрины интернет-права, либеральный идеолог движения за свободную информацию, американский профессор права Стэнфордского университета Л. Лессиг. Интернет рушит все прежние, классические представления, многократно усиливает возможности и опасности использования информационных ресурсов. Государственные границы раздвигаются до единых масштабов планеты Земля и даже Космоса, превращая человека в *internet sapiens* Вселенной.

Происходит переформатирование права, где информационное право начинает пониматься как самая бурно развивающаяся комплексная публично-частная мегаотрасль. Цифровизация изменяет сферу правового воздействия. С одной стороны, происходит расширение ее влияния на общественные отношения, с другой – ограничи-

вается государственно-публичное и развивается частно-сетевое право. Цифровое право все активнее захватывает основные сферы общественной жизни (власти, собственности, распределения, прав и свобод граждан). Оно включает право на доступ в Интернет, право на присутствие в сети и цифровую смерть, электронную правовую экспертизу, электронный мониторинг, правовое прогнозирование, электронное хранение и использование информации, пользование государственными информационными ресурсами и электронными услугами и т.д.

Происходящие изменения иллюстрирует электронная Конституция. Она включает текст на электронном носителе, решения референдумов, Конституционные законы, акты Конституционного суда о толковании Конституции и т.д. Вместе с тем использование электронного варианта НПА, не сверенного с бумажным носителем, может привести к ошибкам, неточностям, преднамеренным искажениям, изменяющим содержание текста. Это вводит в заблуждение, грозит неправильной правовой и фактической квалификацией юридического дела.

Мир стал более открытым, глобализированным, интегрированным, технически развитым. Однако это не способствует его гуманизму, духовности, правовой рациональности. Набирает обороты решение национальных и международных вопросов с помощью силы. В некоторых странах вводится военное, чрезвычайное экономическое положение; бушуют торговые, информационные, психологические войны; язык санкций, ультиматумов, угроз, бомбардировок становится арсеналом внешней политики ряда государств, выступающих с позиций двойных стандартов. Рост энтропии, риска делает общественную жизнь непредсказуемой и опасной.

Стремительно развивается правовая рискология – юридическая отрасль, включающая синтетические, гуманитарные и технические знания о природе риска и его влиянии на поведение человека в мире на микро- и макроуровнях. Тревожность, нервозность, нестабильность становятся неотъемлемыми негативными спутниками нашей жизни. Виктимология как раздел криминологии предусматривает профилактику поведения жертвы преступлений и правонарушений [1].

Цифровизация обостряет проблему рисков на государственном и личностном уровне: в области производства и использования оружия массового уничтожения, угрозы ядерной войны, терроризма, соблюдения права собственности, хакерских вторжений и киберпреступности, финансовых махинаций, распространения наркоти-

ков, нарушения тайны личной и семейной жизни, свободы слова, авторского права и т.д.

Риск в разумных, контролируемых, ограниченных пределах может быть позитивным фактором активизации жизнедеятельности человека, реализующего свой потенциал и получающего эйфорию, адреналин, через преодоление трудностей, страха, неуверенности. Он может способствовать формированию личностных качеств, связанных с готовностью жертвовать собой во имя идеалов свободы, справедливости, семьи, Родины и т.д. [2]. Еще Г. Гегель говорил, что наличие противоречий – источник развития, отсутствие противоречий – источник застоя. Отмечая справедливость слов великого философа и юриста, следует подчеркнуть, что для развития должно быть позитивное разрешение противоречий через диалектическое отрицание и снятие.

Информационный и технологический факторы гигантски ускоряют темпы развития общества в государственно-правовой, социально-экономической и духовной сферах.

Создание искусственного интеллекта, робототехники, прорывных технологий, нейронных сетей, обработка больших данных, интернет-вещей, индустриальный Интернет меняют облик планеты Земля и всей Вселенной.

IT-бум захватил экономику, медицину, сельское хозяйство, средства коммуникации, цифровое телевидение и т.д. Во всех областях социальной жизни, включая юридическую, актуализированы вопросы шестого технологического уклада, связанные с био-, нанотехнологиями, когнитивными и информационными программами, разработками дополненной реальности; определения ДНК; использования полиграфа, виртуальной и онлайн-связи, робото-руки, беспилотного самолета и автомобиля и т.д. Среди юристов активно обсуждается возможность применения метода ментоскопии – сканирование мозга, мыслей, восстановление скрытой, забытой в памяти информации, воссоздание прежде увиденных образов [3, с. 25]. Искусственный интеллект помогает, дополняет, порой противоречит естественному.

Раскручивается маховик гонки вооружений государств в области сверхмощного, точного, быстрого, невидимого оружия. Те страны, которые не владеют им, рискуют подорвать свою обороноспособность, утратить суверенитет, оказаться на обочине истории и даже физически исчезнуть. Интеллектуальный человеческий капитал превращается в главную производительную силу. Тот, кто обладает цифровыми технологиями и активно внедряет их в финансовую и производственную

сферы, – управляет миром. Парадоксально, но сегодня по получаемой прибыли на первом месте в мире финансово-спекулятивные экономики, на втором – промышленно-развитые, на третьем – аграрные [4, с. 67].

Азиатские «тигры» и развитые страны Запада делают здесь колоссальные успехи. То, что в технологическом отношении Запад проходит за год, страны бывшего СССР – за 5–7 лет. Если в области робототехники в РФ приходилось 2 робота на 10 тыс. работающих, то в Южной Корее – 478, Японии – 314, Германии – 292, США – 164. Из 50 компаний, контролирующих 90% мирового рынка информационных технологий, 39 были из США, по 3 из Великобритании, Китая, Израиля. США, Великобритания и отчасти Китай лидируют в разработках карт для искусственного интеллекта [5, с. 105].

Для получения новых технологий используются всевозможные методы – собственные научные открытия, создание зоны наибольшего благоприятствования для научно-технических сообществ, заимствование, покупка за рубежом, привлечение высококвалифицированных специалистов, промышленный шпионаж и т.д.

Существует опасность информационного насилия недобросовестных субъектов, незаконно использующих передовые технологии для контроля за частной жизнью граждан, ограничения их прав и свобод. Человек становится беззащитным перед всевидящим оком Интернета и всевозможных цифровых программ. Фиксация абонента с помощью локации, переадресации, транзакций и других электронных способов не представляет большого труда. Это должно осуществляться с соблюдением строгой правовой законности. Необходимы реальные законодательный и правоприменительный механизмы защиты от незаконного вмешательства в личную жизнь.

В теории и на практике меняются многие, казалось бы устоявшиеся и уже не работающие в полной мере, аксиомы, требующие нового осмысления и применения: объект и предмет юриспруденции [6], право, государство, суверенитет (информационный, сетевой, знаковый), территория (превращается в пространство, киберпространство), отрасль права (их число доходит до 100, некоторые, расширяясь, становятся мегаотраслями: экономическое, информационное право) [4, с. 68], система права понимается лишь как ядро правовой системы, законность приобретает качественную правовую характеристику и т.д.

Дискутируются вопросы, связанные с юридической ответственностью: позитивная и негативная, национальная и международная, публичная и частная, материальная и процессуальная,

конституционно-правовая и корпоративная. Рассматриваются новые направления уголовной политики: возможность введения уголовного проступка физического лица, уголовной ответственности юридического лица. Возникает проблема правовой и моральной ответственности владельца информации, которую порой сложно осуществить на практике, что связано с децентрализацией сети, анонимностью, использованием алгоритмов шифровизации, кодирования и др. Не просто ответить на вопрос «Кто несет юридическую ответственность за деятельность роботизированных агентов, способных принимать самостоятельные решения: владелец, пользователь, разработчик?». Сложно определить субъекта юридической ответственности компьютерной программы, являющейся достоянием нескольких, чаще всего, неопределенного количества, лиц.

Обсуждаются актуальные вопросы теории правоотношений – от их порождения, понятия, видов до определения индивидуальных и коллективных субъектов. Происходит удвоение субъектов права (электронный двойник), источников права (бумажные и электронные версии). Расширяется понятие физического и юридического лица. В гражданский оборот активно включаются цифровые, виртуальные личности, информационные посредники (блогеры, провайдеры, используются IP-адреса) [7, с. 9]. Осуществляется цифровая фиксация юридических фактов (электронная форма гражданско-правового, трудового договора), появляются виртуальные дублиеры, цифровые двойники, применяется право электронной подписи. Цифровая база данных включает формы договоров, сделок, тексты толкования нормативных правовых актов, способы преодоления пробелов и разрешения коллизий, аналоги судебных и административных решений. Существует проблема правового регулирования искусственного интеллекта, роботов.

Информация превращается в самостоятельный объект гражданского права, источник власти и капитала, неиссякаемое энергетическое сырье, «новое золото». Ее можно продать, купить, обменять и т.д. Тот, кто ею владеет, управляет миром. Если раньше СМИ называли четвертой властью, то сейчас электронный информационный ресурс соперничает с государственной властью по влиянию и возможностям.

Объекты права получают дополнительные знаковые, цифровые характеристики. В сети Интернет можно промониторить их качественные свойства и ознакомиться с отзывами потребителей. Практика преподносит новые объекты правоотношений (в качестве примера можно рассматривать используемый в некоторых странах

договор суррогатного материнства, где ребенок выступает в качестве живого товара; договор передачи игроков, состава спортивной команды (драфт), персонала фирмы одной компании другой (аутсорсинг) [8, с. 24–26].

Требуют юридического регулирования виртуальные гражданские объекты: электронные деньги, криптовалюты, токены, блокчейны, виртуальные правоотношения, продажа товаров через интернет-магазины, работа на основе интернет-платформ из любого места планеты (удаленный доступ) и т.д.

Возникают вопросы неполной и опосредованной правосубъектности и т.д.

Все это требует создания мета- и макротеоории государства и права, включающей новые концептуальные подходы и разработанные доктрины в области правопонимания, правотворчества, правореализации. Для получения синтезного, сквозного знания, определяющего современные реалии и предвещающего тенденции развития, необходима плюралистическая методология, соединяющая материализм и идеализм, диалектику, метафизику и логику, формационный и цивилизационный подходы, антропный и аксиологические принципы, а также использующая методы синергетики, герменевтики, феноменологии, экзистенциализма, философии жизни, сравнительного правоведения, юридической психологии и конфликтологии. Новая метатеория возможна на основе интегративного правопонимания, включающего не только нормы и правовые принципы, наполненные духовным содержанием, в которых выражаются естественные права и свободы человека, но и механизм их реализации на практике. Разум, по словам И. Канта, интересуют три вопроса:

«1. Что я могу знать?

2. Что я должен делать?

3. На что я могу надеяться?» [9, с. 598].

«Гиперболоид инженера Гарина», функционирующий вне правовых и моральных устоев, способен превратить планету Земля в пустыню. Без нравственной основы эта умная сила может стать средством наживы, подавления, манипулирования массами, разрушения мира. Fake-news бесконтрольно и безнаказанно внедряются в сознание аудитории, нарушая нормы морали и права, подрывая конституционные и духовные основы общества.

Право, не основанное на общечеловеческих моральных и религиозных ценностях, превращается в свою противоположность, безжалостный, насильственный инструмент удовлетворения личных, групповых и элитарных интересов. Меняется образовательный акцент в формировании правовой культуры – с знаний на убеждения, практиче-

ские умения и навыки правомерного поведения [10].

IT-технологии способствуют деbüroкратизации государственного аппарата, ведут к сокращению численности, расширяют открытость, подконтрольность его гражданскому обществу, делают государственные услуги более доступными и в конечном счете повышают эффективность и легитимность. Электронная демократия расширяет возможности гражданского общества в области установления контактов выражения общественного мнения, контроля за действиями правительства. Например, лидеру оппозиционного движения Армении Н. Пашиняну удалось с помощью сети Интернет вначале мобилизовать, а затем сплотить население. Технологическая революция делает демократию непосредственной, прямой, помогает реализовать ее. Однако это может вести и к негативным последствиям, связанным с нарушением закона, путем использования «народного права», «уличной демократии», «цветных революций», незаконных переворотов, PR-кампаний. Деньги, используемые в неблагоприятных целях, усиленные современными цифровыми новшествами, способны переворачивать все представления о справедливости и истине с ног на голову, превращая черное в белое и наоборот.

Государство и право стоят перед стремительно надвигающимися вызовами цифровой реальности. Формируются электронное государство, электронное правительство, электронное правосудие, электронная система документооборота, электронная сертификация продукции, электронная экономика, где финансовые активы распределяются посредством электронных расчетов. Появляются государствовподобные образования, создаются надгосударственные, наднациональные структуры. Такой важнейший признак государства, как территория, превращается в пространство (киберпространство, интернет-пространство), ускользающее из-под национального, государственного и правового влияния. Территория Интернета и территория государства существуют параллельно, где первый фактически обладает свойством экстерриториальности. Цифровой либертариизм, квазисуверенитет правовых сообществ активно теснят суверенную власть государства в Интернете, вступают в противоречие и ограничивают ее. Киберпространство как юридическая фикция выходит за пределы государственной территориальной независимости.

Возникают сложности взаимодействия межгосударственного и национального сегмента сети Интернет.

Изменению правового регулирования спо-

собствует не только использование электронной демократии, но и систематизация правовых актов в виде иерархической юридической таблицы, подобной пирамиде правовых актов Г. Кельзона, периодической системе химических элементов Д.И. Менделеева. Кодекс источников права позволил бы определить их форму, содержание, иерархию, процедуру принятия НПА [11, с. 19].

Кризис международного права вновь актуализирует вопрос создания нового, «живого», современного «народного права», «права второго модерна» (Т.Я. Хабриева), вселенского метаправа (Ю.А. Тихомиров).

Искусственный интеллект активно используется для автоматизации юридических процедур, комплексного правового анализа НПА, юридических документов, юридической практики, заключения договоров и контрактов, прогнозирования исхода судебных процессов, решения стандартизированных юридических задач. Однако ему не под силу творческое озарение, волевой порыв, интуиция, сопереживание, внутренняя убежденность, эмоциональный восторг, угрыzenie мук совести. Без естественного интеллекта искусственный функционировать не в состоянии, хотя границы его влияния стремительно раздвигаются.

На практике активно внедряются электронный нотариат, электронное судопроизводство, интернет-связь, цифровая обработка судебной статистики, разрешение споров посредством третейского суда, медиации [12, с. 172–173]. Право нового поколения требует нового автоматизированного юридического языка, специально подготовленных субъектов толкования, понимающих и разъясняющих новые термины цифровой реальности.

Благодаря виртуальной среде происходят ослабление национального права и усиление саморегулирования и самоорганизации различных видов частных правоотношений. Цифровая экономика путем индивидуального регулирования теснит государственное управление в частной сфере. Вырабатываются единые мировые стандарты производства, потребления, объективно способствующие миграции рабочей силы, труда, капитала, товаров и услуг в более оптимальные условия функционирования. Если не создать возможности для творческого, хорошо оплачиваемого приложения рабочей силы, то это объективно может спровоцировать миграцию высококвалифицированных специалистов в более развитые страны.

Еще 20 лет назад в Республике Беларусь взят курс на создание IT-державы. Принята Стратегия развития информатизации на 2016–2022 годы (утверждена на заседании Президиума Совета Министров Республики Беларусь

от 03.11.2015 № 26) как главный фактор повышения конкурентоспособности и инновационного совершенствования государства и гражданского общества. Она рассматривается в качестве приоритетного направления социально-экономического и духовного преобразования страны. Для выполнения показателей необходимы инициативная деятельность правительства, современный научно-технический и образовательный потенциал, высокий уровень правовой культуры населения, направленные на создание высокоразвитой инновационной, социально ориентированной экономики.

В Республике Беларусь действует Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23.03.2016 № 235 (ред. от 21.12.2017 г.). Базовым нормативным документом является Декрет Президента Республики Беларусь № 8 от 21 декабря 2017 года «О развитии цифровой экономики». Программа направлена на повышение результативности и открытости работы государственного аппарата, создание удобной инфраструктуры в сфере информационно-коммуникационных технологий в области модернизированного производства, предпринимательства, цифрового, банковского бизнеса, онлайн-услуг. Она предусматривает IT-переворужение экономики, импортозамещение, рост материальной обеспеченности населения, создание, научное обеспечение, внедрение ИКТ в жизнь общества.

Согласно оценкам международных организаций по развитости информационно-коммуникационных технологий Республика Беларусь в 2016 году относилась к группе развитых стран, занимая 55-е место по индексу развития электронного правительства из 193 стран ООН (64-е в 2010 г.), 38-е место из 152 по итоговому индексу развития ИКТ (52-е в 2011 г.), 57,1 из 100 домохозяйств имеют доступ в Интернет (23-я позиция из 195 стран). В состав базового комплекса электронного правительства Республики Беларусь входят: единое расчетное информационное пространство, общегосударственная автоматизированная информационная система, система межведомственного документооборота, государственная система управления открытыми ключами проверки электронной цифровой подписи и др.

В соответствии с прогнозными показателями, наше государство к 2022 г. по индексу готовности к электронному правительству должно войти в группу развитых стран мира. При этом 75% административных и государственных услуг, 75% электронного документооборота между

государственными органами, 100% медицинского документирования планируется оказывать в электронном виде. Предполагается формирование единой корпоративной сети организаций здравоохранения, 100% обеспечение населения электронными медицинскими картами, создание на 80% открытых электронных образовательных ресурсов, доведение доли валовой добавленной стоимости сектора ИКТ в ВВП до 3,8–4% [13].

Заключение. Наука как главный метод исследования и способ решения стратегических и тактических задач становится непосредственной производительной силой. Еще В.И. Ленин писал, что идея превращается в производительную силу, как только она овладевает массами. Мир высоких технологий, применяемых на практике, – верное направление движения очеловеченного пространства из технически виртуального в гуманное реальное. Необходимо войти подготовленными в новый технологический уклад. Понятное, удобное, цифровое, налоговое, инвестиционное законодательство – надежная основа эффективной экономики и социальной политики. Право должно не просто адаптироваться к новым цифровым реалиям, но и предвидеть тенденции развития и опережать их.

Цифровые технологии интегрируют и кооперируют производство, раздвигают пространственно-временные рамки, объединяют людей, делают их жизнь интереснее, содержательнее, лучше. Овладение ими требует больших интеллектуальных, материальных и физических усилий. Они накладывают особую нравственную и правовую ответственность как на разработчиков, так и пользователей. Это – обоюдоострое оружие, применение которого возможно лишь в строгих правовых рамках, гарантирующих безопасность мирового сообщества, государства и гражданина.

Литература

1. Криминальная виктимизация населения приграничных районов России и Беларуси (Смоленская и Витебская области): результаты компаративистского виктимологического исследования: монография / под ред. Н.Е. Мулахметовой, А.А. Бочкова. – Смоленск: Изд-во «Универсум», 2014. – 396 с.
2. Степаненко, Р.Ф. Правовые риски как предмет исследования общей теории права: проблемы и перспективы методологии междисциплинарности / Р.Ф. Степаненко // Государство и право. – 2018. – № 6. – С. 12–22.
3. Клеандров, М.И. Научно-технический прогресс и проблемы правосудия / М.И. Клеандров // Государство и право. – 2018. – № 3. – С. 14–27.
4. Ершов, В.В. Современное экономическое право как результат геоэкономической, геокультурной, геополитической и геотехнической глобализации / В.В. Ершов, Е.М. Ашмарина, В.Н. Савельева // Государство и право. – 2018. – № 7. – С. 66–72.
5. Демьянец, М.В. Право, высокие технологии, национальная безопасность: проблемы теории и практики / М.В. Демьянец, Е.В. Понизова, В.А. Михайловская // Государство и право. – 2018. – № 6. – С. 104–112.

6. Бочков, А.А. Объект и предмет общей теории права / А.А. Бочков // Право. Экономика. Психология. – 2018. – № 3(11). – С. 3–7.
7. Талапина, Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы / Э.В. Талапина // Журнал российского права. – 2018. – № 2(254). – С. 5–17.
8. Богданов, Е.В. Проблемы правосубъектности человека / Е.В. Богданов // Государство и право. – 2017. – № 1. – С. 23–29.
9. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант; пер. с нем. Н. Лосского, свер. и отред. Ц.Г. Арзаканяном, М.И. Иткиным; примеч. Ц. Арзаканян. – М.: ЭКСМО, 2008. – 736 с.
10. Правовая культура молодежи приграничья России и Беларуси: монография / под ред. Л.Н. Николаевой, А.А. Бочкова. – Смоленск: Универсум, 2011. – 244 с.
11. Сильченко, Н.В. Проблемы иерархии источников права / Н.В. Сильченко // Государство и право. – 2018. – № 4. – С. 13–20.
12. Право в условиях цифровой реальности (Обзор XIII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 4(71). – С. 171–187.
13. Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-gov.by/zakony-i-dokumenty/strategiya-razvitiya-informatizacii-v-respublike-belarus-na-2016-2022-gody>. – Дата доступа: 15.12.2018.

Поступила в редакцию 08.01.2019 г.

УДК 343.98:371.214:373.6

Теоретические основы конструирования содержания курса по выбору «Юный криминалист»

Гелясина Е.В.¹, Дмитриева Т.Ф.²

¹Государственное учреждение дополнительного образования взрослых
«Витебский областной институт развития образования»

²Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Общеизвестно, что успешная допрофессиональная подготовка может быть осуществлена только при условии разработки и внедрения в практику качественно-го научно-методического обеспечения. На сегодняшний день отсутствуют научные труды, в которых раскрыты основы отбора профессионально-ориентированного содержания факультативных занятий юридической направленности. Данное обстоятельство актуализирует необходимость проведения специального исследования, посвященного выявлению комплекса принципов отбора содержания допрофессионального юридического образования. Поставленная задача нами решается на примере определения принципов отбора курса «Юный криминалист» в рамках функционирования школы юных ВГУ имени П.М. Машерова.

Цель научной статьи – установить теоретические основы конструирования содержания курса по выбору для школьников «Юный криминалист» путем выявления и описания принципов отбора содержания, ориентированного на допрофессиональную подготовку школьников юридической направленности.

Материал и методы. Исследование основано на личных результатах педагогической деятельности Т.Ф. Дмитриевой, полученных ранее при внедрении курса для школьников «Юный криминалист» в практику работы Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. Методологической базой является система педагогических и общенаучных, частных научных методов криминалистики.

Результаты и их обсуждение. В статье определены теоретические основы конструирования содержания курса по выбору для школьников «Юный криминалист»: предложен комплекс принципов отбора содержания допрофессионального юридического образования, раскрыта сущность выявленных принципов и показаны связи между ними.

В результате проведенного исследования сформированы теоретические основы конструирования содержания курса по выбору для школьников «Юный криминалист» путем выявления и описания принципов отбора содержания, ориентированного на допрофессиональную подготовку школьников юридической направленности, а именно: принципов культуросообразности, полипредметной интеграции, историзма, методологизации, практической значимости, соответствия и необходимой достаточности, двойного вхождения базисных компонентов содержания образования в систему, функциональной полноты.

Заключение. Освоение содержания данного курса содействует формированию у обучающихся допрофессиональных компетентностей, социально и профессионально значимых качеств личности, а также способствует профессиональной ориентации на специальности юридического профиля. Успешное внедрение данного курса в практику работы показало перспективность использования предложенного комплекса принципов для отбора его содержания.

Ключевые слова: допрофессиональная подготовка юриста, содержание допрофессионального юридического образования, отбор содержания образования, принципы отбора содержания.

Theoretical Bases of Designing the Content of an Optional Course “Young Criminalist”

Geliasina E.V.¹, Dmitriyeva T.F.²

¹State Establishment of Further Adult Education “Vitebsk Region Institute of Education Development”

²Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

As is known successful pre-professional training can be conditioned only by the development and introduction into practice of qualitative scientific and methodological provision. There haven't been any scientific works so far which reveal the bases of the selection of professionally oriented contents of law optional classes. This makes the necessity in a special research on finding out a complex of principles of content selection of pre-professional law education urgent. The task is solved by identifying the selection principles of the course of “Young Criminalist” within the youth school at Vitebsk State University.

The purpose of the article is to identify theoretical bases of designing the contents of the optional course “Young Criminalist” for schoolchildren by the identification and description of the selection principles of the contents which are aimed at law pre-professional training of schoolchildren.

Material and methods. The study is based on T.F. Dmitriyeva's personal research findings which were obtained earlier while introducing a course for schoolchildren “Young Criminalist” into the practice of work of Vitebsk State P.M. Masherov University. The methodological base is the system of pedagogical and general scientific and branch research methods of forensics.

Findings and their discussion. Theoretical bases of designing the contents of the optional course “Young Criminalist” for schoolchildren are presented in the article: a complex of selection principles of the pre-professional law education contents is offered; the essence of the identified principles is revealed; connections between them are shown.

As a result of the research theoretical bases of designing the contents of the optional course “Young Criminalist” for schoolchildren are identified by finding out and describing the content selection principles, aimed at pre-professional law training of schoolchildren, namely, the principles of culture agreement, poly-subject integration, historicism, methodologization, practical significance, correspondence and necessary sufficiency, dual introduction of basic components of the education contents into the system, functional completeness.

Conclusion. The course content mastering promotes shaping students' pre-professional competences, socially and professionally significant personality traits. It also facilitates professional aiming at law jobs. The successful introduction of the course into practice showed the efficiency of using the complex of principles for its content selection.

Key words: pre-professional lawyer training, contents of pre-professional law education, selection of education contents, principles of content selection.

Общеизвестно, что успешная допрофессиональная подготовка может быть осуществлена только при условии разработки и внедрения в практику качественного научно-методического обеспечения. Вместе с тем на сегодняшний день далеко не по всем ключевым направлениям допрофессиональной подготовки такое обеспечение создано. В частности, отсутствуют работы, в которых раскрыты основы отбора профессионально ориентированного содержания факультативных занятий юридической направленности. Данное обстоятельство актуализирует необходимость проведения специального исследования,

посвященного выявлению комплекса принципов отбора содержания допрофессионального юридического образования.

Поставленная задача нами решается на примере определения принципов отбора курса «Юный криминалист». Выбор указанного курса обусловлен, с одной стороны, его междисциплинарной природой, а с другой – сложившимся позитивным опытом (Т.Ф. Дмитриева) осуществления допрофессиональной подготовки и профессиональной ориентации в рамках функционирования школы юных при кафедре уголовного права и уголовного процесса на юридическом факультете Витебского государственного университета

имени П.М. Машерова. В дидактике оформилась теория отбора содержания образования. Однако ее положения отражают лишь требования, предъявляемые к отбору содержания общего среднего образования.

Цель научной статьи – установить теоретические основы конструирования содержания курса по выбору для школьников «Юный криминалист» путем выявления и описания принципов отбора содержания, ориентированного на допрофессиональную подготовку школьников юридической направленности.

Материал и методы. Данное исследование основано на личных результатах педагогической деятельности Т.Ф. Дмитриевой, полученных ранее при внедрении курса для школьников «Юный криминалист» в практику работы Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Методологической базой является система педагогических и общенаучных, частных научных методов криминалистики. Из педагогических и общенаучных методов криминалистики использовались логический метод – при изложении всего материала, формулировании выводов, предложений; методы системного анализа, синтеза и обобщения – для выявления и описания принципов отбора содержания, ориентированного на допрофессиональную подготовку школьников юридической направленности; метод моделирования – при конструировании содержания курса по выбору для школьников «Юный криминалист»; информационно-аналитический метод – в процессе анализа и обобщения научных исследований ученых.

Из частных научных методов криминалистики применялись технико- и тактико-криминалистические методы – при исследовании средств конструирования содержания курса по выбору для школьников «Юный криминалист». Сочетание различных методов позволило всесторонне изучить вышеобозначенную проблему, провести ее детальный анализ, обосновать полученный результат.

Результаты и их обсуждение. В дидактике отсутствуют принципы отбора содержания, ориентированного на допрофессиональную подготовку школьников юридической направленности. Данные принципы считаем целесообразным выявлять, принимая во внимание:

1) спектр допрофессиональных компетенций, формирующихся при освоении обучающимися курса «Юный криминалист»;

2) педагогический потенциал функционирования объединения по интересам при кафедре уголовного права и уголовного процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова;

3) психолого-педагогические особенности старшеклассников, изучающих курс;

4) пропедевтическую и профессионально-ориентированную направленность обучения.

На наш взгляд, в число принципов отбора содержания курса «Юный криминалист» целесообразно включить: принципы культуросообразности, полипредметной интеграции, историзма, методологизации, практической значимости, соответствия и необходимой достаточности, двойного вхождения базисных компонентов содержания образования в систему, функциональной полноты. Раскроем сущность каждого из них.

Принцип культуросообразности. Деятельностная природа культуры обуславливает ее функционирование в качестве условия «наследования» отдельным человеком опыта, накопленного человечеством. Это означает, что ключевые способы профессиональной деятельности (в нашем случае деятельности криминалиста) могут найти свое воплощение в содержании образования. В этой связи содержание курса «Юный криминалист» должно быть представлено как логическая последовательность деятельностных единиц, усложняющихся по мере освоения обучающимися деятельности допрофессионального характера.

В этом нам видится принципиальное отличие от традиционного подхода к отбору содержания обучения, которое встраивается как информационный массив. Если результатом усвоения традиционно отобранного содержания является информированность обучаемого, то отобранное предлагаемым образом содержание способствует формированию опыта деятельности, т.е. освоению компетенций.

Принимая это во внимание, считаем возможным представить логику отбора содержания курса «Юный криминалист» (пропедевтического этапа подготовки криминалиста) с учетом принципа культуросообразности в виде алгоритма, включающего следующие шаги:

1) системно-структурный анализ деятельности криминалиста с позиций решаемых им профессиональных задач;

2) выявление спектра профессиональных компетенций, сформированность которых обуславливает успешность решения криминалистом профессиональных задач;

3) определение структуры профессиональных компетенций и осуществление содержательного наполнения всех выделенных компонентов;

4) выделение профессиональных компетенций криминалиста, которые целесообразно трактовать как допрофессиональные, и установление критериев их сформированности;

5) проведение многоаспектного анализа криминалистики (как части профессиональной культуры, как прикладной юридической науки, как специфического вида практики);

6) конструирование деятельностных единиц содержания курса «Юный криминалист»;

7) выстраивание логической последовательности деятельностных единиц содержания в соответствии с усложняющимся характером решаемых криминалистом профессиональных задач.

Атрибутом профессиональной культуры является не только грамотно осуществляемая деятельность, отвечающая конституционным принципам законности и нормам уголовно-процессуального права, но и комплекс общечеловеческих и профессиональных ценностей. В этой связи освоение содержания описываемого курса должно содействовать формированию у обучаемых глубокой убежденности в том, что проведение следственных действий должно осуществляться в соответствии с нравственно-этическими нормами. Только в этом случае целесообразно вести речь о профессионализме в следственной практике. Сказанное выше указывает на необходимость обеспечения «аксиологической нагруженности» отбираемого содержания курса «Юный криминалист».

Принцип полипредметной интеграции. Учет данного принципа позволяет преодолеть противоречие между необходимостью применения криминалистом в своей профессиональной деятельности целостного знания и формированием его основных компонентов при изучении различных дисциплин. Как показал опыт нашей работы, при использовании в образовательном процессе интегрированного содержания это противоречие снимается.

На необходимость принимать во внимание рассматриваемый принцип указывает не только специфика профессиональной деятельности криминалиста, но и особенности самой криминалистической науки, имеющей синтетическую природу. Так как учебный предмет должен быть релевантен содержанию науки, положенной в его основу, содержание курса «Юный криминалист» следует выстраивать интегративно. Зоны содержательной интеграции определяются нами с учетом положения криминалистики в системе других наук и интенсивности устанавливаемых между ними связей.

Анализ работы Е.В. Смахтина [1], а также результаты собственной аналитической деятельности позволяют утверждать, что наиболее интенсивны связи криминалистики с уголовным правом и уголовным процессом, а также криминологией, теорией оперативно-розыскной деятельности, уголовной статистикой, судебной медициной.

Поскольку в рамках данной статьи мы решаем задачу, связанную с описанием принципов отбора содержания курса «Юный криминалист», и при этом не претендуем на раскрытие всех его содержательных единиц, считаем допустимым ограничиться рассмотрением лишь некоторых из выявленных зон содержательной интеграции, иллюстрирующих проявление описываемого принципа.

Так, отбирая содержание материала, необходимо обратить внимание на то, чтобы в нем четко прослеживалась обусловленность деятельности криминалиста результатами расследования преступления – выяснением его сущности, признаков, правильной квалификацией содеянного, анализом элементов состава преступления. Последующее «разворачивание содержания» нужно сориентировать на освоение обучающимися компетенций, которые позволят им в дальнейшем выделить специфическую сущность преступления – способ его совершения, основываясь на результатах расследования преступления.

В зону содержательной интеграции криминалистики и криминологии попадает материал, в котором показано влияние понимания преступности как феномена, его причинности и системы мер предупреждения на использование и совершенствование криминалистических методик. Здесь же находит отражение материал, раскрывающий обратное влияние, а именно: те данные криминалистики, которые позволяют выявить причины и условия, обеспечившие возможность совершения преступления. Кроме того, в описываемый компонент включено содержание, раскрывающее возможности использования систематизированных криминалистических данных в качестве информационно-методического обеспечения для разработки новых техник и приемов предупреждения различных преступных деяний.

Принцип историзма фиксирует необходимость изучать объект как систему с точки зрения ее внутренней структуры, динамики и закономерностей развития. Отбор учебного содержания в соответствии с этим принципом требует раскрытия генезиса изучаемых объектов, их современного состояния, направлений и тенденций дальнейшего совершенствования. Это позволяет обеспечить изучение обучающимися прошлого, настоящего и предвидения будущего состояния осваиваемой профессиональной области.

Принцип методологизации предполагает включение в содержание курса учебного материала, способствующего формированию методологической грамотности будущих специалистов. При этом должна учитываться иерархия методов,

используемых в криминалистике. То есть в содержании курса должны найти отражение всеобщие методы познания мира, общенаучные методы и специальные методы (собственно криминалистические), а также частные методы, заимствованные криминалистикой из других наук (биологии, физики, химии, географии и др.).

Считаем важным при рассмотрении всеобщих и общенаучных методов соблюдать требование контексто-обусловленности. Это позволит изучать данные группы методов не изолированно, а в контексте деятельности, осуществляемой криминалистом. Например, для освоения использования метода моделирования в криминалистической практике обучающимся предлагается изготовить копии следов рук, обнаруженных на различных поверхностях при осмотре места происшествия (тема «Криминалистическое изучение человека: следы рук»), изготовить гипсовые слепки следов ног на песке (тема «Криминалистическое изучение человека: следы ног»).

Кроме того, в содержание вышеназванного курса включен материал, направленный на изучение специальных – собственно криминалистических методов. Например, в ходе рассмотрения темы «Криминалистическая фотография» школьники осваивают технико-криминалистические методы. Для этого им предлагается произвести фотосъемку «места происшествия» с соблюдением требований судебной фотографии методами ориентирующей, обзорной, узловой и детальной фотосъемки.

Содержание курса отобрано таким образом, чтобы криминалистические методы изучались в тесной связи с методами, применяемыми в других областях. Например, правила использования физических методов (которые не являются собственно криминалистическими) осваиваются школьниками при выполнении заданий по выявлению следов рук или ног с помощью дактилоскопических порошков. Антропологические и антропометрические методы – в процессе изучения темы «Криминалистическое изучение внешности человека» (обучающимся предлагается создать словесный портрет человека).

Принцип практической значимости приобретает особое значение в условиях ориентированности образования на подготовку компетентного специалиста. Квинтэссенция компетентностного подхода может быть задана через формулу: «Знать не для того, чтобы помнить (воспроизвести в слове, сдать экзамен), а для того, чтобы действовать и решать профессиональные задачи». Несмотря на то, что объединение по интересам не преследует цель подготовки криминалиста-профессионала, а лишь ориентирует

старшеклассников на юридические профессии и создает условия для проведения своеобразных профессиональных проб, принцип практической значимости не утрачивает своей актуальности при отборе содержания.

Наука «Криминалистика», лежащая в основе отбора содержания одноименного учебного предмета, тесно связана с практикой. Все криминалистические рекомендации обусловлены потребностями практики борьбы с преступностью. Результаты практической деятельности наукой описываются, обобщаются, систематизируются, перерабатываются и представляются в виде новых рекомендаций и технологий, позволяющих усовершенствовать практику. Через содержание курса красной линией проходят описанные выше взаимообогащающие связи науки «Криминалистика» с криминалистической практикой.

Важным аспектом реализации принципа практической значимости является придание содержанию курса практико-ориентированного характера. Это предполагает такой отбор и компоновку материала, который бы:

- а) стимулировал обучающихся использовать освоенные знания и умения;
- б) создавал условия для формирования у обучающихся убежденности в том, что высокий уровень теоретической подготовки является залогом успешности в осуществлении практической деятельности;
- в) обеспечил формирование потребности в самосовершенствовании.

Принцип соответствия и необходимой достаточности в системе принципов отбора содержания является системообразующим [2]. Руководствуясь названным принципом, педагог должен соотнести:

- 1) специфику формируемых компетенций;
- 2) содержание, которое нужно освоить обучающемуся для их формирования;
- 3) трудоемкость курса.

Это позволяет выявить перечень единиц содержания и их объем.

За основу для отбора содержания курса «Юный криминалист» был взят курс криминалистики для студентов юридических специальностей университета. Данный курс включает все разделы криминалистики (общую теорию криминалистики, криминалистическую технику, криминалистическую тактику, криминалистическую методику).

Следует заметить, что содержание программы объединения по интересам не является «уменьшенной копией» курса криминалистики для вуза. Такой путь мы считаем неприемлемым, как минимум, по двум причинам. Первая заклю-

чается в различных целевых ориентирах, определяемых для рассматриваемых курсов, вторая – в том, что освоение целого ряда знаний по криминалистике требует определенного уровня юридической подготовки обучающихся.

Именно поэтому в содержании, предназначенном для освоения в объединении по интересам «Юный криминалист», нашли отражение только два раздела: общая теория криминалистики и криминалистическая техника. Мы сочли нецелесообразным включать в программу темы, раскрывающие особенности криминалистической тактики и криминалистической методики.

Такое решение объясняется тем, что освоение названных разделов невозможно осуществить без опоры на знания, которые формируются при изучении специальных юридических дисциплин (общей теории права, уголовного права, уголовного процесса, криминологии, гражданского права, гражданского процесса, административного права, уголовно-исполнительного права, судебной психологии, судебной медицины и др.). Именно эти знания устанавливают пределы и условия применения криминалистических рекомендаций в сфере судебного расследования, компетенцию различных участников процесса в использовании криминалистических средств, приемов, методик.

Вместе с тем, как показал опыт работы по реализации программы объединения по интересам «Юный криминалист», отобранного содержания вполне достаточно для освоения допрофессиональных компетенций, активизации познавательного интереса обучающихся, формирования у них ориентированности на профессии юридического профиля.

Принцип двойного вхождения базисных компонентов содержания образования в систему был сформулирован В.С. Ледневым [3]. Использование этого принципа в решении поставленной нами задачи заключается в том, что отбираемые содержательные единицы курса «Юный криминалист», с одной стороны, способствуют формированию специальных знаний (криминалистических), а с другой – расширяют и углубляют знания обучающихся по общеобразовательным дисциплинам (прежде всего, естественно-математического цикла).

Так, при освоении математических методов криминалистики обучающиеся совершенствуют свои вычислительные навыки, знания по геометрии, математическому моделированию, теории вероятности и иные. В криминалистической практике довольно часто применяются физические методы (метод измерения размеров объекта, его массы, температуры, влажности). Наряду с этим

при помощи физических методов криминалисты устанавливают пространственные и временные отношения (расстояние между объектами, частоту и длительность протекания процессов, скорость движения человека, транспортного средства, животного).

Глубокое понимание специалистом физических и химических законов, лежащих в основе использования специальных криминалистических методов, обуславливает грамотное их применение при проведении следственных действий, связанных с обнаружением, фиксацией, изъятием и изучением следов преступления. Например, обращаясь к физическим методам обнаружения папиллярных узоров, школьники прибегают к анализу механизмов действия физических проявителей при проведении окапчивания, термовакuumного напыления, лазерной флюорографии. Более углубленно и практико-ориентированно рассматриваются отдельные физические явления. При изучении специфики использования окрашивания потожирового следа обучающиеся знакомятся с явлением адгезии. При применении следообразующих веществ, окрашивающее действие которых связано с «внедрением» частиц красителя в вещество следа, расширяются представления обучающихся об адсорбции и адсорбирующих свойствах.

Практическое использование электростатического напряжения для изъятия пылевых следов обуви демонстрируется в процессе работы на учебных занятиях с прибором «Следоскоп». Расширяется спектр известных школьникам из курса химии качественных реакций на наличие в пробах ионов и следов органических веществ. Совершенствуются их картографические умения при описании результатов обследования места преступления.

Таким образом, при отборе курса «Юный криминалист», с одной стороны, специальный (криминалистический) блок надстраивается над содержанием общеобразовательного блока (использует его как теоретическую основу), а с другой – проникает «внутрь» общеобразовательного содержания и иллюстрирует области практического использования естественно-математического знания в криминалистической работе.

Принцип функциональной полноты. Рассматривая его сущность, В.С. Леднев отмечает: «Всякая система... не может эффективно функционировать, если набор ее существенно значимых подсистем не является функционально полным» [3, с. 78]. Существенно значимыми в функциональном плане подсистемами содержания выступают те его составляющие, которые содействуют формированию личности обучающегося как субъекта учебной и допрофессиональной деятельности.

В этой связи реализация рассматриваемого принципа требует представленности в содержании курса технологической, личностно развивающей и креативной составляющей.

Очень важно, чтобы при освоении программы у обучающихся школы «Юный криминалист» формировались не только допрофессиональные компетенции, но и развивались профессионально значимые качества (наблюдательность, работоспособность, терпение, честность, скрупулезность, аккуратность, ответственность, критичность мышления, самостоятельность и другие).

Заключение. В результате проведенного исследования сформированы теоретические основы конструирования содержания курса по выбору для школьников «Юный криминалист» путем выявления и описания принципов отбора содержания, ориентированного на допрофессиональную подготовку школьников юридической направленности. Отбор содержания курса «Юный криминалист» целесообразно осуществлять на основе принципов культуросообразности, полипредметной интеграции, историзма, методологизации, практической значимости, соответствия и необходимой достаточности, двойного вхождения

базисных компонентов содержания образования в систему, функциональной полноты.

Содержание курса «Юный криминалист» представляет собой педагогически адаптированный опыт, фиксирующий основные направления деятельности криминалиста. Освоение содержания данного курса содействует формированию у обучающихся допрофессиональных компетентностей, социально и профессионально значимых качеств личности, а также способствует профессиональной ориентации на специальности юридического профиля. Успешное внедрение выше-названного курса в практику работы показало перспективность использования предложенного комплекса принципов для отбора его содержания.

Литература

1. Смахтин, Е.В. Соотношение криминалистики с уголовным и уголовно-процессуальным правом / Е.В. Смахтин // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2009. – № 3. – С. 63–67.
2. Аранская, О.С. Содержание гуманитаризации химического образования школьников / О.С. Аранская, Е.Я. Аршанский. – Витебск: Изд-во ВГУ, 1999. – 99 с.
3. Леднев, В.С. Содержание образования: сущность, структура, перспективы / В.С. Леднев. – М.: Высш. шк., 1991. – 223 с.

Поступила в редакцию 26.11.2018 г.

УДК 340.114.5:316.472

Правовое сознание в системе социального контроля

Янч В.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Построение правового государства в любом обществе невозможно без трансформации сознания людей, целью которой является интегрирование индивидов и социальных групп вокруг системы ценностей, поддерживаемых государством, его институтами и обществом в целом.

Цель статьи – выявление регулятивного потенциала правового сознания как инструмента и объекта социального контроля.

Материал и методы. Материалом исследования послужили научные концепции социального контроля, представленные в отечественной и зарубежной правовой мысли. Изучение места и роли правового сознания в системе социального контроля потребовало использования методологии сравнительного правоведения. Анализ факторов, обуславливающих концептуальные различия в толковании социального контроля, основан на применении логического и исторического методов научного познания.

Результаты и их обсуждение. Автор показывает, что социальный контроль не следует отождествлять лишь только с социальным принуждением. Можно говорить о наличии в системе социального контроля мягких и жестких сторон. В английской терминологии их можно выразить через понятия *soft control* и *strict control*.

Социальный контроль помимо принудительного аспекта содержит в себе и созидательный потенциал, создавая условия для саморазвития личности, целенаправленного всестороннего совершенствования социальной системы.

Заключение. Правовое сознание в системе социального регулирования выступает и как инструмент, и как объект социального контроля. Как инструмент правовое сознание влияет на индивидов и социальные группы, реализуя сформированные правовые поведенческие установки. Как объект правовое сознание подвергается воздействию со стороны государственной правовой политики с целью достижения социально значимых результатов.

Ключевые слова: чувство справедливости, правовое сознание, социальное регулирование, социальный контроль, мягкий контроль, жесткий контроль, манипулирование.

Legal Consciousness in the System of Social Control

Yanch V.V.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The legal state in any society is impossible without the transformation of the consciousness of people which aims at integration of individuals and social groups around the system of values which are supported by the state, its institutions and the society on the whole.

The purpose of the article is to identify the regulatory potential of legal consciousness as an instrument and an object of social control.

Material and methods. The research material was the scientific publications of domestic and foreign authors devoted to the study of the phenomena of legal consciousness and social control. The study of the place and the role of legal consciousness in the system of social control required the use of the methodology of comparative science of law. The analysis of factors which condition conceptual differences in the interpretation of social control is based on the application of the logical and historical methods of scientific cognition.

Finding and their discussion. The author shows that social control should not be identified only with social coercion. We can talk about the presence in the system of social control of soft and hard sides. In English terminology, they can be expressed in terms of soft control and strict control. In addition to the coercive aspect, social control also contains a creative potential, creating conditions for the self-development of the individual, purposeful and comprehensive improvement of the social system.

Conclusion. Legal consciousness in the system of social regulation is both an instrument and an object of social control. As a tool, legal consciousness affects individuals and social groups, implementing formed legal behavioral attitudes. As an object, legal consciousness is exposed to influence from the state legal policy in order to achieve socially significant results.

Key words: sense of justice, legal consciousness, social regulation, social control, soft control, strict control, manipulation.

Построение правового государства в любом обществе невозможно без трансформации сознания людей, целью которой становится интегрирование индивидов и социальных групп вокруг системы ценностей, поддерживаемых государством, его институтами и обществом в целом. Одной из важнейших социальных ценностей в правовом государстве является правопорядок как следствие законопослушного поведения граждан, направляемого их правовым сознанием. В силу этого изучение правосознания, его структуры, уровней, деформаций, способов воздействия на него видится несомненно актуальной проблемой, несмотря на то, что правосознание давно выступает как объект исследования философов, социологов, правоведов. Не менее важным является вопрос изучения прикладных функций правового сознания, прежде всего, как элемента системы социального контроля.

Цель статьи – выявление регулятивного потенциала правового сознания как инструмента и объекта социального контроля.

Материал и методы. Материалом исследования послужили научные концепции социального контроля, представленные в отечественной и зарубежной правовой мысли. Изучение места и роли правового сознания в системе социального контроля потребовало использования методологии сравнительного правоведения. Анализ факторов, обуславливающих концептуальные различия в толковании социального контроля, основан на применении логического и исторического методов научного познания.

Результаты и их обсуждение. Сложность изучения правового сознания состоит, прежде всего, в его идеальной природе, такой же как и природа самого сознания человека, до сих пор так и остающейся загадкой для современной науки. В научной литературе представлены раз-

личные подходы к определению правосознания, обусловленные правопониманием их авторов. В «Философском энциклопедическом словаре» правосознание трактуется как «совокупность взглядов, идей, выражающих отношение людей, социальных групп, классов к праву, законности, правосудию, их представления о том, что является правомерным или неправомерным» [1, с. 521]. Н.М. Юрашевич понимает под правосознанием «систему чувств, привычек, представлений, оценок, взглядов, теорий, идей субъектов права, отражающих правовую действительность и оценочное отношение к ней (к социально-правовым установкам и ценностным ориентациям общества; к прошлому, действующему и ожидаемому праву) и выполняющих посредством этого роль своеобразного регулятора (саморегулятора) их поведения в юридически значимых ситуациях» [2, с. 181].

Русский философ, писатель и публицист И.А. Ильин определял правосознание как «естественное чувство права и правоты или как особого рода инстинктивное правочувствие, в котором человек утверждает свою собственную духовность и признает духовность других людей» [3, с. 231]. Такое понимание правосознания, несмотря на некоторый его романтизм, ценно тем, что автор утверждает идею возможности духовного развития личности, ее самоутверждения, в теснейшей взаимосвязи с созданием условий для саморазвития других людей, признанием их правосубъектности, говоря юридическим языком.

На основании приведенных выше дефиниций правосознания в его структуру можно включить такие составляющие, как правовые чувства, правовая мораль, правовые представления, идеи, знания, оценки, поведенческие установки. Сложная структура правосознания порождает определенные проблемы в его изучении. В западной литературе используются даже различные термины-синонимы правосознания: «sense of justice» – чувство справедливости и «conscience of law» – сознание права. В первом случае акцент делается на эмоционально-психологической стороне правосознания, во втором – на его рациональной стороне, прежде всего, осознанном отношении к праву, основанном на его знании. Помимо этого, используется термин «legal consciousness», который наиболее близок по значению к пониманию правосознания как формы общественного сознания.

Трудности в изучении правосознания обусловлены также тем, что оно органично слито с сознанием человека, тесно переплетено с его нравственным, религиозным сознанием, оно качественно неоднородно у представителей различных социальных слоев, даже у лиц, профессионально занимающихся юридической де-

ятельностью. Ведь правовой нигилизм и иные деформации правосознания, к сожалению, мы можем наблюдать не только среди обыкновенных граждан, но и среди лиц, чья работа напрямую связана с правоприменением. Примером тому являются, в частности, коррупционные преступления, совершаемые должностными лицами, в том числе и представителями правоохранительных органов. Одним словом, идеальная природа правового сознания, индивидуальные и групповые особенности его носителей обусловили тот факт, что до сих пор никому не удалось создать единую, признанную научным сообществом, методику его изучения.

Исходя из вышесказанного, целесообразным представляется использовать дифференцированный подход к исследованию правосознания как с учетом специфики его носителей, так и его собственной структуры. Очевидно, что из всех компонентов правового сознания наиболее доступными для анализа являются правовые знания. Их исследование может быть осуществлено через создание вопросников, которые включают в свой состав правовые ситуации, задачи, вопросы на знание правовых норм. Они позволяют выявить уровень информированности граждан об особенностях правового регулирования отдельных сфер правовых отношений.

Помимо определения уровня знания права можно подвергнуть измерению групповое сознание и ценностные ориентации социальных групп и коллективов, выявить отношение населения к существующей правовой системе, ее институтам, юристам, работникам правоохранительных органов и др. Однако при этом следует иметь в виду, что поведенческая установка и реальное поведение граждан не всегда совпадают в конкретной правовой ситуации. Это может быть обусловлено эмоционально-психологической вовлеченностью в сложную жизненную ситуацию индивида и неспособностью в силу этого полностью контролировать свое поведение.

Тем не менее, несмотря на методологические трудности изучения правового сознания, в теории права, юридической социологии, криминологии сложилось твердое убеждение, что правовое сознание является одним из важнейших инструментов социального контроля над поведением личности.

В научной литературе представлены различные подходы к пониманию *социального контроля*. На концептуальном уровне данная проблема впервые стала объектом научных исследований в рамках американской социологии права (юридической социологии, как ее принято там называть). Один из ее основателей, Роско Паунд в сво-

ей книге «Право в системе социального контроля» утверждал, что социальный контроль преследует две цели. С одной стороны, он не должен препятствовать развитию индивидуальной инициативы, стихийному самоутверждению индивида, а с другой – должен предотвратить нанесение ущерба обществу со стороны лиц, нарушающих установленные запреты [4]. Такое понимание социального контроля обусловлено тем, что в американской правовой традиции социальный контроль не отождествляют с социальным принуждением. Американское общество – это, прежде всего, совокупность людей, для которых на первом месте стоит индивидуальная свобода, дающая возможность раскрыть и реализовать заложенный в человеке потенциал. Поэтому принуждение вторично, оно необходимо лишь тогда, когда в своем саморазвитии и самоутверждении индивид мешает реализации законных интересов других людей.

Для советской и постсоветской юридической школы в большей степени характерно отождествление социального контроля с системой мер, направленных на пресечение девиантного поведения, т.е. с разного рода ограничениями, а в крайнем варианте – с принуждением. Так, в «Философском энциклопедическом словаре» социальный контроль понимается как «совокупность процессов в социальной системе (обществе, социальной группе, организации и т.п.), посредством которых обеспечивается следование определенным “образцам” деятельности, а также соблюдение ограничений в поведении...» [1, с. 639]. То есть это способ регулирования общественных отношений, направленный на устранение элементов дезорганизации и тем самым – на сохранение устойчивости в развитии социальной системы.

Как видим, на первый план выступает сохранение целостности общества, никаких рассуждений о саморазвитии и самореализации индивида в данном определении не просматривается. Представляется, что различия между подходами в понимании социального контроля обусловлены историко-культурными особенностями социальных систем. Отрицание частной собственности в Советском Союзе сопровождалось стремлением общее благо поставить выше индивидуального. Развитие же капитализма в США и других странах западного мира основывалось на всемерной защите и поддержке права частной собственности, там реализовывалась иная стратегия: чем богаче индивиды, тем богаче общество. В силу этого социальный контроль реализовывался через систему разнообразных мягких и жестких агентов влияния, начиная с искусства и заканчивая правом, с его принудительными возможностями. Именно

право, по мнению Роско Паунда, выступает основным инструментом социального контроля.

Поэтому можно говорить о наличии в системе социального контроля мягких и жестких сторон. В английской терминологии их можно выделить через понятия *soft control* и *strict control*. Очевидно, что социальный контроль должен рассматриваться шире, нежели система принуждения. Следует согласиться с Д.Г. Дыльновым, который отмечает, что «контроль должен приводить к позитивным практическим результатам, иметь конструктивное значение в системе человеческой деятельности, обеспечивая не только стабильность, но и целенаправленное всестороннее развитие, совершенствование социальной системы» [5, с. 33].

Через призму структурно-функционального подхода социальный контроль может быть рассмотрен, с одной стороны, как система социальных институтов, нормативных и ненормативных регуляторов поведения индивидов и социальных групп, а с другой – как организованная совокупность корректирующих воздействий, целью которых является обеспечение гармоничного сочетания статики и динамики в развитии общественных отношений.

В числе социальных институтов, участвующих в осуществлении социального контроля, можно выделить семью как агента первичной социализации личности. К агентам вторичной социализации принято относить учебные и трудовые коллективы, церковь, общественные организации и др. Необходимо отметить, что в конкретной жизненной ситуации агенты социализации, в зависимости от силы их влияния на поведение индивида, могут меняться местами в их своеобразной иерархии. Если ребенок в силу обстоятельств воспитывается в детском интернатном учреждении, то именно его коллектив станет для несовершеннолетнего агентом первичной социализации.

Наиболее мощными нормативными регуляторами в системе социального контроля являются право, мораль, религия, политика, корпоративные нормы. Среди них право занимает доминирующее положение, которое обусловлено двумя факторами. Во-первых, правовые предписания обеспечиваются принудительной силой государства. Выполнение предписаний иных социальных регуляторов реализуется за счет иных факторов (совесть, общественное мнение, религиозные убеждения). Во-вторых, именно право определяет место иных социальных регуляторов в системе нормативного регулирования. Например, религия может быть возвышена вплоть до ее огосударствления, а может быть низвергнута, как

это случилось во времена массовой атеизации в Советском Союзе в 20–30-е годы XX века.

Ненормативные регуляторы (информационный, ценностный, социальный институт предсказаний) являются инструментами «мягкого контроля», так как не содержат в себе четких, однозначных указаний на необходимое, с точки зрения интересов общества, поведение. Не предусматривают они и жесткой системы санкций. Воздействие на общественные отношения, поведение индивидов и социальных групп осуществляется через рекомендацию желательного для общества поведения индивидов и их групп. Санкций как таковых нет, результат же достигается через воздействие на индивидуальное или групповое сознание.

Правовое сознание является как инструментом, так и объектом социального контроля. Как инструмент правовое сознание через знание права, правовые убеждения, эмоциональные правовые переживания, правовую мораль влияет на индивидов и социальные группы, реализуя сформированные правовые поведенческие установки.

Как объект правовое сознание подвергается воздействию со стороны государственной правовой политики. Следует отметить, что такое воздействие дифференцируется в зависимости от специфики носителей правового сознания. Если речь идет об образованной части населения, то воздействие будет оказываться в большей степени на рациональные элементы правосознания (правовые знания, правовая идеология). Если же объектом воздействия оказываются маргинальные группы населения, то более эффективным будет обращение к чувственной стороне правового сознания.

У современного государства, особенно в эпоху интенсивного развития информационных технологий, имеются мощные инструменты воздействия на индивидуальное и групповое правовое сознание. Прежде всего, речь идет об управлении государством информационными потоками. Правовое регулирование информационной сферы является одним из важнейших направлений оптимизации государственного управления. Реализуя свои полномочия в информационной сфере, государство становится доминирующим «игроком» в сфере информационно-психологического воздействия на правовое сознание индивидов, социальных групп и общества в целом. Осуществляя целенаправленное производство и распространение информации, пропагандируя определенный тип социальных ценностей, государство формирует информационно-психологическую среду общества.

Ресурсы государства в этой сфере настолько велики, что сегодня можно говорить и о возмож-

ности манипулирования как общественным, так и правовым сознанием на государственном уровне. Используя ресурсы телевидения, печатных и электронных средств массовой информации, государство способно заставить значительные слои населения порой кардинально пересмотреть свое отношение к некоторым проблемам. В XX веке примером тому является формирование негативного отношения к представителям еврейского населения в фашистской Германии. Много споров сегодня вызывает оценка легитимности отделения от Сербии частично признанной Республики Косово, вхождения Крыма в состав Российской Федерации, попытка басков провозгласить независимость от Испании. Не углубляясь в юридический и политический аспекты проблемы, отметим лишь, что, используя возможности влияния на информационные потоки, государства сформировали у большинства населения отношение к вопросу законности политико-территориальных изменений в соответствии со своими представлениями о национальных интересах.

Обратим внимание также на то, что манипулированию, в отличие от государственно-правовой пропаганды, свойственно скрытое воздействие на поведение индивидов и социальных групп, когда информационно-психологическое воздействие происходит опосредованно. Такое влияние может осуществляться через распространение фейковых новостей, слухов, информационных провокаций, создание телевизионных ток-шоу определенной направленности и др. В результате подмены понятий, навешивания ярлыков и т.п. создается ложное представление о реальности, которое со временем заменяет индивиду подлинную реальность. В этой новой реальности существует угроза того, что могут быть признаны ненужными или ложными сформированные ранее нравственные императивы личности, что в конечном счете приведет к трансформации базовых основ правосознания.

Заключение. При регулировании общественных отношений, в которых реализуются нормы публичного и частного права, помимо собственно правовых предписаний, важнейшую роль играют императивы правового сознания. Через правовое сознание на индивидуальном и групповом уровне реализуются правовые поведенческие установки. Поэтому в юридической сфере правовое сознание является центральным элементом системы социального контроля, выступая его инструментом. Правовое сознание – объект социального контроля. Используя свои ресурсы, особенно в информационной сфере, государство воздействует на правосознание граждан, стремясь добиться одобрения осуществляемой им

внутренней и внешней политики и сформировать готовность населения реальными действиями поддержать важные для государства социальные и политические проекты. При этом могут иметь место попытки манипулирования правовым сознанием.

Противостоять манипулированию правосознанием можно путем его рационализации, которая предполагает рациональное постижение и понимание механизмов и технологий манипуляции на основе подлинной свободы доступа к информации.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев [и др.]. – М.: Норма, 1983. – 840 с.
2. Юрашевич, Н.М. Эволюция понятия правового сознания / Н.М. Юрашевич // Правоведение. – 2004. – № 2. – С. 165–181.
3. Ильин, И.А. Собр. соч.: в 10 т. / И.А. Ильин. – М., 1993. – Т. 4. – 576 с.
4. Pound, Roscoe. Social Control Through Law / Roscoe Pound. – New Haven: Yale University Press, 1942. – 374 p.
5. Дыльнов, Д.Г. Социальный контроль в условиях современного российского общества / Д.Г. Дыльнов // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Социология. Политология. – 2008. – Т. 8, вып. 1. – С. 32–37.

Поступила в редакцию 15.01.2019 г.

УДК 347.965:347.918(476)

Адвокат как субъект третейского разбирательства

Егорова А.Г.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машиерова»

В статье определяются возможные формы участия адвоката в третейском правосудии – как представителя стороны по делу и как самостоятельной процессуальной фигуры – третейского судьи.

Данные формы участия анализируются с позиций законодательства о третейском разбирательстве и об адвокатской деятельности. Определяются общие точки соприкосновения и различия в правовом регулировании представительских функций адвоката и деятельности в качестве третейского судьи.

Цель работы – обосновать возможность применения профессиональных знаний адвокатом в статусе судьи постоянно действующего третейского суда.

Материал и методы. Материалом исследования послужили нормативные правовые акты, регулирующие вопросы адвокатской деятельности и осуществления третейского правосудия в Республике Беларусь. Методологической базой выступили общие приемы исследования правовых объектов и специально-юридические методы познания таких социальных объектов, как институты адвокатуры и третейского разбирательства.

Результаты и их обсуждение. В статье анализируется правовое положение адвоката в третейском процессе – как представителя одной из сторон спора и как самостоятельной процессуальной фигуры – третейского судьи.

Обосновано участие адвоката в третейском разбирательстве как в составе суда, так и самостоятельно – в качестве одного арбитра.

Адвокат является самостоятельным субъектом третейского рассмотрения спора при условии, что он представляет интересы одной из сторон. Если же адвокат принимает участие в арбитражном разбирательстве как судья, то его деятельность определяется не Законом «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь», а законодательством, регулирующим третейскую деятельность, то есть нормативными правовыми актами (в частности Законом «О третейских судах») и регламентами третейского суда.

Заключение. Анализ действующего законодательства в сфере адвокатской деятельности и третейского разбирательства, а также практики применения норм свидетельствует о том, что адвокат в третейском процессе может представлять интересы своего клиента только в одном качестве – как представитель истца или ответчика по делу. При участии адвоката в суде в качестве самостоятельного арбитра он рассматривает спор в соответствии с принципами и правилами, определяемыми законодательством Республики Беларусь о третейском правосудии, а не нормами об адвокатской деятельности.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская деятельность, третейский суд, арбитр, третейское правосудие.

The Advocate as the Subject of the Arbitration Proceedings

Egorova A.G.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article defines the possible forms of participation of an advocate in the arbitration justice – as a representative of the party in the case and as an independent procedural figure – the arbitrator.

These forms of participation are analyzed from the standpoint of the legislation on arbitration and advocacy. Common points of contact and differences in the legal regulation of representative functions of an advocate and activities as an arbitrator are determined.

The purpose of the research is to substantiate the conclusion about the possibility of using professional knowledge by an advocate, in the status of a judge of a permanent arbitration court.

Material and methods. The material of the research is the normative legal acts regulating the issues of advocacy and the implementation of arbitration justice in the Republic of Belarus. The method of the research is the general methods of research of legal objects and special legal methods of cognition of such social objects as the institutions of advocacy and arbitration.

Findings and their discussion. The article deals with the legal position of the advocate in the arbitration process, as a representative of one of the parties to the dispute and as an independent procedural figure – the arbitrator. The participation of an advocate in the arbitral proceedings both as a part of the court and independently as a single arbitrator is justified.

A lawyer is an independent subject of the arbitral proceedings on condition he represents interests of one of the sides. If he participates in arbitration as a judge his activity isn't regulated by the Law "On advocacy and advocate activity in the Republic of Belarus" but by legislation which regulates the arbitration or by normative legal acts (namely, the Law "On arbitration courts") and the procedures of the arbitration court.

Conclusion. Analysis of the current legislation in the field of advocacy and arbitration, as well as the practice of application of the rules leads to the conclusion that the advocate in the arbitration process can represent the interests of his client only in one capacity as a representative of the plaintiff or the defendant in the case. With the participation of an advocate in court as an independent arbitrator, he considers the dispute in accordance with the principles and rules defined by the legislation of the Republic of Belarus on arbitration justice, and not the rules on advocacy.

Key words: advocate, advocacy, arbitration court, arbitrator, arbitration justice.

Формирование системы третейского правосудия в Республике Беларусь требует особого подхода к определению субъектов третейского разбирательства, к числу которых можно отнести как непосредственно истца и ответчика, так и сам третейский суд, который осуществляет процесс разрешения спора при наличии третейского соглашения сторон. Но если о профессиональных качествах истца и ответчика мы можем судить достаточно условно, то арбитры представляют собой ту категорию субъектов, профессиональные познания которых непосредственно отражаются как на характере самого процесса, так и на качестве решения третейского суда.

Целью данной статьи является анализ возможностей и пределов процессуального участия в третейском разбирательстве адвоката.

Материал и методы. Материалом исследования послужили нормативные источники, регулирующие деятельность третейского суда (Закон Республики Беларусь от 18.07.2011 г. «О третейских судах» – в редакции Законов Республики Беларусь от 13.12.2011 г., от 01.01.2015 г., от 05.01.2016 г., от 24.10.2016 г.; Типовой регламент постоянно действующего третейского суда, утвержденный Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 18.01.2012 г.), а также Закон Республики Беларусь от 30.12.2011 г. «Об адвокатуре и

адвокатской деятельности в Республике Беларусь» в редакции Законов Республики Беларусь от 29.12.2012 г., от 11.07.2017 г. [1–3]. Методологической базой выступили общие приемы научного познания юридических текстов и практики правоприменения, а также способы толкования нормативных правовых актов.

Результаты и их обсуждение. Авторитет третейского разбирательства споров и вынесенного решения зависит от качества юридической услуги, предоставляемой специалистами в области права, то есть применительно к рассматриваемой ситуации третейскими судьями. По смыслу статьи 13 Закона «О третейских судах» третейским судьей может быть физическое лицо, имеющее высшее образование и стаж работы по специальности не менее трех лет. Дополнительным требованием к судье является наличие высшего юридического образования и стажа работы по юридической специальности не менее трех лет при условии, что арбитр разрешает спор единолично. Это обстоятельство не меняет общего достаточно широко представленного в данном Законе понимания статуса третейского судьи. В этой же статье содержатся ограничения, при наличии которых физическое лицо не может выполнять функции арбитра. Однозначно из перечня третейских судей исключаются государственные служащие, которые, как известно, обладают до-

статочны качественными профессиональными компетенциями.

Из всего круга специалистов, имеющих лицензионные основания для осуществления профессиональной деятельности, в особую категорию можно выделить адвокатов. С одной стороны, данные субъекты осуществляют адвокатскую деятельность в судебных инстанциях и иных организациях. С другой стороны, действующее законодательство не запрещает адвокату выступать в качестве судьи третейского суда. Следующий вопрос заключается в том, что на момент рассмотрения дела в данного рода судах адвокат оказывает не юридическую помощь, а рассматривает спор в качестве арбитра. Оказание юридической помощи предполагает два момента: во-первых, адвокат осуществляет содействие клиенту в понимании, правильном использовании им нормативных положений законодательства, защищая права и интересы своего клиента (ст. 1 Закона «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» – далее Закона); во-вторых, юридическая помощь оказывается, как правило, на возмездной основе (ч. 1 ст. 15 Закона). И если во втором случае юридическая помощь и рассмотрение третейского спора схожи по основаниям возмездности, то в первом случае эти два вида деятельности могут быть совершенно противоположными. Выполняя функции третейского судьи, физическое лицо выступает исключительно в качестве арбитра, а не как адвокат или представитель любой другой профессии. Ценность участия адвоката, априори обладающего профессиональными познаниями, в качестве третейского судьи основано исключительно на качестве его знаний и опыта. Конечно же, могут иметь место недостаточная подготовка и отсутствие навыков у определенного адвоката. В таком случае стороны не изберут этого специалиста в качестве судьи. Но если рассматривать ситуацию в идеальном варианте, то участие адвоката в качестве третейского судьи окажет существенное влияние на качество рассматриваемого спора как по причине профессиональной подготовки данного специалиста, так и по основаниям его широкой компетентности, какой характеризуется деятельность адвоката.

Участие адвоката в третейском разбирательстве может осуществляться и в форме представительства интересов своего клиента, являющегося стороной спора. В таком случае адвокат не меняет своего статуса. Юридические познания и опыт данного субъекта разбирательства будут касаться существа спора, а также особенностей заключенного третейского соглашения и знания регламента, в соответствии с которым проводится рассмотрение дела. Не исключается данный

объем профессионального познания и для адвоката, который является третейским судьей и должен вникать в существо спора, а также правила регламента. Но дополнительно к данным факторам присоединяется качественно иной момент, связанный с отказом от восприятия противоположной стороны как «противной» по делу. Не имеет значения, в каком виде третейского суда адвокат осуществляет функции арбитра – в *ad hoc* или институциональном арбитраже. Установление истины по делу является исключительной прерогативой суда. Выполняя функции арбитра, адвокат представляет всю картину спора с позиций как минимум двух сторон, не отдавая предпочтение ни одной из них. В противном случае институт арбитражирования себя дискредитировал бы, и о наличии третейского суда могло бы говорить только его упоминание в законе.

Профессиональный и процессуальный переход адвоката в статус третейского арбитра определяется уже на стадии составления реестра третейских судей. В соответствии с Инструкцией о порядке ведения реестра третейских судей и постоянно действующих третейских судов, утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 02.12.2011 года [4], в числе иных формальных сведений о судье относительно специальности, места работы, стажа и прочих данных, в реестр заносится информация о круге вопросов, в сфере которых специализируется кандидат на должность третейского судьи. Национальная практика адвокатской деятельности свидетельствует, напротив, о широкой специализации адвокатов, которым приходится работать по самым различным категориям дел. Исключение представляют специализированные юридические консультации, которых не так уж и много в стране. Кроме того, специализируются на рассмотрении экономических споров так называемые «лицензиаты», полномочия которых достаточно непонятно определены относительно участия в работе третейских судов. В частности, согласно Правилам осуществления деятельности по оказанию юридических услуг, утвержденным Постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 22.01.2016 года [5], участвуя в разрешении споров в третейском суде, лицензиат должен исходить из того, что он обязан представлять права и законные интересы заказчика в соответствии с законодательством Республики Беларусь. В данной связи непонятна роль такого лица, если он будет выполнять функции третейского судьи.

Представляется, что решение данного вопроса должно осуществляться по аналогии с арбитражной функцией адвоката, при выполнении

которой он перестает быть адвокатом в должностном плане, но продолжает выполнять профессиональные функции юридического характера.

Статья 13 Закона «О третейских судах» определяет круг требований, которые предъявляются к третейскому судье не только в силу закона, но и согласно регламенту суда, и даже третейскому соглашению, заключаемому, как известно, сторонами. Что касается требований, установленных законом, то перечень их традиционен и касается отсутствия судимости, фактов недееспособности или ограниченной дееспособности и т.п. Дополнительные же требования к арбитру могут касаться самого широко круга качеств кандидатов в третейские судьи – от профессиональной специализации до моральных качеств. Закон никак не определяет критерии выдвижения таких требований. Главное, чтобы они были закреплены документально либо в регламенте, как в типовом, так и в локальном, либо в самом третейском соглашении сторон, передающих свой спор для третейского разбирательства. Не исключается, что стороны могут оговорить адвокатский статус будущего судьи, что было бы приемлемо для качества рассмотрения спора. Иными словами, помимо специализации, стороны могут оговорить профессию физического лица, что не будет противоречить законодательству.

Еще одним дополнительным требованием может быть стаж работы лица в должности адвоката, поскольку по понятным причинам не каждый адвокат может качественно рассмотреть дело как арбитр, не имея на это определенного опыта. Представляется, что в дальнейшем, при развитии института третейского разбирательства, стороны станут предъявлять требования и относительно наличия у арбитра опыта третейского разрешения споров. Конечно же на сегодняшний день такая практика отсутствует.

Известно, что стороны достаточно ответственно относятся к избранию арбитров. Но не исключена ситуация, при которой спорящие стороны не определяют арбитров, а укажут лишь на суд, который должен рассмотреть их спор. В таком случае судья будет назначен председателем третейского суда (ч. 3 ст. 14 Закона «О третейских судах»). Особая процедура назначения судей предусмотрена и в случае, если стороны не пришли к единому мнению о составе суда (ч. 4 ст. 14). В обоих случаях происходит изменение принципа автономии воли сторон спора относительно избрания арбитров. Практически можно советовать сторонам спора более тщательно относиться к избранию судей, но все случаи предусмотреть невозможно, и потому закон оставляет за собой право сделать самостоятельный выбор в пользу

того или иного арбитра. В данной ситуации, что касается указания сторон на профессиональные качества арбитров, в частности на адвокатские компетенции, это обстоятельство как раз и компенсирует «забывчивость» сторон спора относительно назначения конкретных арбитров. Рассматривать спор в такой ситуации станет только лицо, имеющее соответствующую подготовку и лицензию. Конечно же последующее рассмотрение спора данное лицо будет осуществлять не как адвокат, а как профессионально подготовленный компетентный арбитр.

Помимо участия адвоката непосредственно в третейском разбирательстве, предполагается осуществление квалифицированной помощи и на стадии подготовки дела к его третейскому рассмотрению. В частности, адвокат может участвовать в подготовке третейского соглашения. Хорошие знания материальных и процессуальных норм помогут сторонам потенциального спора предусмотреть разновариантную возможность разрешения спора по существу. Это касается как содержания соглашения, так и последующей его реализации.

Третейское соглашение представляет собой договоренность сторон о передаче спора на разрешение третейского суда. В силу статьи 9 Закона «О третейских судах» это соглашение имеет явно выраженную письменную форму. Адвокат может оказать помощь сторонам не только относительно выбора и понимания третейского суда, но и определения конкретного суда, исходя из его компетенции и удобства для клиентов. Но главная задача адвоката – подготовить качественное содержание третейского соглашения. От этого будет зависеть не только результат по делу, но и характер и размер затрат клиента. Недоработка в выборе суда приведет к снижению качества выносимого решения, если рассматривать его применительно к общей системе правоприменения, и к возможным дополнительным расходам – для клиента, представляемого адвокатом в третейском процессе. Поэтому адвокат должен знать не только материальное право, что также немало важно, но и особенности третейского процесса.

В качестве несомненных преимуществ третейского правосудия указывают на оперативность, конфиденциальность и относительно малую стоимость рассмотрения возникающих споров [6, с. 38–40].

Оперативность обеспечивается не только отсутствием заформализованности процесса, но и возможностью самим сторонам спора определять процедуру его разрешения. В Республике Беларусь утвержден Типовой регламент постоянно действующего третейского суда, но его роль

незначительна по сравнению с возможностями сторон самим определять порядок арбитражного разбирательства. В этой связи адвокат может предложить свой вариант рассмотрения спора и договориться с противоположной стороной об особенностях процесса.

С этим качеством арбитража тесно связан вопрос конфиденциальности рассмотрения споров. Если стороны не пожелают афишировать свое дело, как и само решение, вынесенное по нему, ни один субъект третейского процесса не может раскрыть его содержание неопределенному кругу лиц. Эта обязанность также касается адвоката, хотя и мало соотносится с Правилами профессиональной этики адвоката [7]. Дело в том, что, согласно данному документу, адвокатская тайна в основной своей части касается сведений о вопросах, по которым клиент обратился за юридической помощью, а также сути консультаций, разъяснений, справок, полученных клиентом (п. 15). Конфиденциальность в рамках рассматриваемого третейским судом дела относится к категории коммерческой тайны, которую адвокат также должен сохранять в рамках своей профессиональной этики. Поэтому аналогичные сведения, составляющие коммерческую тайну, могут принадлежать как клиенту адвоката, так и стороне спора. В этом защита прав клиента и сторон совпадает.

В части стоимости третейского рассмотрения спора данный вопрос касается больше выбора истца и ответчика. Адвокат может лишь разъяснить сторонам об отсутствии требования об уплате государственной пошлины и о необходимости оплатить третейский сбор, который также разнится в зависимости от выбранного суда. Каких-то профессиональных познаний в этом вопросе от адвоката не требуется, хотя разъяснять данные вопросы на стадии заключения третейского соглашения необходимо.

Заключение. Таким образом, адвокат в третейском процессе может представлять интересы своего клиента только в одном качестве – как представитель истца или ответчика по делу. Если же адвокат привлекается для участия в третей-

ском разбирательстве в качестве судьи, то процессуально он перестает считаться адвокатом и рассматривает спор в соответствии с принципами и правилами, установленными законодательством Республики Беларусь о третейском правосудии.

Что касается иерархии источников правового регулирования, определяющих статус адвоката-представителя и адвоката-судьи в третейском разбирательстве, то преимущество остается за специальным законодательством, к которому относится Закон Республики Беларусь «О третейских судах» и соответствующие нормативные правовые акты, определяющие порядок третейского правосудия.

Литература

1. О третейских судах [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 18 июля 2011 г. № 301-З: принят Палатой представителей 24 июня 2011 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 2011 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Типовой регламент постоянно действующего третейского суда [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 18 янв. 2012 г. № 62 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь 30 декабря 2011 г. № 334-З: принят Палатой представителей 19 дек. 2011 г.: одобр. Советом Респ. 20 дек. 2011 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. Инструкция о порядке ведения реестра третейских судей и постоянно действующих третейских судов [Электронный ресурс]: постановление Министерства юстиции Респ. Беларусь от 2 дек. 2011 г. № 272 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. Правила осуществления деятельности по оказанию юридических услуг [Электронный ресурс]: постановление Министерства юстиции Респ. Беларусь от 22 янв. 2016 г. № 12 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
6. Брунцева, Е.В. Международный коммерческий арбитраж: учеб. пособие / Е.В. Брунцева. – СПб.: Изд. дом «Сентябрь», 2001. – 368 с.
7. Правила профессиональной этики адвоката [Электронный ресурс]: постановление Министерства юстиции Респ. Беларусь от 6 февр. 2012 г. № 39 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

Поступила в редакцию 18.02.2019 г.

Сравнительное право и европеизация частного права*

Циммерман Р.

*Институт сравнительного и международного частного права имени М. Планка
(Гамбург, Германия)*

Международная унификация права рассматривается в качестве ключевой задачи сравнительного правоведения. Правовая унификация на глобальном уровне создает проблемы ввиду неизменной «евроцентричности» этого процесса. Постепенная европеизация частного права на многих уровнях и с участием различных субъектов является сегодня одним из наиболее значительных правовых событий.

Цель статьи – показать роль сравнительного правоведения в процессе европеизации частного права стран ЕС.

Материал и методы. Материалом статьи послужили нормативные правовые акты международного характера, регулирующие частноправовые отношения. Метод исследования: сравнение правовых объектов на уровне правовых институтов и норм, регулирующих имущественные отношения.

Результаты и их обсуждение. В статье раскрывается роль сравнительного правоведения в процессе интеграции правовых норм стран ЕС. Устанавливаются правовые институты и нормативные правовые акты, регулирующие имущественные отношения. Европеизация частного права рассматривается сквозь призму формирования и развития Европейского Союза. Анализируются важные договоры в сфере европейского торгового

права. Определяется роль Европейского суда в унификации национальных законодательств. Автор обращает внимание на качество Директив Европейского Союза, которые являются источником международного частного права и одновременно стимулируют процессы европеизации национального права стран ЕС.

Заключение. Публикация статьи будет продолжена в последующих номерах журнала.

Ключевые слова: сравнительное право, частное право, торговое право, Европейский Союз, европеизация.

Comparative Law and Europization of Private Law

Zimmermann R.

Max Plank Institute of Comparative and International Private Law (Hamburg, Germany)

International law unification is considered to be a key issue of Comparative Law. Legal unification on the global level causes problems due to the constant European centrality of the process. Gradual “europization” of Private Law at many levels and with the participation of different subjects is today one of the most significant legal events.

The purpose of the article is to indicate the role of Comparative Law in the europization process of EU countries’ Private Law.

Material and methods. Normative legal acts of international character, which regulate private legal relations, make up the material of the article. The research method is comparison of legal objects at the level of legal institutions and norms which regulate property relations.

Findings and their discussion. The role of Comparative Law in the process of the integration of EU countries’ legal norms is considered in the article. Legal institutions and normative legal acts, which regulate property relations, are analyzed. Europization of Private Law is considered through the prism of shaping and development of the European Union. Significant agreements in the sphere of European Trade Law are analyzed. The role of European Court in the unification of national jurisdictions is identified. The author pays attention to the quality of EU Directives which are the source of the International Private Law and, at the same time, stimulate europization processes of EU countries’ national laws.

Conclusion. The article will be continued in the following issues of journal.

Key words: Comparative Law, Private Law, Trade Law, European Union, europization.

* Перевод текста – А.В. Егоров

I. Вступление: унификация частного права как задача сравнительно-правовых исследований

Международный Конгресс сравнительного права, организованный в Париже в 1900 году, сегодня широко известен тем, что способствовал становлению сравнительного права как специфической отрасли юридической науки. Конгресс был задуман двумя французскими учеными – Эдуардом Ламбертом и Раймоном Салейлем, которые были вдохновлены идеей *droit commun de l'humanité civilisée* (общего права цивилизованного человечества) [1]. По их мнению, сравнительное право должно было устранять так называемые «случайные различия», появившиеся между национальными законами современных государств. Таким образом, международная унификация права с самого начала рассматривалась в качестве ключевой задачи сравнительного правоведения. Этот стимул привел к тому, что после окончания Первой мировой войны под эгидой Лиги Наций в Риме был создан Международный институт унификации частного права (УНИДРУА). В 60-х годах прошлого столетия под названием ЮНСИТРАЛ (Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли) была создана вторая организация, занимающаяся международной унификацией права. Влияние обоих этих органов на развитие права остается ограниченным [2]. Их наиболее значительным достижением на сегодняшний день является подготовка Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров (Венская конвенция 1980 года) – документа, охватывающего ключевую область частного права, который вступил в силу более чем в восьмидесяти государствах, в том числе в двадцати одном из государств-членов ЕС, и в результате этого приобретает все большее значение в юридической практике [3]. Конвенция также имеет большое влияние в сфере национальной и наднациональной правовой реформы. «Движущей силой» унификации международного права купли-продажи был Эрнст Рабель, один из величайших юристов-компаративистов XX века. Его двухтомный научный труд о праве купли-продажи товаров и сегодня остается образцом для сравнительных исследований в области частного права [4].

Правовая унификация на глобальном уровне создает проблемы ввиду неизменной «евроцентричности» этого предприятия (включая проявления европейского права в других частях мира). Правовые различия между законами разных наций или народов не обязательно объясняются историческими случайностями или случайными обстоятельствами; они могут быть основаны на фундаментальных культурных, экономических или политических различиях. Поэтому правовая

унификация является гораздо более перспективным проектом, если она сосредоточена на законах народов, находящихся на аналогичном этапе культурного и экономического развития, которые, кроме того, имеют общий исторический опыт и политическую философию. Когда такие страны приступают к осуществлению проекта создания экономического сообщества, унификация правового режима, касающегося коммерческих сделок, рано или поздно становится вопросом, имеющим важное политическое значение [5]. Другие области права могут последовать этому примеру. Развитие данного процесса мы наблюдаем в Европе после Второй мировой войны. Постепенная европеизация частного права на многих уровнях и с участием различных субъектов является сегодня одним из наиболее значительных правовых событий. Важную роль в этом отношении играют и будут продолжать играть сравнительные юридические знания. В настоящей главе будет предпринята попытка оценить эту роль.

II. Европеизация частного права

1. От Рима до Лиссабона: создание Европейского Союза

Опустошения двух мировых войн были широко восприняты как знак окончательного провала эпохи агрессивного национализма. Таким образом, (три) европейских сообщества были задуманы как краеугольный камень для мирной и политически единой Европы [6]. Это видно, например, из определения цели Договора об учреждении Европейского экономического сообщества (1957). Преамбула содержала указание на стремление «заложить основы для все более тесного союза между народами Европы». Намерение отцов-основателей в этом отношении отражало идеи, высказанные Уинстоном Черчиллем в его знаменитой Цюрихской речи в сентябре 1946 года, а еще раньше, в начале 30-х годов, сформулированные Аристидом Брианом.

Однако фактический прогресс оказался медленнее, чем первоначально предполагалось. Долгое время Европейское экономическое сообщество оставалось, по сути, тем объединением, о котором говорит само его название, – экономическим сообществом ряда суверенных европейских государств. Только в 70-е годы движение к интеграции получило новый импульс. Это привело к принятию единого Европейского акта 1986 года, который не только расширяет общий диапазон компетенций, но и содержит обязательство принять меры с целью постепенного создания внутреннего рынка к концу 1992 года. В Маастрихтском договоре о Европейском Союзе, который был подписан в феврале 1992 года, был заложен курс на создание валютного союза, что

привело к введению единой валюты в 1999 году. Также в данном документе предусматривалось введение двух новых основополагающих принципов общей политики Европейского Союза по таким направлениям, как иностранные вопросы и проблемы безопасности, с одной стороны, и полицейское и судебное сотрудничество по уголовным делам, с другой стороны. Амстердамский договор 1999 года внес третий крупный пересмотр правовых основ европейского союза и способствовал дальнейшему развитию процесса интеграции в неэкономическом пространстве. Ниццкий договор (декабрь 2000 года) привел к осуществлению ряда институциональных реформ. Декларация Лаакена «Будущее Европейского Союза» (декабрь 2001 года) учредила Конвенцию, в соответствии с которой было поручено подготовить европейскую Конституцию. Документ, составленный согласно этой конвенции, был подписан правительствами государств-членов Европейского Союза в июне 2004 года. Впоследствии она была ратифицирована рядом государств-членов, но не получила большинства голосов на референдумах, состоявшихся в Нидерландах и Франции. Это была неудача, от которой Европейский Союз попытался оправиться с помощью Лиссабонского договора, подписанного в декабре 2007 года и вступившего в силу два года спустя, 1 декабря 2009 года. Этот договор воспринял существенные элементы несостоявшегося Конституционного договора, превратив Договор ЕС в «Договор о функционировании Европейского Союза» (TFEU), а также внес поправки в Маастрихтский договор (с поправками, внесенными Амстердамским и Ницким договорами). Вместе Договоры ЕС и TFEU сегодня составляют правовую основу ЕС [7]. ЕС заменил ЕС и является его правопреемником. Кроме того, 1 декабря 2009 года вступила в силу Хартия основных прав, провозглашенная еще в 2000 году. На протяжении многих лет членство в ЕС неуклонно увеличивалось с первоначальных шести государств (Франция, Германия, Италия и Бенилюкс) до двадцати восьми; однако только девятнадцать из них ввели евро и, таким образом, «подписались» на следующий (третий) этап развития ЕС, который обычно называют экономическим и валютным союзом. Это может свидетельствовать о некотором ослаблении европейской идеи, по крайней мере, на институциональном или политическом уровне, поскольку она получила сокрушительный удар в результате референдума Brexit 23 июня 2016 года, когда за выход из Европейского Союза проголосовало около 52% британского электората. Как следствие, механизм Договора ЕС в соответствии со статьей 50 был запущен премьер-министром Великобритании 29 марта 2017 года.

Это означает, что не позднее 30 марта 2019 года Соединенное Королевство перестанет быть государством-членом Европейского Союза. На данном этапе невозможно оценить значение этого события для будущего развития ЕС [8]. Националистические движения, во всяком случае, получили поддержку и в других государствах-членах ЕС.

2. «Лоскутное одеяло» директив

Несмотря на то, что У. Холлстейн, первый президент Европейской комиссии, призвал обратить внимание на необходимость гармонизации в области частного права еще в 1964 году [9], это предложение было воспринято всерьез только в 90-х годах, в рамках исследования частного права. До этих пор Европейское экономическое сообщество воспринималось как образование, имеющее дело с сельскохозяйственными субсидиями, импортными пошлинами, «утверждающее» формы тракторных сидений или размер овощей. Право Европейского сообщества рассматривалось как отрасль публичного права. Даже в тех случаях, когда законодательство Европейского сообщества пыталось затрагивать (или, как это часто воспринималось, «посягать») частное право, европейские правовые регуляторы, как правило, действовали в таких специализированных областях, как право подачи жалоб или право интеллектуальной собственности. Особенно масштабная программа гармонизации была осуществлена в области корпоративного права [10]. Первые две директивы в основных областях традиционного частного права датируются 1985 годом: Директива об ответственности за продукцию и так называемая Директива о продаже «у порога». Но только Директивой о потребительских договорах 1993 года каждому юристу дали понять, что частное право в Европе приобрело новое измерение. В течение некоторого времени даже рассматривался вопрос о введении контроля за справедливостью всех положений, содержащихся в потребительских договорах, независимо от того, стандартизированы они или нет. Громкие протесты, особенно со стороны Германии [11], в конечном счете, вынудили Европейскую Комиссию отступить в этом отношении.

Еще одним важным шагом в деле европеизации частного права с помощью директив Европейского сообщества стало принятие в 1999 году Директивы о продаже потребительских товаров. Договор купли-продажи, в конце концов, всегда был центральным типом сделки в коммерческой жизни. Кроме того, директива была предусмотрена в качестве общей модели для модернизации национального законодательства о купле-продаже, а также в качестве первого строительного камня для европейской кодификации права купли-продажи товаров [12]. В Германии это вызвало

самую широкую реформу, когда-либо затронувшую Германское гражданское уложение с момента его вступления в юридическую силу [13].

Сегодня у нас есть около двадцати директив в области традиционного частного права, и многие другие нормативные акты действуют за его пределами [14]. Все вместе они представляют собой «лоскутное одеяло», состоящее из отдельных законодательных актов, которое было добавлено к «гобелену» частного права. Однако эти нормативные акты не всегда хорошо приспособлены к этому общему гобелену или даже друг к другу [15]. Общим знаменателем этих директив является то, что они оказывают или должны оказывать определенное влияние на надлежащее функционирование внутреннего рынка. Это дает им определенную предвзятость в политике. Однако институты частного права ценны не только тем, что вносят свой вклад в создание или поддержание свободных рынков; договорное право, например, является чем-то большим, чем простое нормативное дополнение к свободному движению товаров, людей, услуг и капитала (т.е. к четырем основным экономическим свободам, закрепленным в Договоре ЕС) [16]. Директивы должны выполняться государствами-членами. Независимо от того, делают ли они это путем принятия разрозненного законодательства, разработки частичных кодификаций (например, в форме принятия законов о потребительских договорах) или путем включения в гражданский кодекс. В любом случае в результате национальные правовые системы неизбежно приобретают новый аспект сложности [17], а зачастую и внутреннюю фрагментацию. В частности, в последние двадцать пять лет Европейский Союз доминировал в развитии потребительского права [18]. Тем не менее все еще не ясно, как потребительское право и общее договорное право должны соотноситься друг с другом [19]. В то же время все соответствующие директивы были основаны на статье 95 Договора ЕС (в настоящее время: статья 114 TFEU). Однако в своем решении по Директиве о рекламе табака Европейский суд подчеркнул, что Европейский Союз может принимать меры для сближения законов, действующих в государствах-членах, только в том случае, если эти меры направлены на улучшение функционирования внутреннего рынка. Это может иметь место только тогда, если расхождение соответствующих национальных правил представляет собой препятствие для свободной торговли или приводит к заметным искажениям конкуренции [20]. Из-за этих строгих стандартов многие положения директив по защите прав потребителей имеют хрупкую основу. Как представляется, реальная цель, преследуемая Европейским Союзом,

заключается в поощрении определенного минимального уровня защиты прав потребителей во всех государствах-членах, а не в устранении предполагаемых торговых барьеров, обусловленных разнообразием уровней защиты в государствах-членах [21]. В октябре 2008 года ЕС объявил о намерении «объединить» четыре наиболее важные директивы в области защиты прав потребителей «в единый горизонтальный инструмент». В конце концов в октябре 2011 года была издана Директива по правам потребителей, которая, однако, представляет собой достаточно не амбициозное объединение Директивы о защите потребителей по договорам, заключенным за пределами торговых площадок с Директивой о дистанционных контрактах [22]. Так, Директива о правах потребителей не отражает критического обзора *acquis communautaire* («достояния сообщества»), который был предусмотрен, в частности, в Сообщении 2004 года, озаглавленном «Путь вперед» [23].

3. Роль Европейского суда

Следовательно, если нынешнее состояние правовой гармонизации в рамках Европейского Союза законодательными средствами является неудовлетворительным по ряду причин, то и деятельность Европейского суда не очень способствует улучшению общей картины. Хотя этот Суд действительно разрабатывает концепции, правила и принципы, имеющие отношение к праву Союза и, в большей степени, также к законам его государств-членов. Все же возможности Суда в этом отношении остаются в равной степени ограниченными [24]. Европейский суд не является верховным судом для разрешения частноправовых споров в целом в рамках Европейского Союза. Он обладает юрисдикцией в спорах, касающихся компенсации за ущерб, причиненный сообществом, и, что касается внедоговорной ответственности, то в статье 340(2) (TFEU) (статья 288(2) Договора ЕС) суд конкретно ссылается на «общие принципы, общие для законодательства государств-членов» [25]. Кроме того, основной «путь» для Европейского суда в вопросах частного права проложен статьей 267 TFEU (статья 234 Договора ЕС) о предварительных постановлениях, целью которой является обеспечение единообразия толкования правовых актов сообщества. Так, например, Суд постановил, что право отзыва в отношении сделок, заключенных за пределами торговых площадок, применяется к договорам поручительства при условии, что основное обязательство, которое поручитель должен обеспечить, также заключено вне помещений предприятия предпринимателя; что покупатель, заключивший сделку «у порога», может иметь право расторгнуть договор даже по истечении шести месяцев, если он не

был должным образом проинформирован о своем праве на расторжение; или что термин «убытки» в Директиве о пакетных поездках (и, возможно, за ее пределами?) включает моральный ущерб [26]. Это, несомненно, важные вопросы, влияющие на применение частного права во всех 28 государствах-членах Европейского Союза и иногда также требующие реформы национальных законодательств. Однако разрешение этих вопросов носит ограниченный и разрозненный характер [27].

4. Европейское торговое право

В противоположности к фрагментарной гармонизации находится всесторонняя и системная гармонизация. Это может быть достигнуто не судами, а только посредством создания законодательства. Всеобъемлющий и систематизированный законодательный акт обычно называется кодексом [28]. Кодификация Европейского частного права последовательно отстаивалась Европейским парламентом. Впервые об этом было указано в его резолюции в мае 1989 года. Совет Европейского Союза поднял эту тему на встрече в г. Тампере (Финляндия) в октябре 1999 года путем запроса на «общее исследование... необходимости гармонизации законодательства государств-членов по гражданским делам в целях устранения препятствий для нормального функционирования гражданского судопроизводства». Очевидно, что контрактное право имеет здесь ключевое значение. Таким образом, Комиссия Европейского Союза опубликовала план действий по разработке более согласованного Европейского контрактного права [29], который, в частности, направлен на разработку «общих рамок». За планом действий последовали дальнейшие сообщения, которые, в свою очередь, положили начало ряду инициатив, среди которых, самое главное:

– (i) создание свода принципов существующего договорного права ЕС (Acquis Principles = ACQP), попытка сформулировать систему частного права сообщества с первичными и вторичными актами законодательства ЕС, а также их толкование судом в качестве авторитетной основы [30];

– (ii) проект Общих правовых рамок (DCFR), который был задуман его составителями как проект Европейского Гражданского кодекса не только для общего договорного права и права купли-продажи, но и для значительной части наследственного права за пределами этих областей [31]. В 2010 году был опубликован так называемый «Зеленый документ» о «вариантах стратегии для продвижения к Европейскому договорному праву для потребителей и предприятий» [32]; создание «факультативного инструмента» стало предпочтительным решением; Европейская комиссия создала группу экспертов для подготовки «технико-эко-

номического обоснования будущего инструмента в Европейском контрактном праве»; и на основе этого технико-экономического обоснования в октябре 2011 года было опубликовано предложение по Положению об общем европейском законе о продажах [33]. Общеввропейское право купли-продажи, содержащееся в Приложении I к предлагаемому Положению, представляет собой проект кодификации, включающий не только право купли-продажи, упомянутое в его названии, но и некоторые тесно связанные договоры об обслуживании, а также общие положения контрактного права. Предполагается, что общеевропейское право купли-продажи не будет непосредственно применяться ко всем договорам, заключенным в рамках Европейского Союза; его применение должно зависеть от конкретного соглашения сторон на этот счет («модель согласия») [34].

Однако проект кодификации был свернут: в декабре 2014 года Комиссия, к тому времени возглавляемая Ж.-Д. Юнкером, объявила о своем намерении отозвать документ «Общие правовые рамки». Он был заменен Предложением для Директивы «по некоторым аспектам», касающимся контрактов на онлайн-ую и иную дистанционную продажу товаров, и другим Предложением о директиве «по некоторым аспектам», касающимся контрактов на поставку цифрового контента [35]. Оба предложения призваны «полностью раскрыть потенциал электронной торговли на цифровом общем рынке». Глядя на эти два предложения и учитывая большие амбиции, сопровождающие политический процесс гармонизации европейского договорного права, а также огромные усилия, вложенные в этот процесс, можно вспомнить о маленькой мышке, которая родилась несмотря на то, что горы трудились.

Публикация статьи будет продолжена в последующих номерах журнала.

Литература

1. See the account by David S. Clark, 'Nothing New in 2000?: Comparative Law in 1900 and Today', (2001) 75 Tulane LR 871 ff; a paper presented at the Centennial World Congress on Comparative Law in New Orleans. For the historical background of the development of comparative law as a discipline in its own right, see Stefan Vogenauer, 'Rechtsgeschichte und Rechtsvergleichung um 1900: Die Geschichte einer anderen "Emanzipation durch Auseinanderdenken"', (2012) 76 *RebelsZ* 1122 ff. For a balance sheet after 100 years, see Jürgen Basedow, 'Hundert Jahre Rechtsvergleichung', [2016] *Juristenzeitung* 269 ff.
2. Herbert Kronke, 'Ziele—Methoden, Kosten, Nutzen: Perspektiven der Privatrechtsharmonisierung nach 75 Jahren UNIDROIT', [2001] *Juristenzeitung* 1149 ff; idem, 'UNIDROIT', in Jürgen Basedow, Klaus J. Hopt, and Reinhard Zimmermann (eds), *The Max Planck Encyclopedia of European Private Law (MaxEuP)* (2012) 1723 ff; Franco Ferrari, 'UNCITRAL', in MaxEuP 1705 ff.
3. Franco Ferrari (ed), *Quo Vadis CISG?* (2005); Reinhard Zimmermann (ed), 'Symposium CISG—The 25th Anniversary: Its Impact in the Past and Its Role in the Future',

- (2007) 71 *RabelsZ* 9 ff; Ingeborg Schwenzer (ed), 35 Years CISG and Beyond (2016); most recently, see Ulrich Magnus, 'UN-Kaufrecht—Aktuelles zum CISG', (2017) 25 *Zeitschrift für Europäisches Privatrecht* 140 ff.
4. Ernst Rabel, *Das Recht des Warenkaufs* (2 vols, 1936 and 1958). See Gerhard Kegel, 'Ernst Rabel—Werk und Person', (1990) 54 *RabelsZ* 1 ff; Reinhard Zimmermann, "In der Schule von Ludwig Mitteis": Ernst Rabels rechtshistorische Ursprünge, (2001) 65 *RabelsZ* 1 ff; Rolf-Ulrich Kunze, Ernst Rabel und das Kaiser-Wilhelm-Institut für ausländisches und internationales Privatrecht 1926-1945 (2004); Timo Utermark, *Rechtsgeschichte und Rechtsvergleichung bei Ernst Rabel* (2005).
5. See generally Arnald J. Kanning, *Unifying Commercial Laws of Nation-States: Coordination of Legal Systems and Economic Growth* (2003).
6. For details, see the documentation edited by Reiner Schulze and Thomas Hoeren, *Dokumente zum Europäischen Recht* (2 vols, 1999 and 2000); Frank Schorkopf, *Der Europäische Weg* (2nd edn, 2015).
7. For details of the development sketched very briefly in the preceding sentences, see the entries on 'European Community', 'European Constitution', 'European Union', and 'European Economic Constitution' in *MaxEuP* 565 ff, 572 ff, 641 ff, 588 ff (the first three by Ninon Colneric, the last by Ernst-Joachim Mestmäcker).
8. See, for first reactions, Jürgen Basedow, 'Brexite und das Privat- und Wirtschaftsrecht', (2016) 24 *Zeitschrift für Europäisches Privatrecht* 567 ff; Andrew Dickinson, 'Close the Door on Your Way Out', (2017) 25 *Zeitschrift für Europäisches Privatrecht*
9. Walter Hallstein, 'Angleichung des Privat- und Prozessrechts in der Europäischen Wirtschaftsgemeinschaft', (1964) 28 *RabelsZ* 211 ff.
10. See today Mathias Habersack and Dirk A. Verse, *Europäisches Gesellschaftsrecht* (4th edn, 2011); Stefan Grundmann, *European Company Law* (2nd edn, 2012); Andreas M. Fleckner, 'Company Law', in *MaxEuP* 281 ff.
11. See eg Claus-Wilhelm Canaris, 'Verfassungs- und europarechtliche Aspekte der Vertragsfreiheit in der Privatrechtsgesellschaft', in *Wege und Verfahren des Verfassungslebens: Festschrift für Peter Lerche* (1993), 873 ff.
12. Stefan Grundmann, in Stefan Grundmann and Cesare Massimo Bianca (eds), *EU-Kaufrechts-Richtlinie: Kommentar* (2002), Einleitung, n 19.
13. Reinhard Zimmermann, *The New German Law of Obligations* (2005).
14. For an overview, see Peter-Christian Müller-Graff, 'EC Directives as a Means of Private Law Unification', in Arthur Hartkamp, Martijn Hesselink, Ewoud Hondius, Carla Joutstra, Edgar du Perron, and Muriel Veldman (eds), *Towards a European Civil Code* (4th edn, 2011), 149 ff. The Directives in the core areas of private law are easily accessible in Oliver Radley-Gardner, Hugh Beale, and Reinhard Zimmermann (eds), *Fundamental Texts on European Private Law* (2nd edn 2016), 275 ff.
15. For general overviews, see Christian Twigg-Flesner (ed), *European Union Private Law* (2010); Jürgen Basedow, 'EU Private Law', in *MaxEuP* 537 ff.
16. Oliver Remien, 'Fundamental Freedoms (General Principles)', in *MaxEuP* 762 ff.
17. For the problems concerning the application of private law in such a multi-layered system, see Beate Gsell, 'Zivilrechtsanwendung im europäischen Mehrebenensystem', (2014) 214 *Archiv für die civilistische Praxis* 99 ff.
18. Geraint G. Howells and Stephen Weatherill, *Consumer Protection Law* (2nd edn, 2005); Stephen Weatherill, *EU Consumer Law and Policy* (2nd edn, 2013); Hannes Rösler, 'Consumers and Consumer Protection Law', in *MaxEuP* 369 ff.
19. For an approach based on the self-determination of the consumer, see Josef Drexler, *Die wirtschaftliche Selbstbestimmung des Verbrauchers* (1998); Reinhard Zimmermann, 'Consumer Contract Law and General Contract Law', in *idem* (n 13), 159 ff.
20. Case C-376/98 *Germany v European Parliament* [2000] ECR I-8419.
21. Wulf-Henning Roth, 'Europäischer Verbraucherschutz und BGB' [2001] *Juristenzeitung* 477 ff.
22. On the Directive and its implementation, see Giovanni De Cristofaro and A. de Franceschi (eds), *Consumer Sales in Europe* (2016).
23. COM(2004) 651 final. The issue is canvassed in Horst Eidenmüller, Florian Faust, Hans Christoph Grigoleit, Nils Jansen, Gerhard Wagner, and Reinhard Zimmermann (eds), *Revision des Verbraucher-acquis* (2011); for a summary in English, see 'Towards a Revision of the Consumer-Acquis', (2011) 48 *CMLR* 1077 ff.
24. Jörg Pirrung, 'European Court of Justice (ECJ)', in *MaxEuP* 583 ff; Stephen Weatherill, 'Interpretation of the Directives: The Role of the Court', in Hartkamp et al (n 14), 185 ff; Jules Stuyck, 'The European Court of Justice as a motor of private law', in: Twigg-Flesner (n 15), 101 ff.
25. For a detailed discussion, see Wolfgang Wurmnest, *Grundzüge eines europäischen Haftungsrechts: Eine rechtsvergleichende Untersuchung des Gemeinschaftsrechts* (2003), 13 ff.
26. Case C-45/96 *Bayerische Hypotheken- und Wechselbank AG v Edgar Dietzinger* [1998] ECR I-1199; Case C-481/99 *Heininger v Bayerische Hypo- und Vereinsbank AG* [2001] ECR I-9945; Case C-168/00 *Simone Leitner v TUI Deutschland GmbH & Co KG* [2002] ECR I-2631.
27. On the European Union's legislation and the case law of the European Court of Justice in the field of contract law, see Stephen Weatherill, *Contract Law of the Internal Market* (2016); Bettina Heiderhoff, *Europäisches Privatrecht* (4th edn, 2016).
28. Jan Peter Schmidt, 'Codification', in *MaxEuP* 222 ff; Reinhard Zimmermann, 'Codification: The Civilian Experience on the Eve of a Common European Sales Law', in: Wen-Yen Wang (ed), *Codification in International Perspective* (2014), 11 ff.
29. COM(2003) 68 final.
30. On the ACQP, see Hans Christoph Grigoleit and Lovro Tomasic, 'Acquis Principles', in *MaxEuP* 10 ff. For comment, see Nils Jansen and Reinhard Zimmermann, 'Restating the Acquis Communautaire? A Critical Examination of the "Principles of the Existing EC Contract Law"', (2008) 71 *Modern LR* 505 ff.
31. See Reinhard Zimmermann, 'Common Frame of Reference (CFR)', in *MaxEuP* 261 ff. For comment, see Nils Jansen and Reinhard Zimmermann, "A European Civil Code in All But Name": Discussing the Nature and Purposes of the Draft Common Frame of Reference, (2010) 69 *Cambridge LJ* 98 ff; Horst Eidenmüller, Florian Faust, Hans Christoph Grigoleit, Nils Jansen, Gerhard Wagner, and Reinhard Zimmermann, 'The Common Frame of Reference for European Private Law—Policy Choices and Codification Problems', (2008) 28 *Oxford Journal of Legal Studies* 659 ff.
32. On which, see Max Planck Institute for Comparative and International Private Law, 'Policy options for progress towards a European contract law: comments on the issues raised in the Green Paper from the Commission of 1 July 2010, COM(2010) 348 final', (2011) 75 *RabelsZ* 371 ff.
33. For detailed accounts of the development leading up to the CESL, see the contributions to the Section on European Contract Law of the Proceedings of the 4th European Jurists' Forum (2008), 1 ff; Reinhard Zimmermann, 'The Present State of European Private Law', (2009) 57 *AJCL* 479 ff; H. Beale, 'The story of EU contract law – from 2001 to 2014', in Christian Twigg-Flesner (ed), *Research Handbook on EU Consumer and Contract Law* (2016) 431 ff; Nils Jansen and Reinhard Zimmermann, 'European Contract Laws: Foundations, Commentaries, Synthesis', in Nils Jansen and Reinhard Zimmermann (eds), *Commentaries on European Contract Laws* (forthcoming). All the texts mentioned (ACQP, DCFR, FS, and CESL) can be found in Radley-Gardner, Beale, and Zimmermann (n 14), Part III.
34. For comment on the CESL, see Horst Eidenmüller, Nils Jansen, Eva-Maria Kieninger, Gerhard Wagner, and Reinhard Zimmermann, 'The Proposal for a Regulation on a Common European Sales Law: Deficits of the Most Recent Textual Layer of European Contract Law', (2012) 16 *Edinburgh LR* 301 ff.
35. COM(2015) 635 final; COM(2015) 634 final.

Поступила в редакцию 05.03.2019 г.

Направления совершенствования системы управления персоналом

Бекиш Е.И.

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси Витебский филиал «Международный университет «МИТСО»»

Человеческие ресурсы имеют большое значение для любой организации. Грамотное управление персоналом повышает эффективность работы организации, способствует выживанию организации. От обеспеченности предприятия персоналом и его профессионализма зависят объем и своевременность выполнения всех работ, эффективность использования оборудования, машин механизмов и как результат – объем производства продукции, ее себестоимость, прибыль и ряд других экономических показателей.

Цель научной статьи – проведение оценки направлений совершенствования персонала на примере ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат».

Материал и методы. Материалом для исследований послужили данные производственно-хозяйственной деятельности ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат» и показатели ее эффективности, электронные информационные ресурсы. Основные методы изучения: аналитический метод, методы экономического и статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. При проведении анализа количественного состава трудовых ресурсов предприятия выявлено, что основной удельный вес в структуре работников ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат» занимают рабочие – более 68%, или 598 человек. Доля специалистов на предприятии составляет

20%, или 131 человек. На основании произведенной оценки уровня образования работников предприятия установлено, что большая часть работников организации имеет профессионально-техническое образование. Их количество составляет 304 человека, или около 34,6%. Среднее специальное образование имеют 287 работников, или 32,7%, и 184 человека с высшим образованием, или 21%. Анализ повышения квалификации на предприятии показал, что обучение за последний год прошли 126 человек. Из них большую часть – 65,9% – занимают рабочие. Повысили свою квалификацию всего 74 человека. Количество прошедших профессиональную подготовку и переподготовку составляет 52 человека.

Заключение. Выявлено, что повышению квалификации на предприятии уделяется большое внимание. Обучение и повышение квалификации проходят все категории работников предприятия. Установлено, что для осуществления повышения эффективной производственной деятельности ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат» имеет в штате высококвалифицированных работников.

Ключевые слова: предприятие, персонал, возраст, образование, квалификация, управление, развитие, стимулирование, эффективность.

Directions of the Personnel Control System Improvement

Bekish E.I.

Educational Establishment of Vitebsk Branch of Belarusian Federation of Trade Unions “International University of «MITSO»”

Human resources are of great importance for any institution. Competent management of the personnel raises an institution overall performance, promotes an institution survival. The volume and timeliness of the performance of all works, efficiency of use of the equipment, machinery and mechanisms depend on personnel provision of the enterprise and efficiency of its use and as result – production volume, its cost price, profit and a number of other economic indicators.

The purpose of the research is carrying out an assessment of the directions of the personnel improvement on the example of Open Joint Stock Company “Orsha Meat Preserve Plant”.

Material and methods. As a material for the research data of the production economic activities of Open Joint Stock Company “Orsha Meat Preserve Plant” and indicators of its efficiency, electronic information resources were used. The basic methods of the research were analytical as well as methods of the economic and statistical analysis.

Findings and their discussion. While analyzing the quantitative structure of the manpower of the enterprise it was revealed, that the basic relative density in the structure of workers of Open Joint Stock Company “Orsha Meat Preserve Plant” is taken by workers, more than 68% or 598 people. The share of experts at the enterprise makes 20% or 131 persons. On the basis of the assessment of the workers' education level it is established, that the biggest part of the workers has vocational training. Their quantity makes 304 persons or about 34,6%. 287 workers or 32,7% have technical college education

and 184 workers or 21% have higher education. The analysis of professional updating at the enterprise has shown that 126 people took the courses over the last year. Among them the biggest number, 65,9%, are workers. 74 people updated their qualification. The quantity of those who took vocational training and retraining makes 52 people.

Conclusion. It is revealed, that improvement of professional skill updating at the enterprise is paid great attention to. Training and updating is taken by all the categories of workers of the enterprise. It is established, that to implement the increase of the industrial activity efficiency Open Joint Stock Company "Orsha Meat Preserve Plant" has in its staff highly skilled workers.

Key words: enterprise, personnel, age, education, qualification, management, development, stimulation, efficiency.

Сегодня основная часть организаций Республики Беларусь старается улучшить свою деятельность за счет привлечения дополнительных ресурсов, в то время как на многих из них остается масса скрытых и неиспользованных резервов. Их поиск имеет большое значение, так как они позволяют более эффективно использовать уже имеющиеся ресурсы [1].

Характерными чертами современного менеджмента являются признание возрастающей роли человеческого фактора в системе производства и развитие новых форм и методов управления персоналом, в первую очередь на уровне предприятий и фирм. Сегодня основными факторами конкурентоспособности стали обеспеченность рабочей силой с необходимым уровнем квалификации, степень ее мотивации и организационные структуры и формы работы [2].

Любая отрасль народного хозяйства в состоянии нормально функционировать, если будет обеспечена высококвалифицированными подготовленными кадрами специалистов. Персонал предприятия является главным его ресурсом, от качества и эффективности использования которого во многом зависят результаты деятельности предприятия и его конкурентоспособность.

Совершенствование системы управления персоналом – это важный этап в повышении эффективности бизнеса в современных условиях. Лозунг «Кадры решают все» всегда был важным элементом организации любой компании, предприятия, фирмы. Достаточно часто бывает так, что приняты все меры по техническому перевооружению, а ощутимого прогресса нет, и это определяется ошибками в управлении процессом. Анализ и совершенствование системы управления персоналом позволяют решить многие накопившиеся проблемы и направить бизнес в нужное русло. Пути совершенствования управления персоналом на современном этапе становятся темой исследования многих мировых центров, что облегчает выбор направления формирования цельной системы [3].

Задача анализа путей совершенствования управления персоналом ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат» – оценить соответствие наличия рабочей силы по категориям и професси-

ям работников, потребности в ней исходя из имеющейся производственной мощности и применяемой технологии производства.

За период существования организации сложился квалификационный кадровый состав персонала. Трудовым коллективом ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат» накоплен технологический и организационно-производственный опыт работы. На предприятии применяется линейно-функциональная (штабная) структура управления, которая включает в себя специальные подразделения при линейных руководителях, которые помогают им выполнять задачи предприятия.

Основные задачи в области управления персоналом состоят в обеспечении отрасли профессиональными кадрами, совершенствовании работы по подбору и расстановке кадров, подготовке, переподготовке и повышении квалификации персонала, формировании резерва руководящих кадров, планировании карьерного роста сотрудников.

Функционирование производства всегда связано с людьми, которые работают на предприятии. Правильные принципы организации производства играют, конечно же, важную роль, но производственный успех зависит от конкретных людей, их знаний, компетентности, квалификации, дисциплины, мотивации.

Одно из важнейших условий эффективности работы предприятия – рациональное использование рабочих кадров. Это обеспечит бесперебойность производственного процесса, успешное выполнение производственных планов и хозяйственных процессов. Производственно-хозяйственная деятельность ОАО «Витебский мяскокомбинат» становится более эффективной с каждым годом, выпускаемая продукция является более рентабельной, предприятие наращивает объемы производства, создает новые рабочие места [1; 4]. Поэтому важное значение для определения приоритетов и направлений развития человеческого капитала имеет оценка обеспеченности предприятия рабочей силой. Данная оценка состоит из ряда взаимосвязанных направлений работы, которые в совокупности дают руководству предприятия картину качественного и количественного состояния трудовых ресурсов предприятия. При изучении показателей трудовых ресурсов в первую очередь обращается

внимание на то, как предприятие обеспечено необходимым персоналом. Каждая категория работающих выполняет свою роль в процессе производственно-хозяйственной деятельности предприятия.

При проведении анализа количественного состава трудовых ресурсов предприятия выявлено, что основной удельный вес в структуре работников ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат» занимают рабочие – более 68%, или 598 человек. Доля специалистов на предприятии составляет 20%, или 131 человек. При изучении структуры трудовых ресурсов по цехам ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат» установлено, что самая большая доля работников на предприятии занимается производством мяса и мясoproдуктов. Она составляет около 86% всех работников.

Основой успешной деятельности любой организации является качественный состав управленческого персонала. Квалификация, расстановка кадров в процессе производства, их отношение к труду, активность участия в решении вопросов хозяйственной деятельности предприятия, в управлении производством оказывают решающее влияние на эффективность работы предприятия. Требования творческого подхода работников к производству ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат» обусловили повышение их самостоятельности и ответственности за выполняемую работу, активное участие в принятии управленческих решений, непосредственную заинтересованность в результате труда. Отсюда главный стратегический курс на высокий уровень образования и квалификации работников предприятия.

Анализ обеспеченности предприятия трудовыми ресурсами начинается с исследования квалификации работающего персонала, так как практика работы организаций показывает, что культурно-технический уровень рабочих в значительной степени определяет уровень производительности труда, качество вырабатываемой продукции, эффективное использование оборудования. Технический прогресс предъявляет все большие требования к общетеоретической подготовке кадров организаций. Высокий уровень общеобразовательной подготовки работника позволяет ему более рационально использовать и рабочее время.

С этой целью произведена оценка уровня образования работников ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат», которая представлена в таблице 1.

Согласно таблице 1, большая часть работников организации имеет профессионально-техническое образование. Их количество составляет

304 человека, или около 34,6%. Среднее специальное образование имеют 287 работников, или 32,7%, и лишь 184 человека с высшим образованием, или 21%. Среди руководителей высшее образование имеют 84,5%. Даже среди рабочих имеется 5 человек, получивших высшее образование. Основная часть рабочих имеет профессионально-техническое образование. Их количество составляет 281 человек. Значительная часть среди рабочих (215 человек) имеет среднее специальное образование. Это говорит о достаточности существующего уровня образования у работников для выполнения поставленных производственных задач и возможности их дальнейшего карьерного роста.

Таким образом, для осуществления повышения эффективной производственной деятельности ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат» имеет в штате высококвалифицированных работников.

Любая организация развивается в первую очередь за счет использования личностного потенциала человека, его накопленного делового опыта [5].

Квалификационный уровень работников ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат» зависит во многом от их возраста и стажа работы. Поэтому проведем анализ возрастного состава трудовых ресурсов предприятия, который представлен в таблице 2.

По данным таблицы 2 видно, что только 22,9%, или 201 человек, не достигли 30-летнего возраста. Более 26,7% работников ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат» имеют возраст 40–49 лет, 18,5% работников находится в возрасте от 32 до 39 лет. Большой удельный вес занимают работники в возрасте от 50 лет и старше. Их количество составляет 228 человек, или 26% списочной численности работников.

В условиях максимизации прибыли собственника интересует целесообразность вложения в человеческий капитал, как это отражается на конечных экономических результатах деятельности организации, насколько сложившиеся принципы работы по развитию персонала способствуют достижению стратегических целей. Поэтому одним из требований к политике развития персонала является ее экономическое обоснование. Несмотря на то, что подготовка квалифицированных работников и поддержание их квалификационного уровня связаны со значительными издержками, в ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат» рассматривают затраты на развитие персонала как инвестиции, которые должны приносить отдачу в виде повышения эффективности деятельности организации.

Таблица 1 – Образовательный уровень списочной численности работников ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат»

	Уровень образования				
	Высшее	Среднее специальное	Профессионально-техническое	Общее среднее	Общее базовое
Всего	184	287	304	91	12
Служащие, в т.ч.	179	72	23	6	–
руководители	87	15	1	–	–
специалисты	88	33	10	–	–
др. служащие	4	24	12	6	–
Рабочие	5	215	281	85	12

Таблица 2 – Возрастной состав работников ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат»

Группы списочной численности работников по возрасту, лет	Количество, чел.	Удельный вес, %
18–24	76	8,7
25–29	125	14,2
30	24	2,7
31	27	3,1
32–39	162	18,5
40–49	234	26,7
50–54	92	10,5
55–59	96	10,9
60 и старше	40	4,6
Итого	878	100,0

Таблица 3 – Анализ повышения квалификации работников ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат»

Наименование показателя	Количество, чел.	Удельный вес, %
Всего обучено:	126	100,0
Служащие,	43	34,1
из них:		
руководители	6	4,8
специалисты	37	29,4
Рабочие	83	65,9
В том числе повысили квалификацию всего:	74	100,0
Служащие,	33	26,2
из них:		
руководители	3	2,4
специалисты	30	23,8
Рабочие	41	32,5
Прошли профессиональную подготовку и переподготовку	52	41,3
Обучено на курсах целевого назначения	32	25,4

Эффективными способами повышения заинтересованности в трудовой деятельности на предприятии работников с высшим образованием, в частности молодых специалистов, являются перевод на контрактную систему всех работников предприятия, дополнительное обучение и повышение квалификации за счет средств предприятия.

Повышение квалификации работников ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат» оказывает огромное влияние на рост производительности труда. Как следствие, повышению квалификации на предприятии уделяется большое внимание. Здесь организованы профессиональная подготовка и переподготовка работников, обучение на курсах целевого назначения и семинарах, проводимых на предприятии. Повышение квалификации специалисты проходят в основном в высших учреждениях образования страны.

Анализ данных показателей ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат» представлен в таблице 3.

Основываясь на полученных результатах, можно утверждать, что обучались и повысили квалификацию все категории работников предприятия. Обучение за последний год прошли 126 человек. Из них большую часть – 65,9% – занимают рабочие. Это объясняется тем, что более опытный и квалифицированный рабочий лучше знает оборудование, на котором он работает, не допускает его быстрого физического износа, предохраняет от аварий. Повысили свою квалификацию всего 74 человека. Количество прошедших профессиональную подготовку и переподготовку составляет 52 человека.

Заключение. На основании проведенной оценки уровня образования установлено, что большая часть работников организации имеет профессионально-техническое образование. Их количество составляет 304 человека, или около 34,6%. Среднее специальное образование имеют

287 работников, или 32,7%, и лишь 184 человека с высшим образованием, или 21%.

При изучении возрастного состава трудовых ресурсов предприятия выявлено, что 22,9%, или 201 человек, не достигли 30-летнего возраста. Более 26,7% работников ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат» имеют возраст 40–49 лет, 18,5% работников находится в возрасте от 32 до 39 лет. Большой удельный вес занимают работники в возрасте от 50 лет и старше. Их количество составляет 228 человек, или 26% списочной численности работников.

При проведении анализа повышения квалификации на предприятии установлено, что повысили свою квалификацию за последний год всего 74 человека. Количество прошедших профессиональную подготовку и переподготовку составляет 52 человека.

Таким образом, для осуществления повышения эффективной производственной деятельности ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат» имеет в штате высококвалифицированных работников.

Литература

1. Бекиш, Е.И. Экономическая эффективность деятельности ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод» и направления ее повышения / Е.И. Бекиш // Право. Экономика. Психология. – 2017. – № 2(7). – С. 34–38.
2. Бекиш, Е.И. Мотивация и кадровая политика предприятия / Е.И. Бекиш, Д. Рубис // Социально-экономическое развитие организаций и регионов Беларуси: эффективность, инновации: сб. науч. ст. и работ по итогам междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 15–16 окт. 2013 г. / УО «ВГТУ». – Витебск, 2013. – С. 117–119.
3. Горбатова, М. Методы управления персоналом / М. Горбатова. – Кемерово: Юнити, 2015. – 155 с.
4. Бекиш, Е.И. Анализ управления финансовой деятельностью на ОАО «Витебский мясокомбинат» / Е.И. Бекиш, Е.Е. Мантур // Ученые записки УО «ВГАВМ». – Витебск, 2012. – Т. 47, вып. 2. – С. 243–246.
5. Мещерякова, Е.В. Управление персоналом: тексты лекций для студентов специальностей 1-26 02 02 «Менеджмент», 1-25 01 07 «Экономика и управление на предприятии» / Е.В. Мещерякова, Н.А. Лукашук. – Минск: БГТУ, 2014. – 276 с.

Поступила в редакцию 01.02.2019 г.

Особенности бизнес-моделирования в ИТ-секторе Республики Беларусь

Предко Д.А.

Учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет»

На современном этапе развития роль бизнес-моделирования неоценима для успешного функционирования компании и позволяет понять, как функционирует предприятие в целом, как осуществляется взаимодействие с клиентами, что в совокупности с другими возможностями помогает ответить на вопрос, как рациональнее управлять предприятием и обеспечить его экономическую стабильность в будущем.

Цель данной статьи – анализ и описание специфики бизнес-моделирования, присущей ИТ-компаниям Республики Беларусь.

Материал и методы. Материалом исследования послужили бизнес-модели, применяемые в ИТ-секторе Республики Беларусь. В качестве методической основы выступили эмпирический метод сравнения, а также теоретические методы анализа, классификации, индукции, дедукции.

Результаты и их обсуждение. Бизнес-моделирование является основой успешного функционирования компании в целом и функционирования отдельных ее бизнес-процессов в частности. В ходе изучения особенностей бизнес-моделирования в ИТ-секторе Республики Беларусь можно констатировать: под бизнес-моделью ИТ-компания понимается сформированное и корректируемое на различных этапах ее развития в зависимости

от типа взаимодействия с заказчиками представление о бизнесе, которое предназначено для целостного описания и анализа деятельности всей системы взаимосвязанных бизнес-процессов компании ИТ-сектора.

Заключение. Выделены основные проблемы бизнес-моделирования, произведена классификация бизнес-моделей, предложена сравнительная характеристика ключевых бизнес-моделей, приведено описание основных бизнес-процессов.

Ключевые слова: бизнес-моделирование, бизнес-процесс, ценностное предложение.

Features of Business Modeling in the IT Sector of the Republic of Belarus

Predko D.A.

Educational Establishment “Belarusian State Technological University”

At present the role of business modeling can't be overestimated in successful company functioning; it makes it possible to understand how the company functions on the whole, how interaction with clients works, which, alongside with other possibilities, helps answer the question how the company can be managed more efficiently and how its economic stability can be provided in the future.

The purpose of the article is an analysis and description of the specificity of business modeling typical of IT companies in the Republic of Belarus.

Material and methods. The research material was business models which are used in the IT sector of the Republic of Belarus. The empiric method of comparison as well as the theoretical methods of analysis, classification, induction, deduction was the methodological basis.

Findings and their discussion. Business modeling is the basis of successful functioning of the company on the whole as well as functioning of its separate business processes in particular. While studying the features of business modeling in the IT sector of the Republic of Belarus one can state the following: a business model of an IT company is understood as the formulated and corrected at different stages of its development depending on the interaction type with the consumer image of business, which refers to the wholesome description and analysis of the activities of the whole system of interconnected business processes of an IT company.

Conclusion. Basic problems of business modeling are identified, the classification of business models is presented, a comparative characteristic of key business models is offered, and main business processes are described.

Key words: business modeling, business process, value offer.

На современном этапе развития роль бизнес-моделирования является основой успешного функционирования компании в целом и функционирования отдельных ее бизнес-процессов в частности. Бизнес-моделирование позволяет понять, как функционирует предприятие, как осуществляется взаимодействие с клиентами, что в совокупности с другими возможностями помогает ответить на вопрос, как рациональнее управлять предприятием и обеспечить его экономическую стабильность в будущем.

Цель данной статьи – анализ и описание специфики бизнес-моделирования, присущей ИТ-компаниям Республики Беларусь.

Материал и методы. Материалом исследования послужили бизнес-модели, применяемые в ИТ-секторе Республики Беларусь. В качестве методической основы выступили эмпирический метод сравнения, а также теоретические методы анализа, классификации, индукции, дедукции.

Результаты и их обсуждение. Рассматривая понятие бизнес-моделирования в историческом контексте, современные исследователи предлагают различные периодизации зарождения и развития данного процесса, понятия и теоретико-практической базы определяемой предметной области. В целом в истории развития бизнес-моделирования как концептуального подхода к управлению организацией могут быть выделены следующие этапы, представленные в таблице 1.

Вторая «волна» научного интереса к бизнес-моделированию в ИТ-секторе наблюдалась после кризиса интернет-рынка в 2000 г. С данного периода восприятие бизнес-модели было связано с характеристикой ее как «интегрированного описания предпринимательской деятельности в агрегированной форме» [1]. В рамках анализа «пузыря доткомов» ученый Дж. Мэгретта описывает бизнес-моделирование как ответы на следующие вопросы, задаваемые в своих исследованиях еще П. Друкером, основными из которых являются: «Кто клиент? Что он оценивает»; дополнительными, но не менее важными, следующие: «Как компания зарабатывает деньги в рамках данного бизнеса?», «Какова основная экономическая логика, объясняющая, как компания может осуществить ценностное предложение клиенту по соответствующей стоимости?» [2]. В целом кризис на интернет-рынке позволил выявить ряд сложностей в применении традиционного подхода бизнес-моделирования по отношению к ИТ-сектору.

На данном этапе развития значительная часть проблем, связанных с бизнес-моделированием в ИТ-секторе, характерна для стартапов, на первых этапах жизненного цикла компании. Данные проблемы в основном обусловлены низкой квалификацией и (или) недостатком опыта

у управленческого персонала, задействованного в бизнес-моделировании компании и отдельных ее проектов, что приводит к неверной оценке рынка, целевых сегментов предлагаемого продукта, а также отсутствию гибкости в рамках изменяющихся условий рынка. Это можно наблюдать на примере «пузыря доткомов». Однако именно на данном этапе происходит выбор бизнес-модели потенциальной ИТ-компания, в соответствии с которой компания будет функционировать в дальнейшем, так как именно бизнес-модель дает наиболее вероятный прогноз развития стартапа. В целом, основываясь на подходе к построению бизнес-моделей Александра Остервальда и Ива Пинье, основные проблемы можно классифицировать следующим образом.

Исследователи выделяют множество разнообразных классификаций бизнес-моделей, которые могут видоизменяться и дополняться под влиянием специфики странового или индивидуального характера. Белорусскому рынку наиболее свойственна классификация, представленная в соответствии с рисунком 1.

Анализируя рисунок 1, можно отметить классификационный признак первого уровня – рынок реализации продукта (внутренний или внешний). На втором этапе разделение осуществляется по признаку выполняемых функций.

В качестве основных для Республики Беларусь могут быть выделены такие бизнес-модели, как продуктовая и аутсорсинговая. Базируясь на девяти структурных блоках бизнес-модели А. Остервальда, можно провести следующий сравнительный анализ:

- 1) ведущими партнерами для данных моделей являются: ИТ-компания Республики Беларусь и зарубежья, Министерства и ведомства Республики Беларусь, банки Республики Беларусь и зарубежья;
- 2) ключевая деятельность обеих моделей заключается в разработке программного продукта и его последующем сопровождении;
- 3) ценностное предложение продуктовой модели:

– для белорусского потребителя: создание продукта или услуги, адаптированной под специфику ведения бизнеса, конъюнктуру, законодательство и т.д.;

– для всех потребителей: экономия денежных средств по сравнению с приобретением ПО зарубежных разработчиков.

Ценностное предложение аутсорсинговой модели заключается в высокой квалификации разработчиков и их более низкой стоимости труда в сравнении со странами-лидерами мирового рынка ПО;

- 4) взаимоотношения с клиентами в продуктовых моделях строятся на основе службы поддержки, в аутсорсинговых – путем прямого взаимодействия с компанией-разработчиком;

Таблица 1 – Периодизация развития бизнес-моделирования

Наименование этапа / субэтапа	Период	Характеристика
1-й этап	1940–1970-е гг.	Зарождение понятия «бизнес-моделирование»
1-й субэтап	1940–1956-е гг.	Первое упоминание понятия «бизнес-моделирование» в статье Ф. Ланга «Исследования страхования» в журнале «The Journal of Marketing» (1947 г.) [3, с. 14]. Дальнейшее указание данного понятия в предметных указателях ряда статей [4, с. 191].
2-й субэтап	1957–1960-е и далее до 1970 г.	Закрепление термина «бизнес-модель» в рамках бизнес-игр [4, с. 191].
2-й этап	1970–1980-е гг.	Дальнейшее развитие бизнес-моделирования в связи с реализацией в США ряда мультиотраслевых крупномасштабных проектов [5]. Возникновение методологий SADT и IDEF0 [4, с. 191].
3-й этап	1980–1990-е гг.	Дальнейшее развитие бизнес-моделирования вызвано внедрением ПК в деятельность компаний [4, с. 191]. Развитие бизнес-моделирования осуществлялось по следующим направлениям: функциональное моделирование, информационное моделирование, моделирование бизнес-процессов; программная CASE-технология [5].
4-й этап	1990 – начало 2000-х гг.	Развитие бизнес-моделирования сопряжено с развитием индустрии ИКТ, в частности сети Интернет. Зарождение и развитие теории и практики бизнес-моделирования в ИТ в связи со стремительным ростом интернет-компаний [4, с. 192; 5; 6]. Активная критика существующих подходов к бизнес-моделированию в ИТ М. Льюиса [7].
5-й этап	с 2000-х гг. по настоящее время	После кризиса интернет-рынка наблюдается рост научного интереса к бизнес-моделированию, в частности в ИТ-секторе. Изменение подходов к определению бизнес-моделей [1, с. 20; 2].

Источник: собственная разработка на основе источников, указанных в таблице.

Рисунок 1 – Классификация бизнес-моделей ИТ-компаний Республики Беларусь
Источник: собственная разработка.

Таблица 2 – Основные проблемы бизнес-моделирования в ИТ-секторе

1 КП	2 КД	3 ЦП	4 ВК	5 ЦА
	2.1 Низкий уровень компетенции управляющего персонала, задействованного в КД, что порождает проблемы 1.1, 3.1, 3.2, 5.1, 5.2, 6.1, 7.1, 8.1–9.1		4.1 Отсутствие четкого бизнес-процесса взаимодействия с клиентами (отсутствие объекта моделирования)	
1.1 Сотрудничество с наименее «выгодными» и перспективными партнерами (в разрезе п. 7.1) St	6 КР	3.1 Недостаточно убедительное ценностное предложение St 3.2 Ценностное предложение, не соответствующее требованиям современного рынка («опережающий» или «отстающий» продукт) St 3.3 Неспособность или нежелание модернизации продукта в соответствии с потребностями рынка	7 К	5.1 Неверное понимание целевой аудитории 5.2 Необоснованно оптимистичная оценка величины целевого сегмента St
	6.1 Затруднения в первоначальной оценке и планировании всех КР проекта, компании в рамках ее КД и т.п. St		7.1 Выбор не оптимальных каналов привлечения клиентов и реализации продукта (нарушая правило CAC/LTV*) St	
8 СЗ		9 ПД		
8.1–9.1 Недостаток прогнозирования финансового потока компании, что зачастую приводит к финансовым разрывам, низким показателям ликвидности, платежеспособности и финансовой устойчивости и впоследствии к кризису St				

5) целевая аудитория для продуктовой и аутсорсинговой моделей включает следующие ключевые отрасли:

- информационные технологии;
- финансово-кредитная сфера;
- органы государственного управления;
- топливно-энергетический комплекс;
- транспорт и логистика;
- производство;
- телекоммуникации и связь;
- торговые и торгово-производственные предприятия;

– учебные заведения.

Если рассматривать целевую аудиторию в разрезе юридических и физических лиц, то для продуктовой модели характерно сотрудничество и с юридическими, и с физическими лицами, а для аутсорсинговой модели – только с юридическими лицами;

6) общие ключевые ресурсы для обеих моделей – бренд (для компаний, входящих в миро-

вые рейтинги) и разработчики компании (трудовые ресурсы). Более характерным ресурсом для продуктовой модели являются базы данных пользователей, а для аутсорсинговой – финансовые ресурсы;

7) основные каналы привлечения клиентов для обеих моделей: веб-сайт, а также специфические каналы реализации, обусловленные особенностями программного продукта;

8) структура затрат для продуктовой модели включает в себя расходы на технологическую инфраструктуру, расходы на разработку продукта, управленческие расходы, расходы на рекламу и маркетинг (создание маркетинговой ценности). Структура затрат для аутсорсинговой модели состоит из расходов на разработку продукта и управленческих расходов;

9) потоки доходов для продуктовой модели: лицензионные платежи, а также доходы от размещения рекламы. Потоки доходов для аутсорсинговой модели – оплата от заказчика.

В целом бизнес-модели третьей группы имеют наивысшую степень диверсификации по территориальному признаку. Так, применение данных базовых бизнес-моделей может помочь компании осуществить страхование от ряда рисков странового и иного характера.

Кроме вышеописанной классификации, белорусские ИТ-компании можно рассматривать в разрезе территориальной разветвленности отдельных структурных подразделений.

1. Wargaming.net. Бизнес-модель территориальной диверсификации компании Wargaming.net представлена в соответствии с рисунком 2.

Таким образом, на данный момент головной офис компании Wargaming.net находится в Республике Кипр, основной центр разработки – в г. Минске, другие центры разработки – в ряде других городов по всему миру.

2. EPAM Systems. Бизнес-модель территориальной диверсификации компании EPAM Systems представлена в соответствии с рисунком 3.

Таким образом, штаб-квартира компании EPAM Systems находится в США, где размещены также офисы обслуживания клиентов. Центральный европейский офис расположен в г. Будапеште. Кроме того, офисы обслуживания клиентов находятся во всех областных центрах Республики Беларусь, а также в ряде других стран.

3. IBA Group. Бизнес-модель территориальной диверсификации компании IBA Group представлена в соответствии с рисунком 4.

Таким образом, головной офис компании IBA Group находится в Чехии. Дочерние компании располагаются в Чехии, Беларуси и ряде других стран мира, в том числе дочерние компании, которые осуществляют смежные или вспомогательные виды деятельности, и филиалы.

4. Малые и средние компании (пример – ЗАО «МАПСОФТ»). Бизнес-модель территориальной диверсификации малых и средних компаний ИТ-сектора Республики Беларусь представлена в соответствии с рисунком 5.

Таким образом, значительное количество белорусских компаний ИТ-сектора имеют головной офис на территории Республики Беларусь, как и центры разработки (либо одно структурное подразделение на территории Республики Беларусь).

Также данные компании могут иметь ряд центров разработки (или филиалов) на территории других стран.

На основе рассмотренных примеров бизнес-модели в ИТ-секторе можно классифицировать на две основные модели. Отличительным признаком первой модели является головной офис (материнская компания) в Республике Беларусь, а центры разработки (дочерние компании) как в Беларуси, так и на иностранной территории. Характерной чертой второй модели высту-

пает головной офис на иностранной территории, а центры разработки – на территории Республики Беларусь. Графически вышеописанные модели представлены на рисунке 6.

С точки зрения эффективности для Беларуси, так же как и для любой другой страны, более привлекательной является первая модель. При успешной адаптации декрета Президента № 8 «О развитии цифровой экономики», общей либерализации экономической системы, совершенствовании защиты прав собственности стоит ожидать увеличения их количества в национальной экономике.

В структуре любых бизнес-моделей особое место занимают бизнес-процессы. В классическом представлении бизнес-процесс означает совокупность взаимосвязанных мероприятий или работ, направленных на создание определенного продукта или услуги для потребителей. Бизнес-процессы, характерные для типичной белорусской компании, можно описать следующим образом.

1. Прием заявок. Данный процесс отвечает за прием и обработку поступающих заявок от клиентов (как новых, так и осуществлявших заказ в компании). Так, сначала происходит регистрация данной заявки, которая затем проходит обработку. Результатом данного процесса является обработанная заявка, впоследствии назначенная исполнителю.

2. Согласование объема услуг и стоимости. В рамках данного процесса осуществляется согласование состава всех работ и их итоговой стоимости. Со стороны исполнителя окончательное решение принимает проект-менеджер при согласовании с директором, на основе предварительных расчетов бизнес-аналитика.

3. Заключение договора.

4. Постановка задачи и подбор команды. В данном бизнес-процессе проект-менеджер распределяет задачи команде разработчиков.

5. Мониторинг ИТ-системы заказчика (при необходимости данного мониторинга) – регулярный осмотр ИТ-системы клиента. Мониторинг может проводиться как для всей системы, так и для отдельных ее частей, а также как удаленно, так и с помощью выезда специалиста.

6. Выполнение заявки. В рамках данного процесса осуществляется непосредственное выполнение работ в соответствии с утвержденной заявкой. Этот процесс считается ключевым в бизнес-моделировании ИТ-компаний. Основными ресурсами, используемыми в рамках данного бизнес-процесса компании, являются: человеческие ресурсы (персонал ИТ-компании), финансовые ресурсы (возобновляемые активы компании), информационные (формализованные опыт, навыки, знания, умения и компетенции, которыми обладает персонал компании), долгосрочные активы компании (ИТ-оборудование и лицензии ПО).

7. Контроль реализации проекта. В рамках данного процесса осуществляется контроль над степенью реализации проекта, в случае необходимости заключаются дополнительные соглашения с заказчиком.

8. Доводочные процедуры. После выполнения работ необходимы осуществление доводочных процедур и проведение контроля качества в целях установления степени удовлетворенности клиента.

9. Окончательная оплата.

Заключение. Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что бизнес-моделирование является основой успешного функционирования компании в целом и функционирования отдельных ее бизнес-процессов в частности. В результате изучения особенностей бизнес-моделирования

в ИТ-секторе Республики Беларусь также можно заключить: бизнес-модель ИТ-компании представляет собой сформированное и корректируемое на различных этапах ее развития в зависимости от типа взаимодействия с заказчиками представление о бизнесе, которое предназначено для целостного описания и анализа деятельности всей системы взаимосвязанных бизнес-процессов компании ИТ-сектора.

Выбор бизнес-модели осуществляется ИТ-компаниями еще на первых этапах жизненного цикла компании (на этапе стартапа), что может быть сопряжено с рядом проблем, обусловленных низкой квалификацией и (или) недостатком опыта у персонала, задействованного в бизнес-моделировании. Это может привести к неверной оценке рынка, целевых сегментов предлагаемого

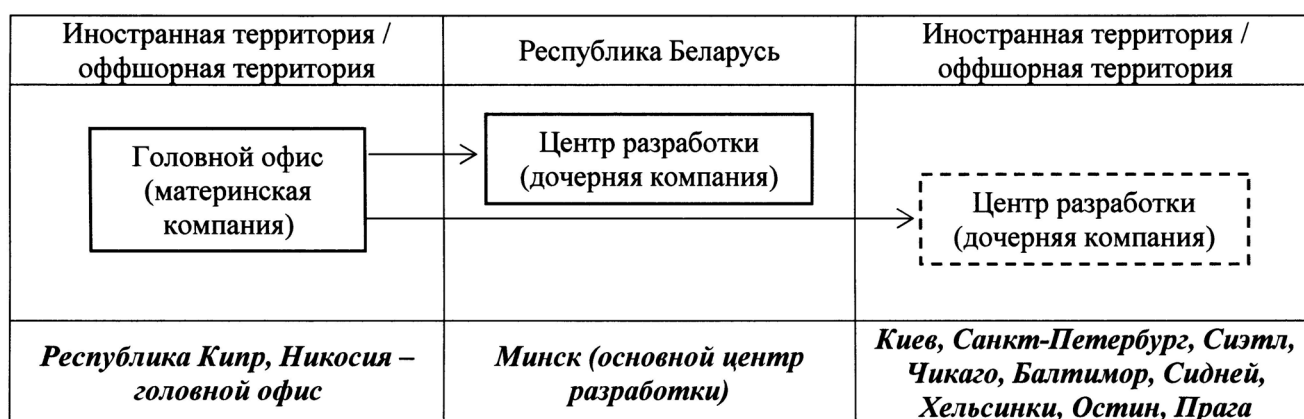

Рисунок 2 – Бизнес-модель территориальной диверсификации компании Wargaming.net
Источник: собственная разработка на основе [8].

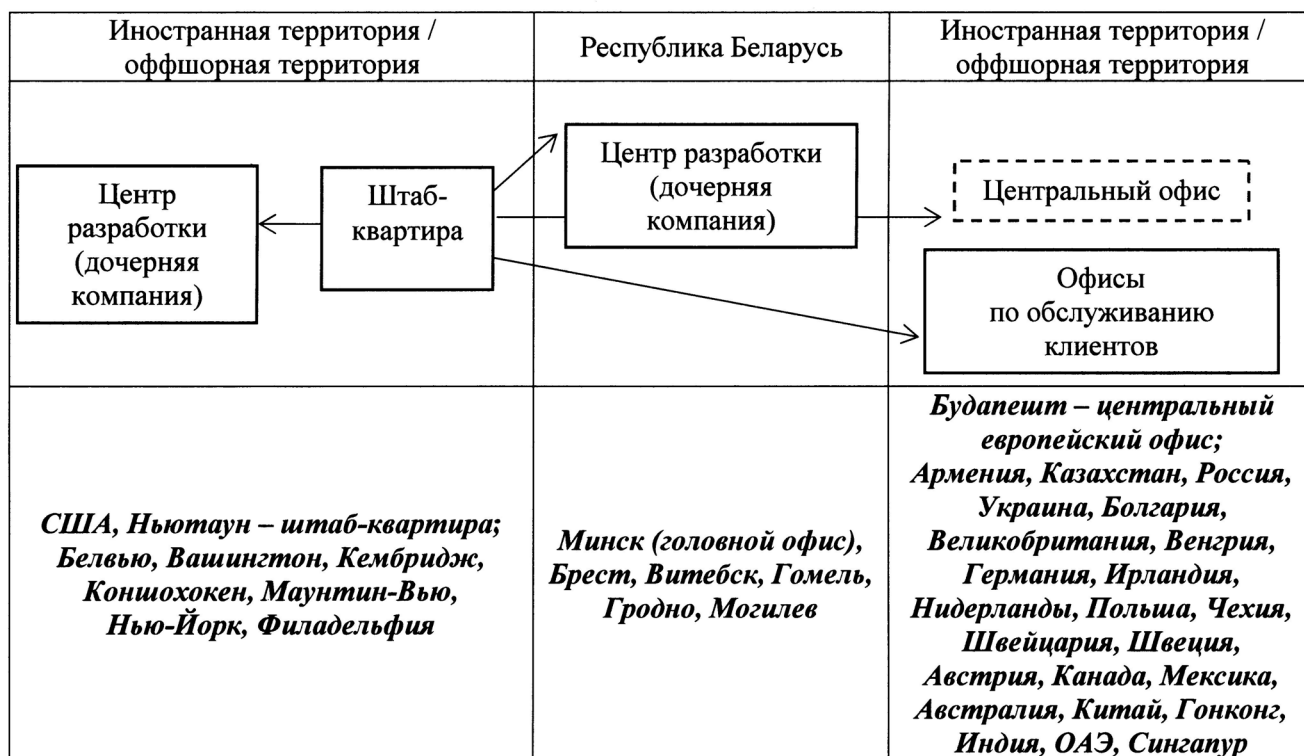

Рисунок 3 – Бизнес-модель территориальной диверсификации компании EPAM Systems
Источник: собственная разработка на основе [9].

Рисунок 4 – Бизнес-модель территориальной диверсификации компании IBA Group
Источник: собственная разработка на основе [10].

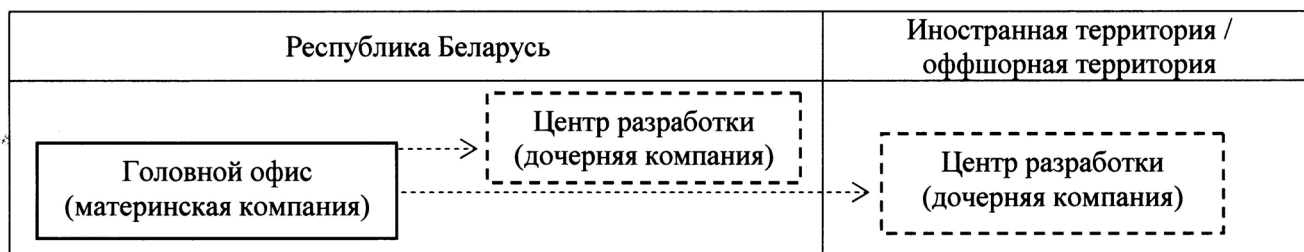

Рисунок 5 – Бизнес-модель территориальной диверсификации малых и средних компаний Республики Беларусь
Источник: собственная разработка на основе [10].

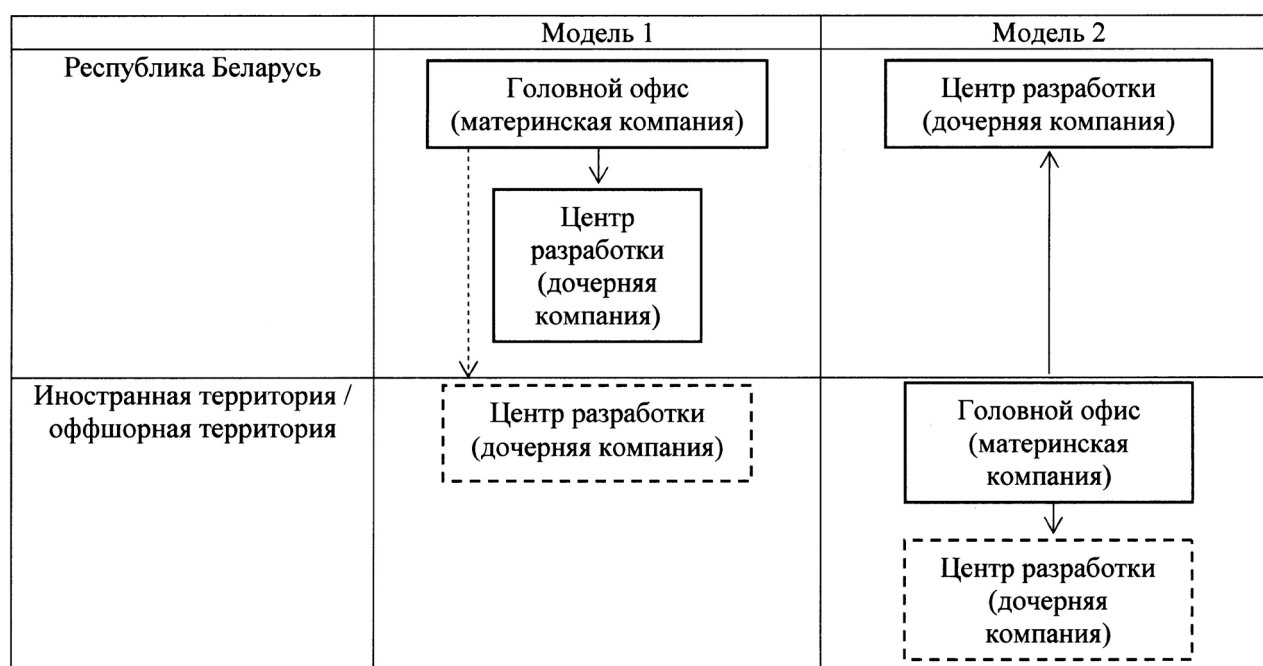

Рисунок 6 – Бизнес-модель территориальной диверсификации малых и средних компаний Республики Беларусь

Источник: собственная разработка.

продукта или услуги, а также отсутствию гибкости в рамках изменяющихся условий рынка.

Ввиду сформированной базовой классификации классификационным признаком первого уровня является функция ИТ-компании, на втором этапе разделение осуществляется по признаку рынка реализации продукта или услуги (внутренний или внешний). К бизнес-моделям первой группы в рамках классификации относятся модели, ориентированные преимущественно на белорусский рынок. Бизнес-модели второй группы включают модели, ориентированные преимущественно на внешнее потребление (экспорт). К бизнес-моделям третьей группы относятся модели, ориентированные как на внутреннее потребление, так и на экспорт.

Помимо выбора бизнес-моделей, ориентированных на территориальную диверсификацию, в целях оптимального проведения основных бизнес-процессов и использования ключевых ресурсов перед компаниями ИТ-сектора возникает необходимость выбора бизнес-модели не только для функционирования компании в целом, но и для каждого отдельного проекта в соответствии с финансовой целесообразностью ее выбора.

Литература

1. Wirtz, B.W. Business Model Management. Design – Instruments – Success Factors / B.W. Wirtz. – Springer Gabler, 2011.

2. Magretta, J. Why Business Models Matter [Electronic resource] / J. Magretta; Harvard Business Review. – Mode of access: <https://hbr.org/2002/05/why-business-models-matter>. – Date of access: 27.10.2018.
3. Mustafa, R. Business Models and Business Strategy [Electronic resource] / R. Mustafa, H. Werthner // Phenomenon of Explicitness. International Journal of Global Business and Competitiveness. – 2011. – Vol. 6, no. 1 (pp. 14–29). – Mode of access: www.researchgate.net/publication/271411870_Business_Models_and_Business_Strategy_-_Phenomenon_of_Explicitness. – Date of access: 27.10.2018.
4. Бычкайло, И.А. Бизнес-модель: история термина и разновидности его понимания [Электронный ресурс] / И.А. Бычкайло. – Режим доступа: <http://www.inesnet.ru/article/biznes-model-istoriya-termi-na-i-raznovidnosti-ego-ponimaniya>. – Дата доступа: 27.10.2018.
5. Drucker, P. The Theory of the Business [Electronic resource] / P. Drucker; Harvard Business Review. – Mode of access: <https://hbr.org/1994/09/the-theory-of-the-business>. – Date of access: 27.10.2018.
6. Dotcom Bubble [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.investopedia.com/terms/d/dotcom-bubble.asp>. – Date of access: 27.10.2018.
7. Ovans, A. What Is a Business Model? [Electronic resource] / A. Ovans // Harvard Business Review. – Mode of access: <https://hbr.org/2015/01/what-is-a-business-model>. – Date of access: 27.10.2018.
8. Wargaming.net [Электронный ресурс] // Официальный сайт Wargaming.net. – Режим доступа: <http://ru.wargaming.net>. – Дата доступа: 27.10.2018.
9. О ЕРАМ [Электронный ресурс] // Официальный сайт EPAM Systems. – Режим доступа: <https://careers.epam.by/company>. – Дата доступа: 27.10.2018.
10. IBA Belarus [Электронный ресурс] // Официальный сайт EPAM Systems. – Режим доступа: <http://iba.by>. – Дата доступа: 27.10.2018.

Поступила в редакцию 26.11.2018 г.

Современная парадигма устойчивого развития: формирование и сущность

Трацевская Л.Ф.¹, Лебедева Е.Н.²

¹Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

²Учреждение образования «Витебский государственный технологический университет»

Во второй половине XX столетия в развитых странах мира произошел переход от эпохи индустриального общества к постиндустриальной экономике, которую также именуют «кибернетическим», или «информационным обществом». Основной ведущей парадигмой прогресса мировой цивилизации в этот период стала концепция устойчивого развития.

Цель данной статьи – анализ генезиса, этапов формирования и сущности парадигмы устойчивого развития.

Материал и методы. Материалом послужили труды зарубежных и отечественных ученых-экономистов. Основными методами выступили логико-дедуктивный, восхождение от абстрактного к конкретному, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. Концепция устойчивого развития стала складываться в 70-е годы прошлого столетия. Ее формированию способствовали исследования сложившейся социально-экономической ситуации в различных странах мира, позволившие установить, что для современного общества во многом характерен

дисбаланс циклических природных и социальных процессов развития, преодоление которого невозможно без сокращения амплитуды наблюдающихся колебаний и снижения величины потерь при периодически происходящих экономических, технологических и экологических кризисах. Определившаяся система противоречий привела к необходимости разработки парадигмы устойчивого экономического развития.

Заключение. Концепция устойчивого экономического роста, соответствующая новому этапу развития цивилизации – постиндустриальной экономике, приходит на смену традиционной экономике, происходит одновременно как смена экономических моделей, так и кардинальное изменение концептуальных подходов к оценке основ, целей и факторов экономического развития человечества.

Ключевые слова: устойчивое развитие, индустриальное общество, постиндустриальная экономика, принципы устойчивого развития, новый мировой экономический порядок.

Contemporary Paradigm of Sustainable Development: Shaping and Essence

Tratsevskaya L.F.¹, Lebedeva E.N.²

¹Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

²Educational Establishment "Vitebsk State Technological University"

In the late 20th century developed countries witnessed the transition from the epoch of the industrial society to the post-industrial economy, which is also called cybernetic or information society. The leading paradigm of progress of the world civilization in that period was the concept of sustainable development.

The purpose of the article is analysis of the genesis, the stages of shaping and the essence of the paradigm of sustainable development.

Material and methods. Works by foreign and domestic scholars-economists were the research material. The main methods were the logical and deductive, ascent from the abstract to the concrete, analysis and synthesis.

Findings and their discussion. The concept of sustainable development started shaping in the 70-s of the previous century. Its shaping was facilitated by the studies of the current social and economic situation in different countries of the world, which made it possible to state that the contemporary society is largely characterized by misbalance of cyclic nature and social processes of development, the overcoming of which is impossible without the reduction of the amplitude of the observed fluctuations and the volume of losses during regularly occurring economic, technological and ecological crises. The established system of contradictions resulted in the necessity in the elaboration of the paradigm of the sustainable economic development.

Conclusion. The concept of sustainable economic growth, which corresponds to the new stage of civilization development – post-industrial economy, substitutes the traditional economy, takes place simultaneously both as change of economic models and cardinal change of conceptual approaches to the assessment of the bases, aims and factors of the economic development of the mankind.

Key words: sustainable development, industrial society, post-industrial economy, principles of sustainable development, new global economic order.

Каждый новый этап в развитии человеческого общества сопровождается возникновением системы научных концепций, теорий и моделей развития, позволяющих ученым осмыслить изменения в социально-экономических системах и на этой основе прогнозировать дальнейшие перспективы их развития. Ведущей парадигмой прогресса мировой цивилизации в конце XX века стала концепция устойчивого развития, в основу которой положена идея о том, что человечество может и должно удовлетворять свои потребности в настоящем, не ставя под угрозу удовлетворение потребностей последующих поколений в будущем.

Осознавая склонность испытываемых потребностей к постоянному росту и видоизменению, а возможностей для их удовлетворения, наоборот, к неуклонному сужению, учитывая, что экономическая деятельность приводит не только к истощению ресурсов, но и к загрязнению окружающей среды производственными отходами, человечество вынуждено было признать формирование серьезных глобальных проблем, угрожающих не столько его прогрессу, сколько выживанию. В то же время большинство угроз выживанию человечества (деградация земель, загрязнение окружающей среды, сокращение биологического разнообразия, военные конфликты, проблемы бедности и социального неравенства, терроризм) не только продолжают быть актуальными, но и нарастают. Все это свидетельствует о серьезной кризисной ситуации, выход из которой мировое сообщество видит в поступательном переходе к устойчивому развитию, требующему объединения и координации усилий всех стран. Учитывая данные обстоятельства, современный мир пытается перейти от исчерпавшей себя нисходящей модели социально-экономического развития, в основе которого лежит стихийная, нестабильная деятельность, отрицательно влияющая на окружающую среду и подрывающая здоровье людей, к его перспективной восходящей модели, отличающейся устойчивым поступательным динамичным развитием, способствующим улучшению качества жизни и состояния окружающей среды.

В соответствии с этим большинство современных стран, демонстрируя восприимчивость к идее устойчивого развития, провозглашенной в документах, принятых на Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.), выстраивает и реализует, исходя из специфики функционирования своих национальных экономик, национальные стратегии устойчивого развития (НСУР). В связи с этим необходимость анализа зарождения, основных этапов

формирования и сущности парадигмы устойчивого развития очевидна и определяет актуальность и цель проведенного исследования.

Материал и методы. Материалом послужили труды зарубежных и отечественных ученых-экономистов. В качестве основных методов исследования выступили логико-дедуктивный, исторический, анализ и синтез, восхождение от абстрактного к конкретному.

Результаты и их обсуждение. Социально-экономические исследования, проведенные в конце XX столетия в разных странах мира, позволили выяснить, что развитию современной цивилизации свойственны противоречия, последствия которых несут прямую угрозу ее существованию. Среди наиболее значимых можно выделить:

1. Противоречия между неуклонно растущими человеческими потребностями и сокращающимися возможностями обеспечения расширяющейся экономической деятельности по их удовлетворению. Это приводит к отставанию поиска и формирования новых ресурсов от расходов уже имеющихся.

2. Противоречия между вмешательством человека в природу и ее способностью к восстановлению. Следствием антропогенной нагрузки на окружающую среду являются такие негативные процессы, носящие необратимый характер, как загрязнение и ухудшение качественных параметров воздушного и водного бассейнов, истощение и деградация сельскохозяйственных угодий, исчезновение многих видов животных и растений.

3. Противоречия между ростом глобального валового дохода и уменьшением глобального богатства, что неуклонно ведет к нарушению пропорциональности социально-экономического развития, как между странами, так и в самих национальных экономиках, обостряя проблемы нищеты и голода, порождая и интенсифицируя миграционные потоки из стран с неблагоприятными условиями жизнедеятельности в страны более благополучные.

Озабоченность мирового сообщества состоянием обозначенных проблем привела к необходимости пересмотра существующей доктрины социально-экономического развития, разработке новой его парадигмы и созданию международных научных организаций по изучению глобальных процессов, таких как Римский клуб, Международный институт системного анализа, Международная федерация институтов перспективных исследований (ИФИАС).

Следующим этапом в формировании новой экономической парадигмы как парадигмы устойчивого развития стала Конференция ООН по окру-

жающей среде (Стокгольм, 1972 г.), по итогам работы которой была разработана Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП). В этом же году по заказу Римского клуба опубликовано исследование «Пределы роста». В данном документе в соответствии с идеей перехода от экстенсивного экономического роста (за счет вовлечения в экономическую деятельность дополнительных ресурсов) к интенсивному росту (за счет рационального, более эффективного использования уже имеющихся) и новому мировому экономическому порядку рассмотрены двенадцать сценариев развития человечества, основанных на различных альтернативах обеспечения ресурсами [1].

Однако само понятие устойчивого экономического развития вошло в научный оборот с момента опубликования в 1987 г. Международной комиссией по окружающей среде и развитию доклада «Наше будущее». В докладе был сформулирован тезис о новой эре экономического развития, безопасного для существования человечества и окружающей среды. По этому поводу Л.А. Мочалова отмечает, что речь идет о «развитии, подразумевающем такую модель социально-экономического развития, при которой удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения людей достигается без того, чтобы будущие поколения были лишены такой возможности из-за истощения природных ресурсов и деградации окружающей среды» [2].

И, наконец, в качестве основной стратегии современного этапа функционирования мировой экономики, как показали современные исследования [1–3], устойчивое развитие впервые было обозначено на Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.). Конференция приняла историческое решение об изменении направления эволюции всего мирового сообщества, продемонстрировав осознание пагубности традиционного пути, которому свойственна неустойчивость, чреватая экономическими кризисами и техногенными катастрофами. Кроме того, в важнейшем документе, принятом на конференции, – «Повестке дня на XXI век» отмечается следующее: «Человечество переживает решающий момент своей истории. Мы сталкиваемся с проблемой увековечения диспропорций, как между странами, так и в рамках отдельных стран, обостряющимися проблемами нищеты, голода, ухудшения здоровья населения и неграмотности и с продолжающимся ухудшением состояния экосистем, от которых зависит наше благосостояние» [3].

В современной экономике, по мнению ученых Т.А. Акимовой и Ю.Н. Мосейкина, «развиваются две противоположные тенденции: глобальный

валовой доход растет, а глобальное богатство (ресурсы жизнеобеспечения) уменьшаются. ... Современная цивилизация имеет очень низкую материальную эффективность при бессмысленной милитаризованности и колоссальном потенциале самоуничтожения. Человек слишком далеко зашел в своем пренебрежении к утратам природы» [4].

Те же авторы, определяя основные признаки несостоятельности существующей парадигмы развития современной цивилизации, отмечают ее неспособность решать проблемы, с которыми сталкивается человечество, расширяя экономическую деятельность и истощая возможности природы по обеспечению этой деятельности необходимыми ресурсами. В связи с этим они указывают на необходимость формирования новой экономической теории, способной правильно объяснить и предложить направления корректирования социально-экономического поведения участников экономической деятельности в условиях нарастающего дефицита ресурсов и снижающейся экологической безопасности на всех ее уровнях. Такой теорией, по их мнению, должна стать теория устойчивого развития.

Продвижение по этому пути идет параллельно смене существующей общенаучной парадигмы на парадигму, более адекватно отражающую и объясняющую происходящие на современном этапе развития цивилизации явления и процессы. При этом, как полагает российский ученый В.С. Степин, этот переход закономерен и в полной мере вписывается в предлагаемую им схему развития общенаучных парадигм, в которой он, начиная с XVII века, выделяет четыре этапа, соответствующие четырем научно-техническим революциям. К ним он относит: появление классической механики, изучающей и описывающей функционирование простых систем; возникновение классической дисциплинарно-организационной науки, в качестве объекта исследования которой выступают сложные системы; формирование неоклассической общей теории систем (кибернетики), связанных с устройством сложных саморегулирующихся систем и появление постнеоклассической науки (синергетики), исследующей сложные саморазвивающиеся системы [5].

Данная схема отвечает эволюционному тренду развития от простого к сложному и системному восприятию окружающего мира, наиболее масштабными и сложноустроенными системами которого выступают общество и биосфера. В соответствии с этим В.С. Степин отмечает значительное влияние синергетики на современную экономическую теорию с точки зрения усложнения объекта изучения и полагает, что си-

нергетический подход способствует созданию теоретико-методологической базы для реализации концепции устойчивого развития.

В свою очередь О.В. Афанасьева отмечает, что «страны, создавшие социальное государство, несколько продвинулись в адаптации индустриальной цивилизации к требованиям человеческого существования. Фундаментальная же проблема осталась, а неолиберальный рыночный фундаментализм очень многое сделал для нового обожествления экономики» [6]. Достойной альтернативы в экономическом развитии она не видит и среди современных наиболее динамичных моделей развития, приводя в качестве примера антиустойчивую китайскую модернизацию, ставящую во главе угла экономический рост и массовое потребление и создающую в самой населенной стране мира современную и далеко не экологичную экономику.

Исследуя проблемы устойчивого развития и рассуждая, в рамках какой экономической системы (модели) оно возможно, Е.А. Тюргашев пишет: «Учитывая, что «Повестка дня на XXI век» содержит устойчивый оборот экономических и рыночных терминов, можно предполагать, что экономика устойчивого развития не тождественна рыночной экономике, хотя использует ее инструменты» [7].

Действительно, экономика устойчивого развития приходит на смену традиционной (рыночной) экономике. В соответствии с магистральным тезисом «Повестки дня на XXI век» о несоответствии традиционных представлений об экономическом росте формирующимся схемам потребления и производства, отвечающим имеющимся потребностям человечества, и умозаключениями выше обозначенных ученых можно сформулировать следующие основные принципы устойчивого развития:

1. **Этические нормы, основывающиеся на уважении и заботе друг о друге и планете в целом, являются основой устойчивости развития современного общества.** Для того чтобы реализовать этот принцип, мировому сообществу необходимо:

- выработать этические нормы экологически обоснованной деятельности;
- включить данные этические нормы в национальные нормативные правовые акты;
- создать новую всемирную организацию или расширить полномочия уже имеющих для наблюдения за внедрением в жизнь этических норм жизнедеятельности и привлечения общественного внимания к грубым их нарушениям.

2. **Повышение качества жизни,** индикаторами которого должны стать, в соответствии с Программой развития ООН, продолжительность

жизни, здоровье, образование, доходы. При этом качество жизни должно определяться такими важнейшими факторами, как образ жизни, антропогенная деятельность (характер производства и потребления) и протекание природных процессов.

3. **Сохранение жизнеспособности и разнообразия всего живого на земле.** Данный принцип требует формирования системы жизнеобеспечения, делающей нашу планету пригодной для жизни; сохранения биологического разнообразия; гарантии устойчивого использования возобновляемых природных ресурсов.

4. **Сведение до минимума использования не возобновляемых ресурсов.** Работа в этом направлении предполагает всемерное развитие и применение странами мира ресурсосберегающих технологий, расширение использования в экономической деятельности вторичных отходов, переключение (там, где это возможно) на возобновляемые ресурсы.

5. **Поощрение заинтересованности социума и его членов в сохранении среды обитания.** Реализуя данный принцип, общество должно всячески стимулировать осуществление экологически ответственной экономической деятельности и полнее выражать свои тревоги и интересы по сохранению жизненной среды человечества.

6. **Интегрирование процессов социально-экономического развития и охраны окружающей среды,** что предусматривает формирование и осуществление экономической политики, направленной на рациональное использование ресурсов, и постоянный мониторинг соблюдения должного уровня экологической безопасности.

7. **Стремление к достижению единства действий на мировом уровне,** поскольку устойчивое развитие в глобальных масштабах будет зависеть от тесного сотрудничества между всеми странами современного мира.

Среди основных факторов устойчивого развития, по нашему мнению, можно выделить:

- экономико-технологические факторы, связанные с производственно-хозяйственной деятельностью (экономические, научно-технические, технологические, инновационные);
- социальные факторы, определяющие развитие общества (демографические, социально-политические, историко-культурные, духовно-нравственные);
- природно-экологические факторы, воздействующие на состояние окружающей среды (геологические, климатические, биологические);
- факторы времени, определяющие протяженность социально-экономических и экологических процессов (краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные);

• пространственные факторы, которые проявляются в масштабах влияния на процессы устойчивого развития (региональные, национальные, общемировые).

Последовательное и ответственное осуществление социально-экономической деятельности на основании обозначенных принципов и с учетом перечисленных факторов будет способствовать сокращению нерационального роста использования ресурсов окружающей среды и формированию национальных экономических моделей, устойчиво развивающихся по преимущественно интенсивному типу.

Таким образом, концепция устойчивого экономического роста, соответствующая новому этапу развития цивилизации – постиндустриальной экономике, приходит на смену традиционному экономическому типу, одновременно происходит как смена экономических моделей, так и кардинальное изменение концептуальных подходов к оценке основ, целей и факторов современного экономического развития человеческой цивилизации.

Заключение. Проведенное исследование позволяет заключить, что парадигма устойчивого экономического развития явилась реакцией мирового сообщества на комплекс противоречий, важнейшими из которых можно считать:

• противоречие между возрастающими потребностями человечества и неспособностью биосферы обеспечить их, не разрушаясь;

• противоречие между производством и потреблением;

• противоречие между экологически безответственным отношением человека к среде своего обитания и способностью природы к компенсации потерь, вызванных данным обстоятельством;

• противоречие между ростом глобального валового дохода и уменьшением глобального богатства (ресурсов жизнеобеспечения);

• противоречие между богатыми и бедными, углубление социального неравенства.

Формирование парадигмы устойчивого экономического развития прошло 4 этапа:

1. Экологизация научных знаний и социально-экономического развития, начавшаяся в 1970-е гг., и создание надстрановых научных организаций по изучению глобальных планетарных процессов.

2. Осознание мировым сообществом формирования критической массы экологических проблем и необходимости их решения на меж-

государственном уровне (Конференции ООН по окружающей среде и развитию) и, как следствие, создание Программы ООН по окружающей среде (1972 г.).

3. Появление термина «устойчивое экономическое развитие» в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше будущее» (1987 г.).

4. Парадигма устойчивого развития признана в качестве основной стратегии функционирования мировой экономики на современном этапе (Конференция ООН по окружающей среде и развитию, 1992 г.).

Продвигаясь по пути устойчивого развития, мировое сообщество исполнено стремления неуклонно следовать его принципам для сохранения гармоничного единства социально-экономической деятельности и ее экологической безопасности. Понимание того, что в современном мире любые решения и действия, предпринимаемые участниками экономики на всех ее уровнях, должны согласовываться с этими принципами, определяет поставленные ими цели и средства их достижения.

Литература

1. Глобальная экологическая перспектива для Рио+20: материалы Новостного Центра ЮНЕП и Доклада «Глобальная экологическая перспектива» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecodelo.org/v_mire/15681-globalnaya_ekologicheskaya_perspektiva_dlya_rio20. – Дата доступа: 10.12.2018.
2. Мочалова, Л.А. Концепция устойчивого развития и переход к новой социально-экономической парадигме / Л.А. Мочалова // Изв. Урал. гос. экон. ун-та. – 2016. – № 2(46). – С. 5–10.
3. Повестка дня на XXI век: материалы Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/dokuments/decl_conv/conventions/agenda21.shtml. – Дата доступа: 04.12.2018.
4. Акимов, Т.А. Экономика устойчивого развития: учеб. пособие / Т.А. Акимов, Ю.Н. Мосейкин. – М.: Экономика, 2009. – 432 с.
5. Степин, В.С. Саморазвивающиеся системы и философия синергетики [Электронный ресурс] / В.С. Степин // Путь в будущее – наука, глобальные проблемы, мечты и надежды: материалы междунар. конф., Москва, 26–28 нояб. 2007 г. / МГУ; редкол.: В.А. Прытков (гл. ред.) [и др.]. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/stepin444.htm>. – Дата доступа: 08.11.2018.
6. Афанасьева, О.В. Информационная открытость и проблема устойчивого развития / О.В. Афанасьева // Вопросы философии. – 2012. – № 5. – С. 47–58.
7. Тюгашев, Е.А. Экономика устойчивого развития: возрождение ценностей традиционной экономики [Электронный ресурс] / Е.А. Тюгашев // Новые исследования Тувы. – 2010. – № 2. – Режим доступа: http://www.tuva.asia/journal/issue_-6/1713-tyugashev.html. – Дата доступа: 01.12.2018.

Поступила в редакцию 23.01.2019 г.

Туристический рынок Витебской области: состояние и конкурентоспособность

Янкевич Е.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье рассмотрены состояние и закономерности развития туризма в Витебской области, изучены показатели деятельности туристических организаций, указаны факторы, влияющие на конкурентоспособность туристических услуг.

Цель работы – анализ закономерностей развития и конкурентоспособности туризма Витебской области, оценка туристических потоков, выявление проблем, тенденций и перспектив развития.

Материал и методы. Материалом для исследований послужили статистические данные Всемирного экономического форума о конкурентоспособности сектора туризма, данные Национального статистического комитета Республики Беларусь и Главного статистического управления Витебской области, данные Управления спорта и туризма Витебского областного исполнительного комитета, публикации специалистов в периодических изданиях. Основные методы: статистический, сравнение, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. В статье рассмотрена глобальная роль туристической отрасли в повышении конкурентоспособности страны и диверсификации экономики, приведена динамика показателей туристических потоков, анализируются современные тенденции, текущие проблемы и их определяющие факторы.

Учитывая, что конкурентоспособность страны обусловлена конкурентоспособностью отраслей и регионов, дана оценка состава и структуры туристических организаций, динамики и развития въездного, выездного и внутреннего вида туристических услуг Витебской области, осуществлен анализ показателей деятельности организаций, оказывающих туристические услуги в области, приведена характеристика средств размещения.

Заключение. Для повышения конкурентоспособности туризма Витебской области и страны в целом турфирмам необходимо выявлять тенденции развития отрасли и проводить исследования с целью определения макроэкономических факторов, оказывающих воздействие на спрос туристических услуг. Увеличить туристический потенциал Витебской области возможно за счет увеличения спроса путем углубленной работы на рынке по формированию туристических и рекреационных потребностей на новые туристические услуги, путем усиления конкурентных позиций туристических организаций в результате расширения своей доли на рынке. Важным является обеспечение конкурентоспособности туристических организаций региона, что становится одним из основных направлений политики в области туризма, и именно это сыграет решающую роль в улучшении привлекательности Беларуси для зарубежных туристов, а также будет способствовать развитию социально-экономических условий функционирования государства.

Ключевые слова: конкурентоспособность сектора T&T (туризм и путешествия), туроператоры, турагенты, туристический бизнес, реальные располагаемые денежные доходы населения, расходы населения на туристические услуги, въездной, выездной и внутренний туризм, средства размещения, выручка от реализации туристических услуг.

Tourist Market in Vitebsk Region: Status and Competitiveness

Yankevich E.M.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masharov University"

The status and regularities of tourism development in Vitebsk Region are considered in the article, analysis of the parameters of tourist companies' activities is conducted, and factors which influence the competitiveness of tourist services are pointed out.

The purpose of the article is analysis of the regularities of the development and competitiveness of tourism in Vitebsk Region, assessment of tourist streams, finding out problems, tendencies and prospects of the development.

Material and methods. The research material is statistics of the World Economic Forum on tourism sector competitiveness, data of the National Statistics Committee of the Republic of Belarus and Head Statistic Department of Vitebsk Region, data of Sports and Tourism Department of Vitebsk Region Administration, publications in periodicals. The main research methods are statistic, comparative, analysis and synthesis.

Findings and their discussion. Global role of the tourist branch in the increase of the country's competitiveness and the economy diversification are considered in the article; dynamics of the parameters of tourist streams is presented; contemporary tendencies, current problems and factors determining them are analyzed. Considering the fact that the country's competitiveness is conditioned by the competitiveness of branches and regions an assessment of the composition and structure of the tourist companies, the dynamics and the development of the incoming, outgoing and internal types of tourist services in Vitebsk Region is given; an analysis of the parameters of the Region tourist companies' activities is made; accommodation facilities are characterized.

Conclusion. To increase the competitiveness of tourism in Vitebsk Region and the whole country tourist companies should find out tendencies of the development of the branch and do research to find out macroeconomic factors which influence the demand in tourist services. The improvement of the tourist potential of Vitebsk Region is possible by increasing the demand through profound work at the market on shaping tourist and recreation needs in new tourist services, through strengthening competitive positions of tourist companies as a result of widening their market share. It is important to provide the competitiveness of the Region tourist companies, which is one of the basic directions of the policy in the field of tourism; this will play the decisive role in the improvement of the attractiveness of Belarus for foreign tourists, which will facilitate the development of social and economic conditions of the state function.

Key words: competitiveness of T&T sector, tourist operators, tour agents, tourist business, real possessed financial incomes of the population, tourist services expenditures of the population, incoming, outgoing and internal tourism, accommodation facilities, tourist service sell incomes.

В условиях глобализации туристического рынка особое значение приобретают научное изучение закономерностей развития конкуренции в туризме и разработка научно-методологических основ формирования конкурентоспособной туристической индустрии.

Определение, применение, а также анализ внешних и внутренних элементов, которые влияют на конкурентный статус туристической организации, дают возможность успешно осуществлять свою деятельность и занимать стабильное положение на рынке. Рассмотрим подробнее эти аспекты.

При глобальной роли туризма не удивительно его значимость во многих странах и регионах. По мнению авторов доклада Всемирного экономического форума (далее ВЭФ) о конкурентоспособности сектора Т&Т (туризм и путешествия), она особенно выделяется в развивающихся странах, поскольку помогает диверсифицировать экономику, открывает возможности генерирования доходов и рабочих мест в сельских территориях. Стремясь создать среду для туризма, благодаря политике государства совершенствуется инфраструктура в сфере туризма, которая положительно влияет на рост культурного кругозора и экологической устойчивости, фиксируя внимание местных жителей на ценностях окружающей среды, поощряя бизнес к природоохранным улучшениям, а туристов – к сохранению природы.

Участники Всемирного экономического форума, чтобы лучше понять факторы конкурентоспособности туристического сектора и задачи, стоящие перед ним, начали рассчитывать и целенаправленно анализировать специальный индекс (The Travel & Tourism Competitiveness Index, ТТСИ) [1]. В 2007 г. это было сделано для 124, а в 2013 г. – для 140 стран. Показатель ТТСИ измеряет факторы и черты привлекательности (благоприятности) для развития сектора Т&Т в разных странах. Форум имеет своих партнеров в каждом

из исследуемых государств. Полный перечень, описание и методика расчета и сравнение показателей даны в тексте [2].

Судя по показателям экспорта туристических услуг, Республика Беларусь и Витебский регион являются привлекательными для иностранных туристов.

Цель статьи – анализ закономерностей развития и конкурентоспособности туризма Витебской области, оценка туристических потоков, выявление тенденций и перспектив развития.

Материал и методы. Материалом для исследований послужили статистические данные Всемирного экономического форума о конкурентоспособности сектора туризма, данные Национального статистического комитета Республики Беларусь и Главного статистического управления Витебской области, данные Управления спорта и туризма Витебского областного исполнительного комитета, публикации специалистов в периодических изданиях. Основные методы: статистический, сравнение, анализ и синтез, структурно-логический.

Результаты и их обсуждение. В ежегодном докладе Всемирного экономического форума «Конкурентоспособность туризма и путешествий» (The Travel & Tourism Competitiveness Report 2017) от 5 апреля 2017 года описывается совокупность факторов и политики, которые обеспечивают устойчивое развитие сектора туризма, что способствует развитию конкурентоспособности страны. Индекс конкурентоспособности подсчитан для 141 страны мира, в его основу положены 14 компонентов: бизнес-среда, охрана и безопасность, здоровье и гигиена, человеческие ресурсы и рынок труда, развитие информационных и коммуникационных технологий, приоритет путешествия и туризма в доходах страны, международная открытость, конкурентоспособность цен, экологическая устойчивость, развитие авиатранспортной инфраструктуры, развитие наземной и портовой инфраструктуры, развитие туристической

инфраструктуры и обслуживания, природные ресурсы, культурные ресурсы и деловые поездки. Каждая страна занимает определенную позицию по разным направлениям. Республика Беларусь в исследовании не участвовала. В результате анализа итоговый рейтинг составлен по индексу конкурентоспособности туризма и путешествий 2017 года. В тройку лидеров вошли: Испания с индексом 5,43, Франция – 5,32, Германия – 5,28. Тройка аутсайдеров: Бурунди, Чад, Йемен. Россия в общем рейтинге на 43-м месте (4,15), Польша – на 46-м месте (4,11), Украина – на 88-м (3,50), Казахстан – на 81-м (3,59), Киргизская Республика – на 115-м месте (3,10). Важным элементом выступают международная открытость и ценовая конкурентоспособность – факторы, которые могут непосредственно влиять на решение туристов выбрать пункт назначения. Новая методология использует больше показателей (90 вместо 79), две трети которых являются статистическими, а одна треть – данными из опроса общественного мнения [3]. Республика Беларусь в данном рейтинге не участвовала, однако необходимо знать те критерии, по которым оценивается конкурентоспособность туризма и путешествий, так как туризм – это планетарное явление и важен в период глобализации.

Рассмотрим основные аспекты развития туристической отрасли Витебской области. В качестве исполнителя (продавца) туристических услуг выступают туристические организации (юридические лица) и индивидуальные предприниматели, под которыми понимаются производители и потребители туристических услуг (туристского продукта), обладающие лицензией на туроператорскую или турагентскую деятельность.

Туристические организации Витебской области как участники рыночных отношений выполняют две основные функции: организаторскую и посредническую. В зависимости от того, какая из функций является преобладающей, туристические фирмы подразделяются на туроператоров и турагентов. Взаимодействие туроператоров и турагентов полезно обеим сторонам. Наличие у туроператора широкой развернутой агентской сети обеспечивает ему рост объема продаж, в свою очередь турагент получает комиссионное вознаграждение за посредничество в реализации туров.

В результате исследований выяснилось, что в г. Витебске наибольший удельный вес функционирующих туристических организаций установлен в Октябрьском районе – 43%, в Первомайском районе – 37%, в Железнодорожном – 20%. Среди туристических организаций города преобладает частная форма собственности.

Характеристику состояния рынка туристического бизнеса в городе Витебске рассмотрим на основании таблицы 1, где приведены состав и динамика организаций по видам туроператорской, турагентской, туроператорской и турагентской деятельности по Республике Беларусь и указана доля Витебской области за 2015–2016 гг.

Анализируя данные таблицы 1, можно констатировать общий рост количества туристических организаций в 2016 г. как по Республике Беларусь, так и по Витебской области. В 2016 г., по сравнению с 2015 г., число организаций, осуществляющих туроператорскую деятельность, по Республике Беларусь увеличилось на 80 ед., а по Витебской области – на 10 ед. Вместе с тем произошло существенное снижение числа организаций, осуществляющих турагентскую деятельность, – на 664 ед. по республике и меньше на 3 ед. по Витебской области. Также наблюдается снижение количества туристических организаций, осуществляющих туроператорскую и турагентскую деятельность. В целом по Витебской области число туристических организаций за 2015–2016 гг. сократилось несущественно, т.е. наблюдается устойчивая ситуация деятельности организаций туристического бизнеса на рынке г. Витебска.

Исследуя деятельность туристических организаций, осуществляющих по видам туроператорской, турагентской, туроператорской и турагентской деятельности, определено изменение не только в абсолютном выражении, но и показаны их состав и структура.

В таблице 2 отображены состав и структура туристических организаций по видам оказываемых туристических услуг туроператорской, турагентской, туроператорской и турагентской деятельности в Республике Беларусь и доля в них Витебской области за 2015–2016 гг.

Как видно из данных таблицы 2, в Витебской области общее число организаций, занимающихся туристической деятельностью, за 2015–2016 гг. возрастает. За 2016 г. рост турорганизаций в Витебской области увеличился на 2,2%, в Республике Беларусь – на 0,8%. Наблюдается увеличение количества организаций, осуществляющих туроператорскую деятельность и в Республике Беларусь, и в Витебской области, на 50%. Однако существенно снизился показатель турагентской деятельности в Республике Беларусь на 86,9%, тогда как в Витебской области количество турагентов сократилось всего лишь на 6,4%.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что туроператорская деятельность наиболее востребована на рынке г. Витебска и Витебской области. В таблице 3 представлено ко-

личество туристических организаций г. Витебска по состоянию на 1 января 2015–2017 гг.

Как видно из таблицы 3, количество туристических организаций на 1 января 2017 г. составило 55, за исследуемый период количество организаций увеличилось на 5 ед.

В таблице 4 представлен анализ состава и динамики туристических организаций по видам деятельности по состоянию на 1 января 2016–2017 гг.

Из данных таблицы 4 видно, что из 55 организаций в 2017 г. 31 осуществляет деятельность туроператора и турагента, также значительное количество организаций, которые осуществляют функцию турагента, – 21 организация и всего лишь 4 организации выполняют деятельность туроператора.

Из 55 туристических организаций въездным, выездным и внутренним туризмом занимаются не все организации, в основном организации специализируются на выездном туризме. В общий объем выручки от оказания туристических услуг по г. Витебску входят услуги организаций, для которых туризм не является основным видом деятельности. Например, ООО «Марко-сервис», ГЛХУ «Витебский лесхоз», УЗ «Витебский областной диагностический центр».

Оценку конкурентоспособности туристических организаций на рынке г. Витебска целесообразно осуществлять, если рассмотреть общее число туристических организаций, которые занимаются одинаковыми видами деятельности, исходя из этого классифицируем туристические организации г. Витебска по видам туристических услуг.

По данным Управления спорта и туризма Витебского облисполкома на 01.01.2017 г., из 55 организаций г. Витебска осуществляют услуги выездного, въездного и внутреннего туризма 17 туристических организаций. Оказывают услуги въездного туризма – 22 организации, выездного туризма – 51 организация, внутреннего – 18 организаций. Наибольшее количество туристических организаций г. Витебска осуществляют услуги выездного туризма.

Показатель экспорта туристических услуг характеризует привлекательность Республики Беларусь для зарубежных туристов. Так, въездным туризмом в г. Витебске, согласно данным Управления спорта и туризма по Витебской области, занимается небольшое количество туристических организаций. Флагманом по данному виду услуг является ОДО «Турфирма “Илва”», экспорт услуг которой за 2016 год составил 574,8 тыс. дол. США, ОДО «Кобзар» – 34,2 тыс. дол. США, ОДО «Спадчына» – 14,7 тыс. дол. США, ООО «Виата» – 6,2 тыс. дол. США, ООО «РайдоТур» – 51,7 тыс. дол. США, ЧП «Витебское экскурсионное бюро

“Экскурс”» – 27,5 тыс. дол. США. В 2016 году на рынке г. Витебска появились три новые туристические фирмы среди экспортеров туристических услуг: ЧП «Багира-туризм» – 4,3 тыс. дол. США, ООО «Ириссан» – 2 тыс. дол. США, ООО «Витполбай» – 13,2 тыс. дол. США.

Экспорт туристических услуг состоит из 3-х видов услуг: реализация турпутевок, услуги гостиниц и прочие (организация охоты, спорт, образование, транспортные). По виду «Реализация комплекса туристических услуг (путевок, туров)» за 11 месяцев он составил 8,5 млн дол. США, с темпом роста 107,4% к аналогичному периоду 2015 года (удельный вес 77,6% в общем объеме экспорта туруслуг области, и он увеличился на 2,5 п.п. по сравнению с 2015 г.). Следует отметить, что направления оздоровления и рекреации составили 65% в реализации комплекса услуг и 50% в структуре экспорта туруслуг в целом (9 санаторно-курортных организаций с совокупным объемом 5,6 млн дол. США). С июля 2016 г. начал работать санаторно-курортный комплекс «Плисса» ЗАО «Трестпромстрой», его экспорт составил 85,3 тыс. дол. США.

По данным Представительства Республиканского центра по оздоровлению и санаторно-курортному лечению населения в Витебской области в январе-ноябре 2016 года санаторно-курортными и оздоровительными организациями (24 ед. отчитывающихся в РЦО) реализовано 70,5 тысяч путевок, что на 8,3% больше, чем в аналогичном периоде прошлого года, из них иностранцам – 22,7 тысячи, что на 20% больше, чем за 11 месяцев прошлого года. Выручка от реализации путевок иностранцам в белорусских рублях выросла на 29%. Заполняемость указанных организаций составила 78,8% (в аналогичном периоде прошлого года 78,8%). В реализацию комплекса туристических услуг с удельным весом в 7,9% входят также услуги по организации охоты.

Согласно программе «Беларусь гостеприимная» показатель плана экспорта туристических услуг на 2017 г. составил 157,1 млн дол. США, выполнение показателя по республике и каждой области и Витебской области в том числе представлено в таблицах 5 и 6.

Из таблицы 5 следует, что Витебская область по экспорту туристических услуг занимает 2-е место по темпу роста и 3-е место по объему среди областей и г. Минска.

Как свидетельствует анализ данных таблицы 6, показатель экспорта туристических услуг по республике с января по ноябрь 2017 г. уже перевыполнен на 10,8 процентных пункта, Витебская область находится на 3-м месте по перевыполнению плана на 7,6 п.п. по сравнению с г. Минском (+16,1 п.п.) и Гомельской областью (+11,5 п.п.).

Темп роста экспорта туристических услуг в Витебской области за данный период +25,4% (третье место после Гродненской области и г. Минска). В аутсайдерах по экспорту туристических услуг по состоянию на ноябрь 2017 г. оказались Брестская и Могилевская области (–14,8 п.п. и 14,1 п.п. соответственно).

Необходимо отметить, что Витебская область, по итогам последних месяцев 2017 г., занимает, согласно имеющимся данным с 2010 года, 3-е место по объему экспорта туруслуг среди регионов после г. Минска и Минской области, что является результатом, который достигнут областью впервые. Удельный вес экспорта туристических услуг в общем объеме экспорта услуг области увеличился на треть, или 2,2 п.п., и составил 8,9%.

Экспорт туруслуг области без учета экспорта организаций, подчиненных республиканским органам государственного управления, составил 107,9% (задание Управлению спорта и туризма, установленное решением сессии областного совета депутатов на 2016 год в размере 105% к 2015 г., выполнено).

По оперативным данным объем экспорта туруслуг за 2016 год был на уровне 11,83 млн дол. США, с темпом роста показателя 104,1%. Задание госпрограммы выполнено и перевыполнено по итогам года.

Проанализируем основные показатели деятельности туристических организаций г. Витебска в общей выручке Витебской области. В 2015 году отсутствуют формы статистической отчетности показателей деятельности туристических организаций по г. Витебску, а лишь приведены в составе всей выручки по Витебской области. Показатели деятельности туристических организаций по Витебской области и г. Витебску за 2016 г. показаны в таблице 7.

Исходя из данных таблицы 7, можно установить, что удельный вес выручки от оказания туристических услуг организаций г. Витебска в выручке области занимает большую часть и составил 52,2%, рентабельность реализации туристических услуг по городу Витебску выше, чем по области, на 8,9 п.п. и составляет 26,3%. Выручка от оказания туристических услуг организациями Витебской области составляет 17,4%.

При этом рекомендуем для оценки конкурентоспособности туристической организации учитывать показатель численности посетителей (туристов и экскурсантов), обслуженных организациями Витебской области и Республики Беларусь. В отчетности Национального статистического комитета Республики Беларусь отсутствуют данные об общей численности туристов, обслуженных в туристических организациях, осуществляющих туристическую деятельность в г. Витеб-

ске, поэтому проанализируем данный показатель по Витебской области.

Численность туристов, обслуженных организациями, осуществляющими туристическую деятельность по Витебской области и Республике Беларусь, представлена в таблице 8.

Как видно из данных таблицы 8, по Республике Беларусь за 2015–2016 гг. численность обслуженных туристов снизилась на 58862 человека, или на 21,3%, и составила 217398 человек. Что касается Витебской области, то данный показатель вырос на 33,2%, или на 8497 человек, и составил 34111 человек, оказавшись на 3-м месте после г. Минска и Минской области. Другими словами, организации Витебской области располагают таким туристическим продуктом, который пользуется спросом у туристов.

Проанализируем численность туристов, отправленных за рубеж, в 2015–2016 гг. организациями, осуществляющими туристическую деятельность в Республике Беларусь и Витебской области (таблица 9).

Согласно данным таблицы 9, можно отметить отрицательную тенденцию по отправке туристов за рубеж. Как по Республике Беларусь, так и по Витебской области численность туристов уменьшилась в 2016 г. на 32,9% и 28,8% соответственно. Это обусловлено падением реальных доходов населения, ростом курса валют и увеличением удельного веса расходов на жилищно-коммунальные услуги, продукты питания. Однако несмотря на сложившуюся ситуацию удельный вес туристов, отправленных за рубеж в Витебской области в 2016 г., вырос на 0,4 п.п.

Проанализируем основные показатели деятельности организаций, в Витебской области за 2015–2016 г. (таблица 10).

Из данных таблицы 10 прослеживается положительная тенденция развития туристической индустрии Витебской области. Число организаций, осуществляющих туристическую деятельность в 2016 г., по отношению к 2015 г., возросло на 3 ед., или на 2,27%, и составило 135. Рост стоимости туров, оплаченных туристами, вырос на 1,24, или на 329,7 тыс. руб., по въездному туризму 82,97%. Однако произошло снижение стоимости туров, оплаченных туристами по выездному и внутреннему туризму. Что касается стоимости оплаченных туров экскурсантами, то этот показатель вырос на 65,02% за счет увеличения внутреннего туризма на 21,38%. Данная ситуация возможна из-за снижения реальных доходов населения и увеличения курса валют. Увеличение доли въездного туризма характеризует Витебскую область как привлекательный регион для иностранных туристов, что способствует выполнению Государственной про-

граммы «Беларусь гостеприимная» на 2016–2020 годы, указа Президента Республики Беларусь, поручения Правительства Республики Беларусь и других нормативно-правовых актов.

Общая стоимость оплаченных туров экскурсантами увеличилась в 2016 г., по отношению к 2015 г., на 10,46%. Данное увеличение обусловлено увеличением на 65,02% услуг въездного туризма. Стоимость туров, оплаченных экскурсантами, по внутреннему туризму увеличилась в 2016 г. на 21,38%. Однако стоимость туров, оплаченных экскурсантами в 2016 г., существенно снизилась на 42,5%. Это значит, что туристические услуги у населения востребованы, только выезду за пределы Республики Беларусь население предпочитает однодневные туры – как более доступные для семейного бюджета.

Так, выручка от оказания туристических услуг организациями в 2016 году выросла на 34,39%, себестоимость оказанных туристических услуг увеличилась на 18,71%, вследствие чего туристическая отрасль Витебской области оказалась прибыльной. Прибыль от реализации туристических услуг возросла в 3,6 раза, рентабельность туристических услуг повысилась на 14,2 п.п. и составила 21,06%.

В таблице 11 представлен анализ состава и структуры численности организованных туристов и экскурсантов по видам туристических услуг в Витебской области за 2015–2016 гг.

Как видно из таблицы 11, в 2015 г. пользовались услугами внутреннего туризма 61601 человек, что составляет 44,6%, значительная доля предоставления услуг выездного туризма, а доля выездного туризма составила 18,6%. В 2016 г. ситуация кардинально меняется. Как положительное следует отметить увеличение общего количества экскурсантов и туристов по всем видам туризма в Витебской области, что составило 27913 человек, или на 20,3%. При этом происходит сокращение численности по въездному и выездному виду туристических услуг. Значительно возросла численность по внутреннему туризму на 34015 человек, или на 55,2%. Доля услуг внутреннего туризма составила 57,6%. Также положительная динамика наблюдается по въездному туризму, увеличилось количество на 8497 человек и удельный вес составил 20,6%. При этом в наибольшей степени сократилась численность организованных туристов, которые воспользовались услугами выездного туризма, на 14599 человек, или на 28,8%. Численность организованных туристов выездного туризма сократилась на 15 п.п. Это обусловлено ухудшением благосостояния населения, падением уровня их реальных доходов.

На основании данных Национального статистического комитета Республики Беларусь

проанализирована динамика денежных доходов населения Республики Беларусь за 2015–2016 гг. (в процентах к соответствующему периоду прошлого года), что объясняет ситуацию по востребованности услуг выездного туризма гражданами Республики Беларусь в 2015 и 2016 годах. Так, на конец 2015 года доходы населения составили 94,1%, на конец 2016 г. – 93,1%, иными словами, наблюдается их устойчивое снижение ежемесячно на протяжении 2015–2016 гг., причем реальные располагаемые денежные расходы населения Республики Беларусь в 2016 г. оказались ниже, чем в 2015 г., и составили 93,1%.

Для оценки динамики реальных располагаемых доходов населения Витебской области проведем сравнение данного показателя с другими областями Республики Беларусь и г. Минском (таблица 12).

Анализируя данные таблицы 12, можно наблюдать снижение реальных располагаемых денежных доходов населения в 2016 году повсеместно по Республике Беларусь и г. Минску. По Республике Беларусь денежные доходы снизились на 1 п.п., при этом в Витебской и Гомельской областях за 2016 год этот показатель был ниже других областей (91,1%) и снизился на 1,4 процентных пункта. В 2017 году реальные располагаемые денежные доходы населения по республике выросли до 102,8%, а в Витебской области данный показатель остается самым низким, что не может не сказываться на востребованности туристических продуктов у организаций турбизнеса на рынке г. Витебска.

Исследуя совокупный доход населения, необходимо выяснить, какова же динамика денежных расходов на санаторно-оздоровительные, туристические услуги, экскурсионные услуги. В таблице 13 показан удельный вес денежных расходов домашних хозяйств в Республике Беларусь за 2012–2016 гг. (по результатам выборочного обследования домашних хозяйств по уровню жизни; в процентах к итогу).

По данным таблицы 13 видно, что реальные располагаемые денежные доходы населения на туристические и экскурсионные туры начиная с 2012 года постепенно снижаются. За анализируемый период в Республике Беларусь расходы на туристические услуги снизились в 2016 г. по отношению к 2015 г.

Удельный вес денежных расходов домашних хозяйств на туристические и экскурсионные услуги в 2016 г., по отношению к 2015 г., снизился на 1,9 п.п. Расходы на санаторно-оздоровительные услуги наоборот возросли в доле расходов с 0,7% до 0,9% (на 0,2 п.п.). Медицинский туризм с каждым годом становится все более востребо-

ванным и популярным среди иностранных граждан. По данным Минздрава Беларуси, в настоящее время у иностранных граждан востребованы стоматология, репродуктивная медицина, пластическая хирургия, гинекология и акушерство, трансплантология, кардиохирургия, лечение онкологических заболеваний, диагностические обследования, профилактическое лечение, восстановление после перенесенных заболеваний [5].

Сбор данных о численности иностранных туристов, посетивших Республику Беларусь с лечебно-оздоровительной целью, Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь не ведется, в Минспорте данные отсутствуют, что вызывает сложности их анализа.

В Витебской области по направлению медицинского туризма отчитываются 18 организаций, в т.ч. 9 организаций г. Витебска, которые обслуживают иностранных граждан из 48 стран. По Витебской области по состоянию на 5 декабря 2017 года обслужено 1120 человек. Организации города Витебска обслужили 850 пациентов. На территории Витебской области 9 санаторно-оздоровительных учреждений. Кроме того, решен вопрос безвизового нахождения в стране иностранных граждан до 30 дней, что может являться достаточным для некоторых медицинских процедур.

Как указано в отчете Всемирного экономического форума, одним из факторов конкурентоспособности государств в сфере туризма и путешествий является наличие современных гостиниц и отелей. В Витебской области достаточное количество гостиниц и гостиничных комплексов: из 384 ед. по состоянию на конец 2017 г. по Республике Беларусь, в Витебской области 52 ед., в том числе третьей категории 4 ед., второй категории 1 ед. и без категории 47 ед. Кроме того, по числу гостиниц и аналогичных средств размещения по областям и г. Минску на конец 2017 г. Витебская область находится на 2-м месте (после Минской обл.) и располагает 105 ед. из 586-ти средств размещения, 104 ед. из них работают весь год.

В век жесткой конкуренции в туристической индустрии ключевую роль играют средства размещения, которые являются важным элементом туризма. Для увеличения доходов от туризма необходимы наличие и структура средств размещения как неотъемлемая составляющая использования туристических ресурсов региона. В результате исследования выяснилось, что из всего количества средств размещения доля Витебской области составляет 19%. Сведения о динамике и структуре размещенных лиц по Витебской области за 2016–2017 гг. приведены в таблице 14.

Данные таблицы 14 указывают на отрицательную тенденцию в количестве размещенных

по Витебской области за 2017 год. Размещенных лиц в гостиницах Витебской области уменьшилось на 6,8%, или на 13621 человек, что обусловлено снижением размещенных лиц из стран СНГ на 9,0%. Количество предоставленных койко-суток в 2017 году, по отношению к 2016 году, меньше на 11,9% по области. Воспользовались услугами гостиниц граждане Республики Беларусь меньше на 19,3%. Напротив, возросло число предоставленных койко-суток для граждан из других стран на 3,7%, в том числе из стран вне СНГ на 14,8%, что говорит о востребованности туристических услуг Витебской области иностранными гражданами. Для исправления такой ситуации необходимо загружать номерной фонд, что требует разработки соответствующей рекламной стратегии.

Важным фактором в деятельности туристических организаций и индустрии туризма является выручка от размещения в гостиницах, что показано в таблице 15.

Выручка от размещения в гостиницах, как показывают данные таблицы 15, в 2017 г. снизилась на 1%, или на 121,8 тыс. руб. Данное снижение обусловлено отсутствием спроса на размещение в гостиницах гражданами Республики Беларусь на 5,3%. Выручка от граждан других государств увеличилась на 4,5%, что в итоге не сыграло положительной роли для Витебской области. Важно отметить, что средства размещения определяют, какого уровня и сколько туристов приедет в область. Невзирая на эффектные и уникальные объекты туризма в страну не поедут туристы без соответствующих условий размещения, на рынке которых существует высокая конкуренция, и она заметно возросла во время мирового экономического кризиса, ограничив туристический поток.

Туристическим организациям Витебской области для увеличения выручки от оказания туристических услуг и повышения уровня конкурентоспособности необходимо развивать широкий спектр туристических услуг, в т.ч. и санаторно-оздоровительные услуги, как для зарубежных туристов, так и для граждан Республики Беларусь, которые в перспективе будут востребованы [7]. Не менее важными аспектами являются рекламная деятельность и влияние размера расходов на рекламу на рост выручки турфирмы. С помощью рекламы турфирмы осваивают новые рынки сбыта. Служащая средством конкурентной борьбы реклама, обостряя ее, способствует повышению качества туристского обслуживания. Реклама дает возможность увеличить объем продаж, а в свою очередь масштабный сбыт туристических услуг обеспечивает туристической фирме рост доходов, улучшение имиджа Беларуси как туристического региона, достойную оплату труда персонала [8].

Таблица 1 – Состав и динамика туристических организаций по видам деятельности в Республике Беларусь и Витебской области за 2015–2016 гг.

Регион	Всего организаций		Абсолютное отклонение	В том числе осуществляли деятельность								
				туроператора		Абсолютное отклонение	турагента		Абсолютное отклонение	туроператора и турагента		Абсолютное отклонение
	2015	2016		2015	2016		2015	2016		2015	2016	
Республика Беларусь	1364	1376	+12	155	235	+80	764	100	-664	445	406	-39
Витебская область	132	135	+3	20	30	+10	47	44	-3	65	61	-4

Источник: собственная разработка.

Таблица 2 – Анализ состава и структуры туристических организаций по видам деятельности в Республике Беларусь и Витебской области за 2015–2016 гг.

Регион	Всего организаций		Темп роста, %	В том числе осуществляли деятельность								
				туроператора		Темп роста, %	турагента		Темп роста, %	туроператора и турагента		Темп роста, %
	2015	2016		2015	2016		2015	2016		2015	2016	
Республика Беларусь	1364	1376	100,8	155	235	151,6	764	100	13,08	445	406	91,2
Витебская область	132	135	102,2	20	30	150,0	47	44	93,6	65	61	93,8

Источник: собственная разработка.

Таблица 3 – Количество туристических организаций в г. Витебске

Годы	На 01.01.2015 г.	На 01.01.2016 г.	На 01.01.2017 г.	Абс. прирост, ед.		Темп роста, %	
				2016/2015 гг.	2017/2016 гг.	2016/2015 гг.	2017/2016 гг.
Количество организаций	50	53	55	+3	+2	106	103,8

Источник: собственная разработка на основании данных Управления спорта и туризма Витебского облисполкома.

Таблица 4 – Анализ состава и динамики туристических организаций по видам деятельности г. Витебска по состоянию на 1 января 2016–2017 гг.

Регион	Всего организаций		Абсолютное отклонение	В том числе осуществляли деятельность								
				туроператора		Абсолютное отклонение	турагента		Абсолютное отклонение	туроператора и турагента		Абсолютное отклонение
	2016	2017		2016	2017		2016	2017		2016	2017	
г. Витебск	53	55	+2	2	4	+2	19	20	+1	32	31	−1

Источник: собственная разработка.

Таблица 5 – Рейтинг Витебской области по экспорту туристических услуг

Регион	2016 г.		Январь-июнь 2017 г.		Январь-июнь 2017 г.	
	млн дол. США	%	млн дол. США	%	место по темпу роста	место по объему
Туристические услуги, всего	155,2	96,6	82,6	122,2	–	–
Брестская область	11,7	99,9	5,5	118,7	5	5
Витебская область	12,1	106,4	6,1	133,3	2	2
Гомельская область	11,4	98,7	5,8	124,7	3	4
Гродненская область	9,1	123,8	5,1	146,6	1	6
г. Минск	78,7	96,2	45,6	123,2	4	1
Минская область	26,1	102,3	11,8	108,2	6	2
Могилевская область	4,3	97,2	1,9	106,4	7	7

Источник: составлено автором.

Таблица 6 – Экспорт туристических услуг по Республике Беларусь и областям

Республика Беларусь	План на 2017 г., млн дол. США	Январь-ноябрь 2017 г.				Выполнение плана на ноябрь 2017 г., п.п.
		млн дол. США	темп роста, %	уд. вес, %	выполнение годового планового задания, %	
Всего, в том числе:	157,1	180,9	125,9	100,0	115,1	+10,8
Брестская область	12,6	12,1	110,8	6,7	96,0	–14,8
Витебская область	11,8	13,9	125,4	7,7	117,8	+7,6
Гомельская область	11,6	12,5	119,3	6,9	107,8	+11,5
Гродненская область	7,5	11,3	133,2	6,2	150,7	–17,5
г. Минск	82,4	98,8	136,0	54,6	119,9	+16,1
Минская область	26,5	26,3	107,3	14,5	99,2	–8,1
Могилевская область	4,7	4,2	103,5	2,3	89,4	–14,1
Не распределены по областям	–	1,9	120,3	1,1	115,1	+5,2

Источник: собственная разработка на основе данных Управления спорта и туризма Витебского облисполкома.

Таблица 7 – Основные показатели деятельности туристических организаций Витебской области и г. Витебска за 2016 г.

Регион	Выручка от оказания туруслуг (за вычетом налогов и сборов, исчисляемых из выручки, тыс. руб.)	Себестоимость реализованных туристических услуг, тыс. руб.	Прибыль от оказания туруслуг, тыс. руб.	Доля выручки в области, %	Рентабельность реализации туруслуг, %
Витебская область	9229,1	7623,5	+1605,6	100	17,4
г. Витебск	4820,9	3553,0	+1267,9	52,2	26,3

Источник: собственная разработка на основе данных Главного статистического управления Витебской области.

Таблица 8 – Численность туристов, обслуженных организациями, осуществляющими туристическую деятельность, в Республике Беларусь и Витебской области

Регион	2015 г.		2016 г.		Изменение		Темп роста, %
	чел.	уд. вес, %	чел.	уд. вес, %	чел.	п.п.	
Республика Беларусь	276260	100	217398	100	-58862	–	78,7
Витебская область	25614	9,3	34111	15,7	+8497	+6,4	133,2

Источник: собственная разработка на основе статистических данных [4].

Таблица 9 – Численность туристов, отправленных за рубеж организациями, осуществляющими туристическую деятельность, в Республике Беларусь и Витебской области

Регион	2015 г.		2016 г.		Изменение		Темп роста, %
	чел.	уд. вес, %	чел.	уд. вес, %	чел.	уд. вес, п.п.	
Республика Беларусь	738671	100	495727	100	-242944	–	67,1
Витебская область	50636	6,9	36037	7,3	-14599	+0,4	71,2

Источник: собственная разработка на основе статистических данных [4].

Таблица 10 – Основные показатели деятельности организаций, осуществлявших туристическую деятельность, в Витебской области за 2015–2016 гг.

Показатели	2015 г.	2016 г.	Абс. прирост	Темп роста, %
Число организаций, осуществлявших туристическую деятельность, единиц	132	135	3	102,27
Стоимость туров, оплаченных туристами, тыс. руб.	26669,8	26999,5	329,7	101,24
В т.ч. по въездному туризму	2922,3	5346,8	2424,5	182,97
выездному туризму	22240,0	20434,2	-1805,8	91,88
внутреннему туризму	1507,5	1218,5	-289	80,83
Стоимость туров, оплаченных экскурсантами, тыс. руб.	1268,1	1400,8	132,7	110,46
В т.ч. по въездному туризму	76,9	126,9	50	165,02
выездному туризму	269,2	154,8	-114,4	57,50
внутреннему туризму	922,0	1119,1	197,1	121,38
Из общей стоимости туров по выездному туризму оплачено туристами и экскурсантами на территории Республики Беларусь, тыс. руб.	19111,0	17068,4	-2042,6	89,31
Выручка от оказания туристических услуг (за вычетом налогов и сборов, включенных в выручку), тыс. руб.	6867,6	9229,1	2361,5	134,39
Себестоимость оказанных туров, тыс. руб.	6422,1	7623,5	1201,4	118,71
Прибыль, убыток (–) от оказания туристических услуг, тыс. руб.	445,4	1605,6	1160,2	360,48
Рентабельность туров, %	+6,9	+21,06	+14,2 п.п.	–

Источник: собственная разработка на основе статистических данных [4].

Таблица 11 – Анализ состава и структуры численности организованных туристов и экскурсантов по видам туристических услуг в Витебской области за 2015–2016 гг.

Вид туризма	2015 г.			2016 г.			Отклонение по структуре, всего	Абсолютный прирост (+, -)		
	Всего		Из них туристов	Всего		Из них туристов		Всего		Из них туристов
	чел.	%		чел.	чел.			%	чел.	
Въездной туризм	25614	18,6	22236	34111	20,6	23719	2	8497	133,2	1483
Выездной туризм	50636	36,7	38514	36037	21,7	30343	-15	-14599	71,2	-8171
Внутренний туризм	61601	44,6	20354	95616	57,6	15898	13	34015	155,2	-4456
Всего	137851	100	81104	165764	100	69960	-	27913	120,3	-11144

Источник: собственная разработка на основе статистических данных [4].

Таблица 12 – Реальные располагаемые денежные доходы населения по республике, областям и г. Минску (в процентах к соответствующему периоду предыдущего года)

Показатели	2015 г.	2016 г.	Отклонение 2016 г. к 2015 г., п.п.	2017 г.
Республика Беларусь	94,1	93,1	-1	102,8
Области и г. Минск				
Брестская	92,5	92,6	0,1	103,3
Витебская	92,5	91,1	-1,4	100,7
Гомельская	92,6	91,1	-1,5	103,7
Гродненская	92,9	91,4	-1,5	101,8
г. Минск	96,0	95,2	-0,8	103,1
Минская	95,7	94,6	-1,1	104,0
Могилевская	92,7	92,3	-0,4	101,9

Источник: собственная разработка на основе статистических данных [4].

Таблица 13 – Удельный вес денежных расходов домашних хозяйств на санаторно-оздоровительные, туристические, экскурсионные услуги и услуги в области культуры и спорта в общем объеме расходов на услуги

Годы	Санаторно-оздоровительные услуги	Туристические и экскурсионные услуги	Услуги в области культуры и спорта
2012	1,1	6,3	3,2
2013	1,2	6,1	3,4
2014	0,8	5,6	3,4
2015	0,7	4,9	3,0
2016	0,9	3,0	2,9

Источник: собственная разработка на основе статистических данных [4].

Таблица 14 – Сведения о размещенных лицах в гостиницах и аналогичных средствах размещения по Витебской области за 2016–2017 гг.

Показатели	Размещено, чел.		Абс. прир.	Темп роста, %	Предоставлено койко-суток, ед.		Абс. прир.	Темп роста, %
	2016	2017			2016	2017		
Витебская область	201189	187568	–13621	–6,8	526054,0	463656,0	–62398	–11,9
в том числе:								
граждан Республики Беларусь	130462	122118	–8344	–6,4	355607,5	286939,0	–68668,5	–19,3
граждан из других государств, всего	70727	6450	–5277	–7,5	170446,5	176717,0	6270,5	103,7
в том числе:								
из стран СНГ	58353	53261	–5092	–9,0	104799,0	101376,0	–3423	–3,3
из стран вне СНГ	12374	12189	–185	–1,5	65647,5	75341,0	96935	114,8

Источник: собственная разработка на основе статистических данных [6].

Таблица 15 – Выручка, поступившая от размещения в гостиницах и аналогичных средствах размещения

Показатели	2016 г.	2017 г.	Абс. прирост	Темп роста, %
Витебская область, тыс. руб.	12372,2	12250,4	–121,8	–1,0
в том числе:				
граждан Республики Беларусь	6914,0	6546,5	–367,5	–5,3
граждан из других государств	5458,2	5703,9	245,7	104,5

Источник: собственная разработка на основе статистических данных [6].

Таким образом, в целом по Витебской области число туристических организаций за 2015–2016 гг. сократилось несущественно, т.е. наблюдается устойчивая ситуация деятельности организаций туристического бизнеса на рынке г. Витебска. Можно утверждать, что туроператорская деятельность наиболее востребована на рынке г. Витебска и Витебской области. Увеличение доли въездного туризма (экспорта туристических услуг) характеризует Витебскую область как привлекательный регион для иностранных туристов, а это способствует выполнению Государственной программы «Беларусь гостеприимная», указа Президента Республики Беларусь.

Так, за 2016 год выручка от оказания туруслуг всеми организациями в области увеличилась на 34,4%, а темпы роста себестоимости ниже (18,74%), что говорит о прибыльности туристической отрасли. Как результат, прибыль от реализации возросла в 3,6 раза, рентабельность составила 21,06% (или +14,2 п.п.).

Заключение. Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов. Для повышения конкурентоспособности туризма Витебской области и страны в целом турфирмам необходимо выявлять тенденции развития отрасли и проводить исследования в целях определения макроэкономических факторов, влияющих на спрос туристических услуг. Увеличить туристический потенциал Витебской области возможно, во-первых, за счет увеличения первичного спроса через стимулирующие программы, позиционирование турпродукта; во-вторых, посредством увеличения вторичного спроса, углубленной работы на рынке по формированию туристических и рекреационных потребностей на новые туруслуги; в-третьих, за счет создания круга постоянных клиентов и изучения оценок качества предоставленных услуг и последующей их корректировки; в-четвертых, путем усиления конкурентных позиций туристических организаций в результате расширения своей доли на рынке. Важным является обеспечение конкуренто-

способности туристических организаций региона, что становится одним из основных направлений политики в области туризма, и именно это сыграет решающую роль в улучшении привлекательности Беларуси для зарубежных туристов, что будет способствовать развитию социально-экономических условий функционирования государства.

Литература

1. The Travel & Tourism Competitiveness Index, TTCI [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/TT15/WEF_Global_Travel&Tourism_Report_2015.pdf. – Дата доступа: 04.01.2019.
2. The Global Competitiveness Report 2016-2017 FINAL.pdf. – Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TTCR_2017_web_0401.pdf. – Дата доступа: 02.01.2019.
3. Индексы WEF в сфере туризма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stattur.ru/statistics.php>. – Дата доступа: 03.01.2019.
4. Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь: стат. сб. [Электронный ресурс]. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2017. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 03.12.2018.
5. Янкевич, Е.М. Состояние и перспективы развития медицинского туризма в Республике Беларусь и Витебской области / Е.М. Янкевич // Социально-экономическое развитие организаций и регионов Беларуси: эффективность и инновации: материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 25–26 окт. 2017 г. – Витебск: УО «ВГТУ», 2017. – С. 339–342.
6. О развитии туризма, деятельности туристических организаций, коллективных средств размещения Республики Беларусь за 2017 год: стат. бюллетень / Нац. стат. комитет. – Минск, 2018. – 36 с.
7. Янкевич, Е.М. Развитие туризма в Республике Беларусь и Витебской области / Е.М. Янкевич // Актуальные вопросы современной науки и образования: материалы междунар. науч.-практ. конф., Киров, 14–17 апр. 2015 г. – Киров: Моск. фин.-юрид. ун-т МФЮА Кировский филиал, 2015. – Вып. 14, т. 1. – С. 447–451.
8. Yankevich, E.M. Evaluation of influence of advertising expenses in organizations for promotion of travel services in the market in Vitebsk / E.M. Yankevich // Education and science in the 21st century: II International scientific and practical conference. – Vitebsk, 2017. – P. 196–199.

Поступила в редакцию 09.01.2019 г.

Сравнительный анализ дезадаптационных нарушений у детей, рожденных с задержкой развития плода

Богомаз С.Л.¹, Ковалевская Т.Н.²

¹Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

²Учреждение образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет»

В статье осуществлен сравнительный анализ дезадаптационных нарушений у детей, рожденных с задержкой развития плода, на этапе дошкольного и юношеского возраста, приведена психологическая характеристика детей, что в сочетании с оценкой психосоциальных особенностей адаптационного процесса и клинико-анамнестических данных обеспечит научный базис для создания модели сопровождения процесса психосоциальной адаптации детей, рожденных с вышеобозначенной патологией, с целью снижения дезадаптационных отклонений на отдаленных этапах онтогенеза личности.

Цель научной работы – сравнительный анализ дезадаптационных нарушений у детей, рожденных с задержкой развития плода, на этапе дошкольного и юношеского возраста.

Материал и методы. Исследование проводилось на базе ГУО «Гимназия № 5 г. Витебска», ГУО «Гимназия № 9 г. Витебска», ГУО «СШ № 33 г. Витебска», УО «ВГМУ». В эксперименте приняли участие 105 детей младшего школьного возраста, 119 студентов

фармацевтического и лечебного факультетов УО «ВГМУ», 222 респондента – родители и родственники детей, рожденных с задержкой развития плода. При этом использованы следующие методы: метод возрастных срезов, анализ продуктов деятельности, метод экспертных оценок, комплексный сравнительный анализ.

Результаты и их обсуждение. Проведенные исследования позволили выявить как отсутствие различий со сверстниками в когнитивном развитии, так и тот факт, что нарушение роста и развития плода затрагивает весь комплекс адаптационных механизмов, приводя к отклонениям психосоциальной адаптации ребенка на разных этапах онтогенеза.

Заключение. Соответственно, очевидна необходимость наличия программ, основанных на использовании подхода с точки зрения полного жизненного цикла, т.е. ориентированных на решение данной проблемы на каждом возрастном этапе развития личности – от дородового периода до подросткового возраста.

Ключевые слова: психосоциальная адаптация, задержка развития плода, дезадаптация.

A Comparative Analysis of Maladjustment Disorders of Children Born with Fetal Growth Retardation

Bogomaz S.L.¹, Kovalevskaya T.N.²

¹Educational establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

²Educational establishment "Vitebsk State Order of Peoples' Friendship Medical University"

The article examines the issues of a comparative analysis of maladjustment disorders of children born with fetal growth retardation, at the stage of preschool and adolescent age; psychological characteristics of children is presented, which, combined with an assessment of the psychosocial characteristics of the adaptation process and clinical and anamnestic data, will provide a scientific basis for creating a model to accompany the process of psychosocial adaptation of children born with the above mentioned pathology in order to reduce disadaptive abnormalities at remote stages of personality ontogeny.

The purpose of this work is a comparative analysis of maladjustment disorders of children born with fetal growth retardation at the stage of preschool and adolescent age.

Material and methods. The study was conducted on the basis of Gymnasium № 5 of the City of Vitebsk, Gymnasium № 9 of the City of Vitebsk, Secondary School № 33 of the City of Vitebsk, Educational Establishment "Vitebsk State Order of Peoples' Friendship Medical University". The study involved 105 children of primary school age, 119 students of the Pharmaceutical and Medical Faculties of Vitebsk State Order of Peoples' Friendship Medical University, 222 respondents are parents and relatives of children who were born with fetal growth retardation. The following methods were used: the method of age layer analysis, analysis of the products of activity, the method of expert assessments, and a comprehensive comparative analysis.

Findings and their discussion. The research revealed both the lack of differences with peers in cognitive development and the fact that intrauterine growth restriction affects the whole complex of adaptation mechanisms, leading to deviations in the psycho-social adaptation of the child at different stages of ontogenesis.

Conclusion. Accordingly, there is an obvious need for programs based on using the approach from the point of view of the full life cycle, or focused on solving this problem at every age stage of personal development – from the prenatal period to adolescence.

Key words: psychosocial adaptation, fetal growth retardation, maladjustment.

Здоровье детей и подростков является одним из ключевых вопросов современной науки. Вместе с тем вопросы, касающиеся особенностей и описательных характеристик протекания психосоциальной адаптации у детей, рожденных с задержкой развития плода (ЗРП), недостаточно освещены в литературе. До сих пор не определены критерии оценки протекания процесса психосоциальной адаптации (ПСА) детей, рожденных с ЗРП. Отсутствуют сведения о возрастной динамике показателей отклонений психосоциальной адаптации, не выявлены прогностически значимые показатели психосоциальной адаптации детей, рожденных с ЗРП.

Предложенные прогностические критерии включают лишь факторы риска развития дезадаптации (ДА) у детей, без учета наличия ЗРП в анамнезе (Т.В. Дорожевец, Н.Я. Кушнир, Т.В. Пятеренко) [1–3]. Тактика психологического сопровождения детей с нарушениями процесса психосоциальной адаптации в настоящее время также не учитывает диагноз ЗРП (С.В. Тарасов, О.А. Терехина, Л.М. Шипицына) [4–6].

Ввиду отсутствия четких данных о характеристиках и отличительных особенностях психосоциальной адаптации детей, рожденных с ЗРП, алгоритмов прогнозирования риска развития дезадаптационных нарушений и динамики показателей данных отклонений у детей с ЗРП на различных этапах онтогенеза актуальность обозначенных аспектов не вызывает сомнений. Это в сочетании с оценкой психосоциальных особенностей адаптационного процесса и клинико-анамнестических данных обеспечит научный базис для создания модели сопровождения процесса психосоциальной адаптации детей, рожденных с данной патологией, с целью снижения дезадаптационных отклонений на отдаленных этапах онтогенеза личности [7–9].

Цель научной работы – сравнительный анализ дезадаптационных нарушений у детей, рожденных с задержкой развития плода, на этапе дошкольного и юношеского возраста.

Материал и методы. Исследование проводилось на базе ГУО «Гимназия № 5 г. Витебска»,

ГУО «Гимназия № 9 г. Витебска», ГУО «СШ № 33 г. Витебска», УО «ВГМУ».

В эксперименте приняли участие 105 детей младшего школьного возраста, из них 30 респондентов – недоношенные, рожденные соответствующими ГВ (средняя масса тела 2434 ± 426 г), 31 респондент – дети, рожденные с ЗРП (средняя масса тела 2240 ± 314 г), 44 респондента относятся к категории детей, рожденных доношенными, соответствующими ГВ (средняя масса тела 3274 ± 278 г), 119 студентов фармацевтического и лечебного факультетов УО «ВГМУ», 19 человек – дети, рожденные с ЗВУР (средняя масса тела 2412 ± 239 г), 21 человек – дети, рожденные недоношенными, соответствующими по массо-ростовым показателям ГВ (средняя масса тела 2492 ± 78 г) и 79 человек – доношенные, соответствующие ГВ (средняя масса тела 3168 ± 361 г), 168 родителей и родственников детей, рожденных с ЗРП в 1993–1995 гг., средняя масса тела детей при рождении – 2540 ± 224 г. и 54 респондента – родители и родственники детей, рожденных недоношенными, соответствующими гестационному возрасту, средняя масса тела при рождении – 2407 ± 284 г.

Для решения поставленных целей были использованы следующие методы: метод возрастных срезов, анализ продуктов деятельности, метод экспертных оценок, комплексный сравнительный анализ.

Методиками исследования являлись: методики изучения адаптации детей к школе (Т.Л. Павлова, Н.Я. Кушнир), анкета для определения гиперактивности (Д. Коннерс), диагностические критерии СДВГ по классификации DSM-IV, тест на тревожность детей 3,5–7 лет (Р. Тэмпл, М. Дорки, В. Амен), «Страхи в домиках» (М.А. Панфилова), «Диагностика детских страхов» (А.И. Захаров), методика изучения экспертных оценок (Т. Ахенбах), методика выявления и оценки коммуникативных и организационных способностей (методика «КОС-1»), клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний (К.К. Яхин, Д.М. Менделевич), многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) (А.Г. Маклаков, С.В. Чермянин).

Статистическая обработка эмпирических данных осуществлялась с применением программы Microsoft Office Excel 2007, Statistica 8.0. Для установления достоверности различий использовались непараметрические критерии: Манна-Уитни (Mann-Whitney Test), критерий Вилкоксона, точный критерий Фишера, непараметрический корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции (R) Spearman), плотность связи оценивали как низкую при значениях от 0 до $\pm 0,29$, среднюю – при значениях от $\pm 0,3$ до $\pm 0,69$, высокую – от $\pm 0,7$ до $\pm 0,99$, для анализа категориальных данных использовали Хи-квадрат по Пирсону (χ^2) Pearson Chi-square).

Результаты и их обсуждение. Интерпретация результатов проводилась ввиду специфичности типа мышления детей шестилетнего возраста. Мы опирались на то, что логическая форма мышления нетипична для них, однако является доступной для данного возрастного периода, несмотря на то, что мышление остается образным. Анализ результатов исследования проводился по следующим аспектам:

- общий уровень адаптации к школе;
- особенности академической адаптации;
- особенности психологической адаптации;
- особенности социальной адаптации.

При этом, исходя из понятия «структура психики», мы учитывали физиологическую, когнитивную, эмоциональную и социальную зрелость, т.е. отсутствие психосоматических заболеваний в период адаптации, характер уровня усвоения учебного материала, мотивационную готовность, принятие новой социальной ситуации развития, положительное эмоциональное отношение к одноклассникам, учителю, школе, пренебрежение правилами школьной жизни, наличие признаков гиперактивности и импульсивности, девиантное поведение, патохарактерологические реакции и другие, повторяющиеся, трудно корригируемые нарушения поведения [7–9].

Анализ полученных данных позволяет следующим образом описать структуру феномена ПСА детей с ЗРП младшего школьного возраста и предпосылок ее нарушения в старшем возрасте: первоклассники, рожденные с ЗРП, характеризуются наличием высоких показателей дезадаптации по сравнению с их сверстниками, рожденными недоношенными ($U=271$; $p \leq 0,01$) и доношенными ($U=359,5$; $p \leq 0,01$), соответствующими ГВ. При диагностике детей, рожденных с ЗРП, выявлены несформированность мотивационной сферы ($U=316$; $p \leq 0,01$), преобладающий игровой мотив учения и отрицательное эмоциональное отношение к новой ситуации развития ($U=325,5$; $p \leq 0,01$), высокий уровень тревожности,

страхов ($U=300$; $p \leq 0,01$) и признаков гиперактивности ($U=264$; $p \leq 0,01$), оказывающих влияние на отклонения в процессе ПСА у детей с ЗРП, низкий физиологический компонент, который характеризуется частыми простудными заболеваниями, повышенной утомляемостью ($U=335,5$; $p \leq 0,01$), что свидетельствует о низкой работоспособности и истощении. Наряду с указанным констатируется наличие отрицательной корреляционной зависимости ($R=-0,61$; $p \leq 0,01$) между массой тела (МТ) и наличием признаков гиперактивности, что свидетельствует об увеличении признаков гиперактивности по мере снижения МТ. Выявлено также наличие средней корреляционной связи между МТ и школьной ДА ($R=-0,46$; $p \leq 0,01$), наличием страхов ($R=-0,49$; $p \leq 0,01$) и уровнем тревожности ($R=-0,48$; $p \leq 0,01$), а также отрицательным эмоциональным состоянием ($R=-0,45$; $p \leq 0,01$) [7–9].

Таким образом, говоря о психологической сфере активности личности, уже с младшего школьного возраста наблюдается преобладание негативных эмоций, отрицательного отношения как ко взрослым, так и к сверстникам, а следовательно, и нарушение в социальной сфере. Дети, рожденные с ЗРП, не только испытывают внутренний дискомфорт, но и менее успешно приспосабливаются к новой социальной ситуации развития, что выражается эскапизмом, отсутствием желания изменить привычные условия, отсутствием и страхом перед необходимостью контактировать со сверстниками, что, как показывают наши исследования, наиболее выражено в юношеском возрасте. Так, происходит нарушение процесса социальной адаптации, проявляющееся в младшем школьном возрасте в виде субъективно ощущаемых трудностей в приспособлении к новым социальным условиям, а в юношеском – эскапизмом и низким уровнем развития коммуникативных способностей.

Поскольку эмоциональный компонент является одним из ведущих в процессе формирования ситуации успеха, а также оказывает существенное влияние на процесс социализации, можно предположить, что формирующееся под влиянием негативных эмоций чувство эмоционального дискомфорта, неуспешности послужило предпосылкой к увеличению уровня адаптационных расстройств в психологической и социальной сфере в возрасте 18–23 лет, таких как формирование необоснованных страхов, тревожности, трудностей в общении, и соответственно, нарушению процесса социализации в целом.

Преобладание отрицательного эмоционального фона, длительного эмоционального дискомфорта, а также преобладающего уровня переутомления и усталости, выявленных у детей,

рожденных с ЗРП, и указывающих на тот факт, что нагрузки непосильны для ребенка, в последующем приводит к ухудшению психологического здоровья личности.

Выявленное перевозбуждение служит показателем того, что дети работают на пределе своих возможностей, что приводит к истощению, в то время как среди их сверстников, рожденных соответствующими ГВ, преобладающим является оптимальный физиологический компонент. Это, в свою очередь, свидетельствует о соответствии нагрузок возможностям детей, их оптимальной работоспособности и умению восстанавливать энергозатраты. Таким образом, на фоне сохранного интеллекта, не отличающегося по показателям от респондентов, рожденных соответствующими ГВ ($p > 0,05$), у детей с ЗРП наблюдаются отклонения процесса ПСА.

Как уже говорилось выше, преобладание отрицательного эмоционального фона является предпосылкой нарушений в сфере социализации, с одной стороны, и в психологической сфере, т.е. в особенностях внутреннего мира ребенка, – с другой. Длительное воздействие отрицательных эмоций приводит к формированию страхов, которые не относятся к возрастным и оказывают влияние на развитие личности и процесс социализации в целом [7–9].

Наличие высокого уровня тревожности у первоклассников, как правило, проявляется в пассивном поведении на уроках, скованности, нежелании общаться со сверстниками, необоснованном страхе ответа у доски, отказе отвечать на поставленные вопросы, а также реакциях со стороны вегетативной нервной системы – дрожь, повышенная потливость, покраснение или бледность кожных покровов, ухудшение аппетита и сна, что, в свою очередь, оказывает негативное влияние на психологическое здоровье развивающейся личности и на процесс успешного вхождения в социум. Другой не менее важной негативной стороной наличия высокого уровня тревожности является формирование агрессивного поведения, с одной стороны, либо уход в мир фантазий – с другой, что в свою очередь нарушает формирование взаимоотношений со сверстниками, препятствует построению сети социальных контактов, не только нарушая процесс социализации в целом, но и формируя устойчивое чувство одиночества, неуверенности в собственных силах, негативного отношения к окружающему миру. Исходя из оценки отклонения процесса ПСА в различных сферах активности личности, наибольшие отклонения выявлены в социальной и психологической сфере (рисунок 1).

В результате анализа отклонений процесса ПСА по наиболее значимым сферам активности

личности установлено, что в возрасте 18–23 лет значительные отклонения выявлены в психологической сфере, что позволяет предположить наличие не только отклонений в межличностном взаимодействии, но и в профессиональном самоопределении, личностном росте, что, несомненно, является предпосылкой отклонений в психологическом здоровье [7–9].

По сравнению с младшими классами, где они только начинали испытывать трудности в общении и обучении, метод возрастных срезов обнаружил, что в различных возрастных периодах показатели дезадаптации увеличивались, усугубляя общий процесс социализации личности, приводя к закреплению патологических адаптивных механизмов, депрессиям, стрессу и нарушению психологического здоровья в целом. Так, у респондентов группы ЗРП выявлен преобладающий уровень тревожности – 68,4%, невротической депрессии – 57,9%, астении – 84,2% и вегетативных нарушений – 52,6%, которые являются показателями повышенной утомляемости, неспособности справиться с психофизическим напряжением и требованиями окружающей социальной среды ($\chi^2_{эмп} > \chi^2_{крит}$, $p \leq 0,01$). Таким образом, общий показатель дезадаптационных расстройств у детей, рожденных с ЗРП, составляет 84,2%. Также значимые различия ($\chi^2_{эмп} > \chi^2_{крит}$, $p \leq 0,01$) между группами наблюдаются и по таким показателям, как поведенческая регуляция (низкие показатели) – 84,2%, коммуникативный потенциал (низкие показатели) – 57,9% и моральная нормативность – 47,3% [7–9].

Отсутствие наличия образования и трудоустройства в юношеском возрасте может быть свидетельством нарушения психологического здоровья личности, выраженного в эскапизме (уходе от проблем), инфантильности, принятии социальной ситуации развития, отказе от попыток ее изменить и улучшить [10].

Следовательно, правомерно сделать вывод, что дети с ЗРП менее удачно справляются с нагрузками и стрессовыми факторами и более подвержены истощению функциональных возможностей нервной системы при ее перенапряжении.

Составляя группу сниженной адаптации, дети с ЗРП, характеризуются наличием трудностей в протекании процесса ПСА, низкой нервно-психической устойчивостью, конфликтностью и соответственно, невозможностью максимально раскрыть свой внутренний потенциал, самореализоваться в одной из значимых сфер жизни на данном возрастном этапе.

При этом необходимо отметить, что респонденты, рожденные доношенными и недоношенными, соответствующими ГВ, не имеют значимых

различий по указанным параметрам, в подавляющем большинстве относятся к группе хороших адаптационных способностей (рисунок 2).

Следовательно, правомерно заключение, что у детей, рожденных с гипотрофией, не происходит компенсации дезадаптационных показателей, выявленных в младшем школьном возрасте [7–9].

Таким образом, исходя из полученных данных, мы приходим к выводу, что наибольшие отклонения выявлены в психологической сфере активности личности (более 80%), также наблюдаются рост отклонений в социальной сфере активности и возрастание общего показателя дезадаптации практически в два раза по сравнению

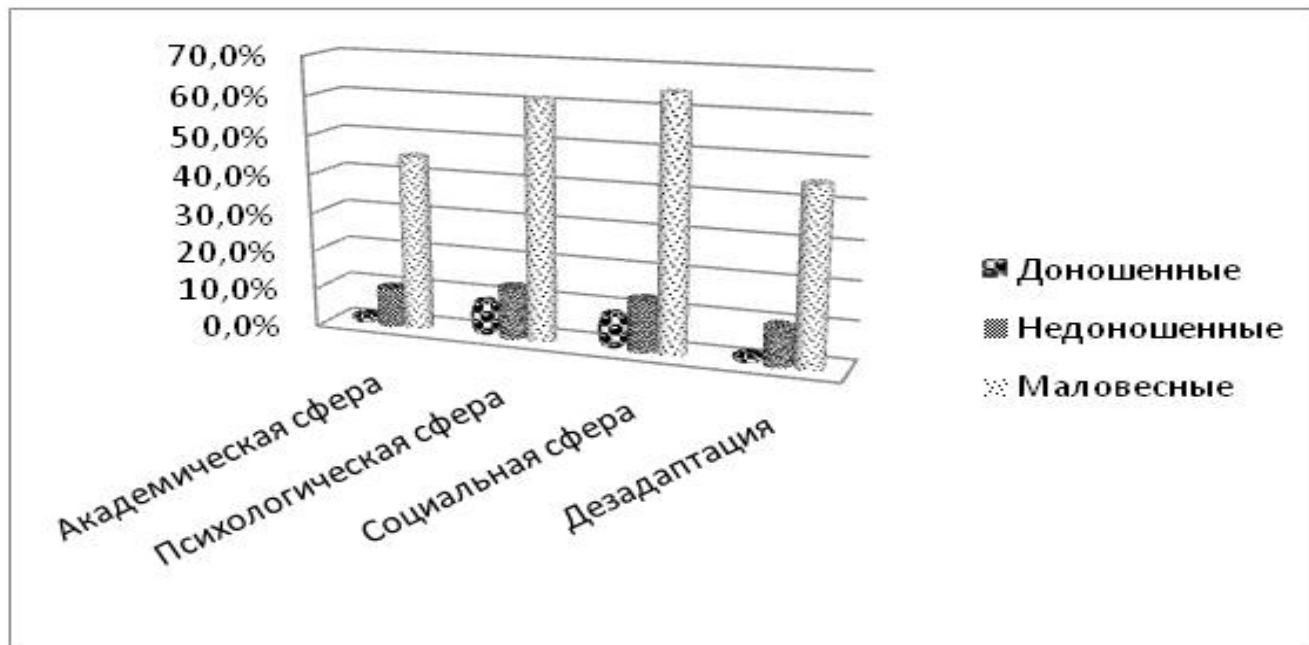

Рисунок 1 – Показатели психосоциальной адаптации у детей, рожденных с ЗРП, в возрасте 6–7 лет

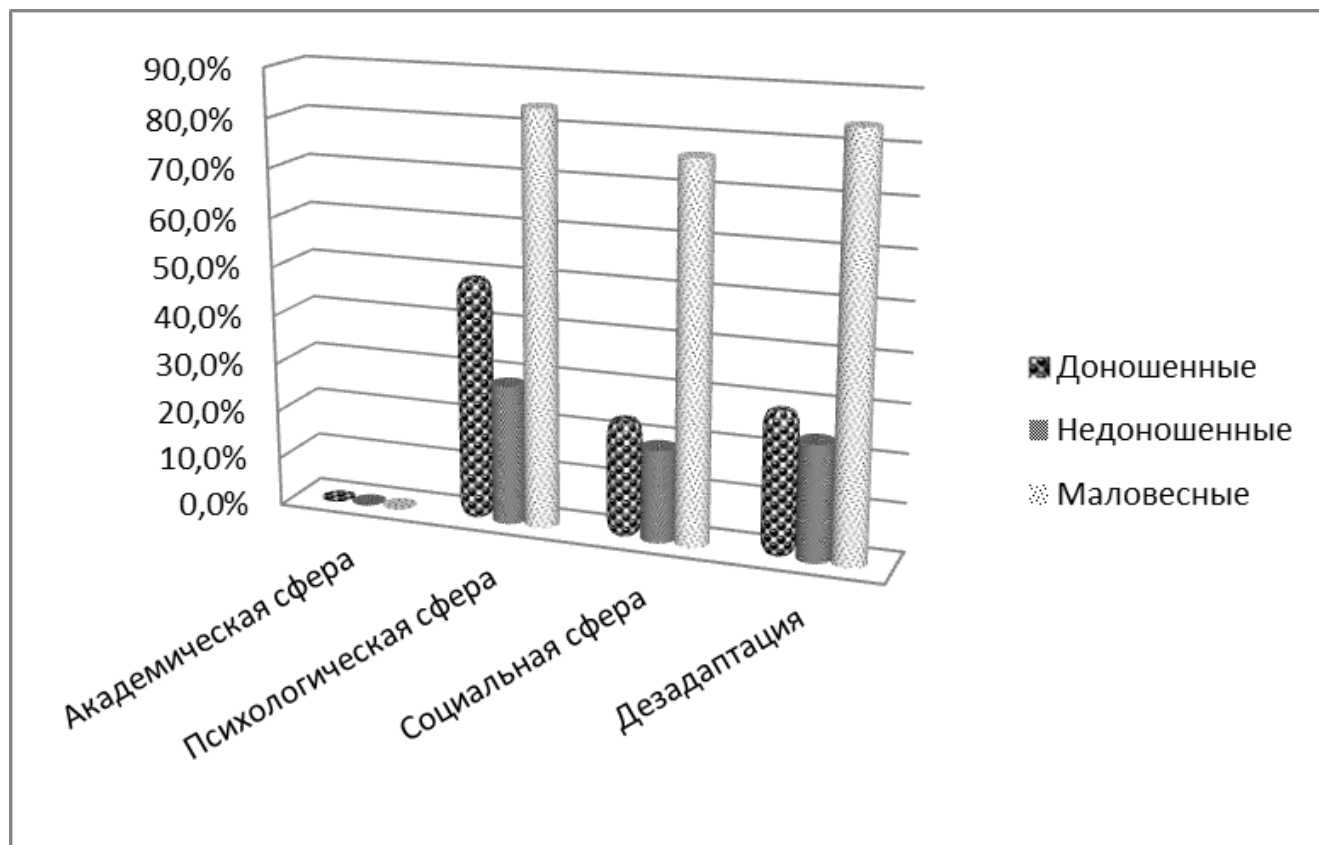

Рисунок 2 – Показатели психосоциальной адаптации у детей, рожденных с ЗРП, в возрасте 18–23 лет

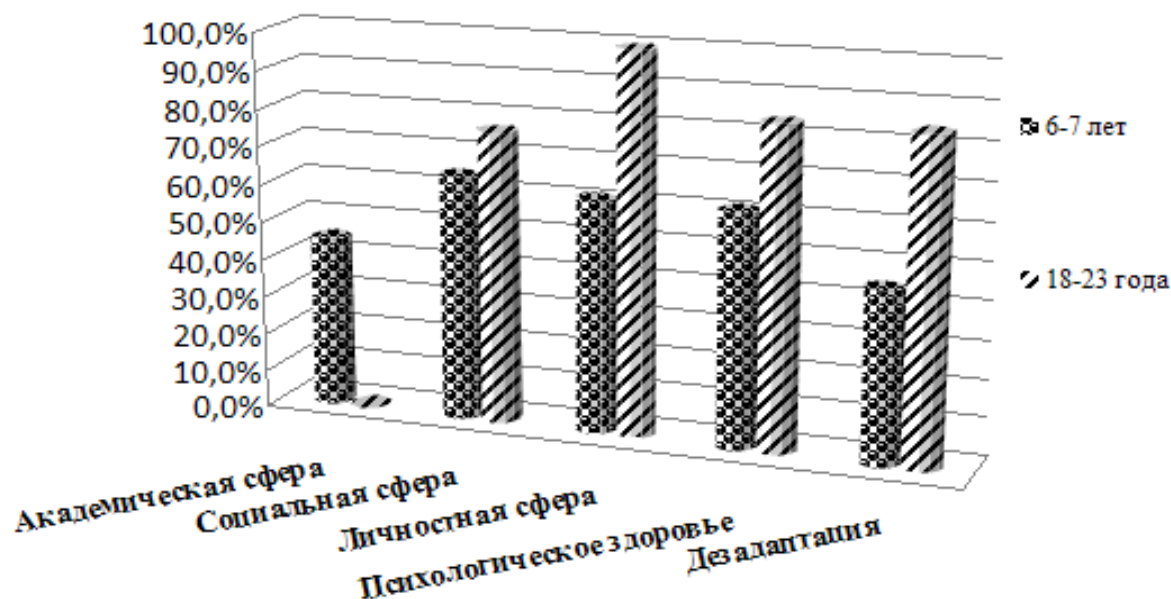

Рисунок 3 – Показатели отклонения процесса ПСА в различных сферах активности личности детей, рожденных с ЗРП, в различные возрастные периоды

с младшим школьным возрастом, что, в свою очередь, оказывает влияние на психологическое здоровье в целом (рисунок 3) [11–14].

Заключение. Проведенные исследования позволили выявить как отсутствие различий со сверстниками в когнитивном развитии, так и тот факт, что нарушение роста и развития плода затрагивает весь комплекс адаптационных механизмов, приводя к отклонениям ПСА ребенка на ранних этапах онтогенеза. Длительное состояние ДА ухудшает общий психоэмоциональный фон развития индивида, отрицательно сказываясь на отдаленных этапах формирования целостной личности.

Одним из первых симптомокомплексов является нарушение академической адаптации, проявляющееся в отставании индивидуального психического развития детей, несформированности готовности к школьному обучению, нарушению адаптации к школе, гиперактивности, тревожности и агрессии в дошкольном и младшем школьном возрасте.

Немаловажны и нарушения социальной и личностной адаптации, проявляющиеся в агрессивности или конформности в поведении ребенка, неумении отстаивать свои интересы, низкой или завышенной самооценке, тревожности, игнорировании собственных ошибок. Поэтому очевидна необходимость не только дальнейшего изучения особенностей протекания ПСА у маловесных и маленьких для гестационного возраста детей, но и поиска новых форм и методов коррекционной и развивающей работы с данной группой детей.

Соответственно, не менее важна разработка программ, основанных на использовании подхода с точки зрения полного жизненного цикла, т.е. ориентированных на решение данной проблемы на каждом возрастном этапе развития личности – от дородового периода до подросткового возраста, при наличии тесного взаимодействия работников здравоохранения и образования, с целью улучшения психосоциального развития и психического здоровья детей и подростков. Следует также отметить, что на отдаленных этапах онтогенеза не происходит компенсации адаптационных расстройств.

Литература

1. Дорожевец, Т.В. Психологические особенности школьной адаптации воспитанников детского сада: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Т.В. Дорожевец; МГПУ им. В.И. Ленина. – М., 1994. – 17 с.
2. Кушнир, Н.Я. Введение в школьную жизнь: метод. пособие / Н.Я. Кушнир, Н.Н. Максимук. – Минск: Нар. асвета, 1995. – 225 с.
3. Пяттеренко, Т.В. Медико-социальные и психологические критерии адаптации младших школьников, приступивших к обучению в школе в шестилетнем возрасте / Т.В. Пяттеренко, А.М. Давыдок // Здоровье и окружающая среда: сб. науч. тр. / Респ. науч.-практ. центр гигиены, Белорус. науч. о-во гигиенистов. – Минск: БелСАинформ; Смэлток, 2009. – Вып. 14. – С. 526–531.
4. Тарасов, С.В. Психолого-педагогическое сопровождение процессов развития ребенка в образовательной среде / С.В. Тарасов // Психолого-педагогическое сопровождение процессов развития ребенка: материалы межрег. науч.-практ. конф. / под ред. С.В. Тарасова. – СПб.: ЛОИРО, 2012. – 122 с.
5. Терехина, О.А. Здравствуй, детский сад: психолого-педагогическое сопровождение ребенка в период адаптации к дошкольному учреждению / О.А. Терехина, В.С. Богословская. – Мозырь: Белый ветер, 2006. – 91 с.

6. Шипицына, Л.М. Комплексное сопровождение детей дошкольного возраста / Л.М. Шипицына [и др.]; под ред. Л.М. Шипицыной. – СПб.: Речь, 2003. – 240 с.
7. Ковалевская, Т.Н. Школьная дезадаптация как предпосылка нарушения психологического здоровья личности у детей с синдромом задержки внутриутробного роста и развития плода / Т.Н. Ковалевская, С.Л. Богомаз // Вектор науки Тольяттин. гос. ун-та. – 2014. – № 2(17). – С. 31–33.
8. Ковалевская, Т.Н. Влияние задержки внутриутробного роста и развития плода на нарушение социально-психологической адаптации на различных этапах онтогенеза / Т.Н. Ковалевская // Вектор науки Тольяттин. гос. ун-та. – 2014. – № 4(19). – С. 78–82.
9. Ковалевская, Т.Н. Влияние задержки внутриутробного роста и развития плода на социально-психологическую адаптацию детей на различных этапах онтогенеза: монография / Т.Н. Ковалевская. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2015. – 226 с.
10. Лабунская, В.А. Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В.А. Лабунская, Ю.А. Менджерицкая, Е.Д. Бреус. – М.: Академия, 2001. – 288 с.
11. Маклаков, А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях / А.Г. Маклаков // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22, № 1. – С. 16–24.
12. Налчаджян, А.А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии) / А.А. Налчаджян. – Ереван: АН Армянской ССР, Ин-т философии и права, 1988. – 263 с.
13. Европейская стратегия «Здоровье и развитие детей и подростков» / Всемирная организация здравоохранения, 2005 г. – С. 23.
14. Promoting optimal fetal development. Report of a Technical Consultation World Health Organization. – WHO: Document Production Services, Geneva, Switzerland, 2006. – 58 p.

Поступила в редакцию 21.01.2019 г.

УДК 159.923.5:159.943(043.3)

Терминологическое поле понятия совладающего поведения

Санковская А.С.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье рассматриваются теоретические и концептуальные подходы к пониманию совладающего поведения.

Цель научной работы – операционализация содержания понятия совладающего поведения в различных психологических традициях и разработка собственной модели его структуры.

Материал и методы. Материалом настоящего исследования послужила совокупность понятий, концепций и теоретических выводов по данной проблеме. При этом нами использованы методы триангуляции, тематический анализ.

Результаты и их обсуждение. Раскрыто содержание теоретических подходов к проблеме понятия совладающего поведения и построена собственная модель его структуры. Нами предложена диспозиционно-динамическая структура совладающего поведения, где выделена и описана модель психосоматической регуляции совладающего поведения.

Заключение. Совладающее поведение имеет сложную диспозиционно-динамическую структуру и на теоретическом уровне требует определенной интеграции терминологических представлений о взаимосвязи с динамическими компонентами, такими как смысловая сфера, а также убеждение, поведение, идентичность

и приоритеты. Психология совладающего поведения находится на пороге теоретического обоснования новой интеграционной модели совладающего поведения личности, учитывающей как диспозиционные составляющие, так и социокультурные аспекты. Операционализация данных положений в конечном итоге привела к построению новых структур в изучении проблемы терминологического поля совладающего поведения.

Ключевые слова: терминологическое поле, совладающее поведение, копинг, стратегии, методология, модель.

Terminological Field of the Notion of Coping Behavior

Sankovskaya A.S.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Theoretical and conceptual approaches to the understanding of coping behavior are considered in the article.

The purpose of the work is operationalization of the content of the notion of coping behavior in various psychological traditions as well as the elaboration of the author's own model of its structure.

Material and methods. The material of the present study was a set of concepts and theoretical conclusions obtained during the study of the claimed problem. We used the following methods: triangulation, thematic analysis.

Findings and their discussion. The content of theoretical approaches to the problem of the concept of coping behavior is analyzed. The author's own model of dispositional dynamic structure of coping behavior is constructed. We propose a dispositional dynamic structure of coping behavior, where the module of "Psychosomatic regulation of coping behavior" is identified and described.

Conclusion. Coping behavior has a complex dispositional dynamic structure, and at the theoretical level it requires a certain integration of terminological concepts of the relationship with dynamic components, such as the semantic sphere, as well as belief, behavior, identity and priorities. The psychology of coping behavior is on the threshold of theoretical justification of a new integration model of coping behavior of the individual, taking into account both dispositional components and social and cultural aspects. Operationalization of these provisions eventually led to the construction of new structures in the study of the problem of the terminological field of coping behavior.

Key words: terminological field, coping behavior, coping, strategies, methodology, model.

Основное психологическое предназначение совладающего поведения состоит в том, чтобы приспособить человека к сложившейся трудной ситуации. Возникновения различного рода трудностей невозможно избежать, так как это абсолютно естественное и закономерное следствие сложного процесса взаимодействия субъекта с социальным окружением. Термин «совладающее поведение» происходит от английского «to cope», что в переводе означает «совладать», «преодолевать», «справляться». Необходимо отметить, что данное понятие в психологическом знании имеет очень важное значение, так как охватывает всю событийность повседневной жизни человека. В этой связи человеку нужно использовать обширный арсенал активных (копинг-стратегии) и пассивных (защитные механизмы) стратегий для того, чтобы, справляясь с трудностями, оставаться адаптивным и чувствовать себя комфортно [1].

Изучение способов разрешения повседневных трудностей является достаточно актуальной как жизненной, так и научной проблемой. Эффективность совладания человека с жизненными задачами, а также его индивидуальными предпочтениями в способах разрешения сложной ситуации обеспечивает уровень удовлетворенности собой, достижение разного рода результатов в определенной сфере деятельности, успешное освоение мира и гармоничное развитие как отдельной личности, так и общества в целом.

Цель статьи – операционализация содержания понятия совладающего поведения в раз-

личных психологических традициях и разработка собственной модели его структуры.

Материал и методы. Материалом настоящего исследования послужили совокупность понятий, концепций, полученных в ходе обобщения и интерпретации библиографического списка, представленного в научной библиотеке диссертаций и авторефератов РФ (www.dissercat.com) и Национальной библиотеки РБ (www.nlb.by). При этом нами использованы метод триангуляции, тематический анализ.

Результаты и их обсуждение. Психология совладающего поведения в последнее время набирает все большую популярность как направление в психологии. В психологической науке достаточно серьезные теоретические и практические результаты нашли отражение в работах зарубежных психологов (Р. Лазаруса, Н. Мак-Вильямс, С. Фолкмана). В отечественной литературе основные исследования представлены в психологических трудах Л.И. Анцыферовой, Е.П. Белинской, Р.М. Грановской, Е.Р. Исаевой, Т.Л. Крюковой, А.Б. Леонова, С.И. Малаховой, С.К. Нартовой-Бочавер, И.М. Никольской, С.А. Хазовой, В.М. Ялтонского.

В современных социокультурных реалиях стрессовые реакции, вызывающие всевозможные сбои функционирования нервной деятельности, стали достаточно частым явлением личностного функционирования. Практикующие психологи, сталкивающиеся с различными стрессовыми реакциями, достаточно комплексно понимают разные аспекты совладающего поведения. Это позволяет

выработать основные компоненты копинг-профилактики, которые являются ключевыми частями программ формирования здорового жизненного стиля для разных возрастных групп, категорий населения и общества в целом.

Феноменология совладающего поведения весьма широко представлена в отечественной психологии [1–3]. По мнению Т.Л. Крюковой, совладающее поведение понимается как специфическое социальное поведение, направленное на достижение продуктивности, здоровья, социально-психологического благополучия человека. Одним из самых важнейших направлений исследования совладающего поведения является изучение копинг-ресурсов, которые представлены в виде социальной среды, а также условий жизнедеятельности и возможностей личности совладать в сложной жизненной ситуации. Также автор в своих трудах представляла совладающее поведение как *отличительную особенность целенаправленного сознательного поведения*, проявляющуюся через осознание человека, его стратегических действий, и рассматривала его как отдельные элементы сознательного социального поведения, с помощью которых человек справляется с различными жизненными трудностями [3].

Анализ показал, что в современной психологической науке ярко выражены следующие направления в теоретико-методологическом обосновании совладающего поведения:

1) психоаналитическое направление раскрывало копинг-поведение в контексте психологических защит, основной функцией которых является стабилизация внутреннего психического напряжения. В частности, Н. Мак-Вильямс утверждала, что в условиях стресса личность регрессирует до копинг-стратегий, характерных для так называемой точки «фиксации», т.е. до моделей совладающего поведения, характерного для более ранних стадий развития (Н. Мак-Вильямс) [4];

2) диспозиционное направление, где под совладанием понималось устойчивое личностное образование, обуславливающее реакцию на стрессовое событие (Л. Мерфи, Т.Л. Крюкова) [3];

3) транзакционное направление, в котором совладание трактовалось как процесс, при этом акцентировалась его специфичность в отношении конкретных ситуаций (Р. Лазарус, С. Фолкман) [5].

Авторы рассматривали феномен совладающего поведения как тенденциозный и динамический процесс психики, который способен устранять проблемы с целью будущей оптимизации эмоционального состояния личности. Понятие «копинг» ученые определяли как «своеобразный процесс решения проблем, предпринимаемый

индивидом для оптимизации своего психологического состояния и адаптации к окружающей среде». Также С. Фолкман отмечал, что копинг-поведение определяется субъективностью переживания той или иной ситуации, выдвигая тем самым концепцию соответствия когнитивной оценки.

Основные положения концепции соответствия когнитивной оценки совладания подчеркивают *важность проблемно-ориентированного совладания* как наиболее адаптивного эффективного в тех ситуациях, в которых личность способна контролировать те или иные события [6]. Совладающее поведение, имеющее природу сугубо эмоциональную, эффективно для менее контролируемых ситуаций. Выбор специфики совладающего поведения зависит от индивидуальных особенностей человека воспринимать определенную ситуацию. Так, например, в ситуациях, которые трудно поддаются контролю для совладания с ними, используются *копинг-стратегии, ориентированные на эмоции*, а в случаях, когда ситуация достаточно легко поддается контролю, – *копинг-стратегии, имеющие проблемно-ориентированный характер*. Подтверждением данных примеров послужили исследования многих ученых, которыми была установлена взаимосвязь совладающего поведения с индивидуально-психологическими особенностями личности. В данном контексте очень интересны труды, определяющие взаимосвязь интеллектуальной сферы личности и совладающего поведения. Например, И.М. Никольская и Р.М. Грановская в своих работах определяли, что дети младшего школьного возраста с низким уровнем интеллекта чаще используют социально неодобряемые стратегии аффективного характера [7]. Исследования С.А. Хазовой, наоборот, указывали на то, что дети и взрослые, обладающие высоким уровнем интеллектуального развития, применяют более широкий арсенал копинг-стратегий, что и в большинстве случаев приводит к успешному результату при совладании со стрессовой ситуацией [8]. Позволим себе отметить, что для данной концепции также характерны *функции проблемно-ориентированного совладания*, которые более адаптивно и эффективно проявляются в контролируемых ситуациях и тем самым имеют больше возможностей к изменению обстоятельств. Если говорить о *функции совладания, которая ориентирована на эмоции*, то она, в свою очередь, будет более полезна в менее контролируемых ситуациях, так как предусматривает меньше возможностей для изменения обстоятельств. Возможность функционирования совладающего поведения в стрессовой ситуации будет снижаться в том случае, если отмечается несоответствие когнитивной оценки и совладания. Един-

ственный выход в этой ситуации – это выбор стратегии совладания, ориентированный на решение проблемы, а именно: способность контролировать поставленную задачу, а также оценивание своих возможностей для преодоления сложной стрессовой ситуации. Для развития данной концепции в практике мы попытались провести психологический анализ, используя метод наблюдения за детьми подросткового возраста, получающими программный гемодиализ. Исследование показало, что выбор проблемно-ориентированного совладания в сложных жизненных ситуациях во время проведения программного диализа у детей подросткового возраста оценивался как не поддающийся его контролю, т.е. способствовал более низкому уровню положительного отношения, назначенному врачом лечению и соблюдению врачебных рекомендаций. Однако наблюдалась наиболее положительная динамика воспринимать, используя копинг-стратегии, ориентированные на эмоции, при условии, что процесс проведения сеанса курирует врач и происходит эмоциональное взаимодействие между детьми и медицинским персоналом (проявление эмпатии и рефлексии). Таким образом, детям сложнее соблюдать рекомендации врача, ориентируясь на саму проблему, его специфику и сложности, но эмоционально легче, когда сам врач контролирует процесс лечения и происходит эмоциональное взаимодействие. Выводом данного исследования является то, что практико-ориентированным основанием этой концепции выступает потребность в более обширном изучении различных механизмов совладающего поведения, а также оценки эффективности совладающего поведения в сложных жизненных ситуациях.

Таким образом, концепция соответствия когнитивной оценки совладания является одной из ключевых, доказывающих влияние на совладающее поведение личности. По нашему мнению, именно когнитивная сфера выступает основным предиктором выбора типологии совладающего поведения, а первичная когнитивная оценка способна варьировать ее специфику. Учитывая данные аспекты, мы можем выстраивать методологию развития совладающего поведения в виде следующих моделей [2].

Модель цели и совладания со стрессом представлена в актуализации базисного значения целей как одного из основных феноменов, претерпевающих наибольшие изменения в течение стрессовых событий. Успешное совладающее поведение зависит в основном от способности личности феноменологически обходиться с актуальными целями, т.е. при необходимости отбросить и пересмотреть их или генерировать новые цели, которые по своей природе будут наиболее акту-

альными, значимыми и фундаментальными [2].

Таким образом, процесс совладания по своей природе динамичен; в результате его происходит удивительный и недостаточно изученный процесс трансформации смысловой сферы личности. По нашему мнению, данная модель еще ждет своих исследователей, особенно в динамике смысловой сферы и ее влияния на совладающее поведение личности.

Рассматривая модель посттравматического роста, следует исходить из понятия «кризис», который в психологии трактуется как ситуация, создающая препятствия к реализации внутренних мотивов, потребностей и целей, аргументируемая определенными объективными (культурный, экономический уровень общества, условия работы, получения образования и т.д.) и субъективными (состояние организма, интерес, мотивация, особенности темперамента, поведения и т.д.) факторами и условиями. Человек, привыкая к конкретным (традиционным для него) формам жизнедеятельности, испытывает кризисное состояние, которое его лишает привычного стиля жизни, но важно отметить, что данное состояние может вносить и положительный результат – это переосмысление и понимание сути и ценности жизни, взгляда на себя «из прошлого в настоящее» [9].

Ряд представителей данной концепции (Л.И. Анцыферова, Ф.В. Бассин, А.А. Бодалев, Л.И. Вассерман, И.А. Горьковая, Е.Е. Ромицына) выделили позитивные последствия вызванных кризисных событий: укрепление социальных ресурсов (улучшение отношений с друзьями и родными); укрепление индивидуальных ресурсов; развитие навыков совладания. В данной концепции огромное значение придается кризисному событию как одному из главнейших факторов личностного роста и развития. Некоторые авторы (Л.И. Анцыферова, А.А. Бодалев), выделяли эволюционное отрицательное совладание и эволюционное положительное. По результатам исследований Л.И. Анцыферовой и А.А. Бодалева было определено, что в эволюционной типологии совладающего поведения может быть как низкий, так и высокий уровень функционирования личности.

Модель посттравматического роста постулировала определенную трансформацию во всех спектрах личностного бытия: убеждения, поведение, идентичность, приоритеты, а также развитие позитивных изменений, в которых участвуют не только копинг-стратегии, но и механизмы психологической защиты, способствующие наиболее глубинному изменению личности.

Психологи подчеркивают взаимосвязь совладающего поведения с индивидуально-психологическими особенностями личности. П.Т. Ко-

ста, Р.Р. Маккраэ, М.Р. Сомерфелд, Г.Л. Флетт, П.Л. Хьюитт отмечали влияние таких личностных черт, как оптимизм, негативная аффективность, враждебность, нейротизм, локус контроля [10]. В. Конвей и Д. Терри в соавторстве с К. Вланкстэйн обнаружили, что выбор копинг-стратегий коррелирует с самооценкой, самопринятием, самоконтролем и тревожностью, т.е. разнообразием личностных характеристик, которые, по нашему мнению, позволяют определить восприятие к требованиям в сложившихся ситуациях, таких как стрессовые [11].

Необходимо отметить, что исследования, посвященные трактовке и обоснованию совладающего поведения, имеют масштабную связь с различными отраслями социальных, поведенческих наук, медициной, психологией семьи и семейных отношений, т.е. теми сферами, где наблюдается поиск способов совладания в сложных жизненных обстоятельствах. Таким образом, опираясь на совокупность научных исследований, В.М. Ялтонский в своей статье «Современные теоретические подходы к исследованию совладающего поведения» выделил модель двойного процесса в совладающем поведении [12]. Данная модель опирается на то, что совладающее поведение включает в себя реакции не только непосредственно в ответ на ситуацию напряжения, но также и на процессы, которые способны регулировать. Регулирование какого-либо процесса отражает произвольные и преднамеренные усилия по мобилизации физиологических реакций [13]. Основы модели двойного процесса в совладающем поведении мы использовали для дальнейшего исследования детей подросткового возраста, находящихся на программном диализе. Как мы говорили выше, дети более привержены к лечебному процессу, когда этим процессом руководит врач, во время сеанса диализа, и ребенок

менее привержен к дальнейшим рекомендациям врача, когда находится в обычной среде (вне диализа), однако в ходе наблюдения было выявлено, что для успешного поддержания физического здоровья человека, находящегося на гемодиализе, необходимо строго соблюдать медицинские рекомендации для благополучного состояния физического здоровья, а также успешной адаптации и формирования образа жизни ребенка, получающего диализную терапию. Данное исследование стало толчком для формирования новой модели – психосоматической регуляции совладающего поведения для категории детей, находящихся в сложных жизненных условиях, в нашем случае это программный гемодиализ. В основе данной модели лежат все вышеизученные модели в контексте концепции соответствия когнитивной оценки, однако данную модель отличают от всех тем, что она проявляется, в частности, в сложных условиях жизнедеятельности человека как своеобразный «регулятор» копинга адаптации человека в нормализующее русло жизни.

Таким образом, мы пришли к выводу, что человек, осознанно оценивая эффективность своего совладания в сложных жизненных ситуациях, стремится использовать копинг-стратегии для мобилизации психологического и в последующем физиологического благополучия с целью сформировать свой «образ жизни», для данного конкретного случая как влияние программного гемодиализа на детей подросткового возраста, взятого для примера рассмотрения теоретических подходов совладающего поведения. Хочется отметить, что совладающее поведение дифференцируется с точки зрения эффективности совладания. Поэтому и оценивать, насколько выбранный копинг эффективен, необходимо только при его полном завершении, учитывая условие, если стрессовая ситуация для индивида становится весьма не-

Рисунок – Диспозиционно-динамическая структура совладающего поведения

значительной как раздражитель. Таким образом, у индивида освобождается «внутренняя» энергия, что выражается в снижении уровня тревожности, раздражительности, психосоматической симптоматики, появляется новая возможность для решения новых поставленных задач, что ведет к полному психологическому благополучию человека [8; 13–15]. Опираясь на теоретическую основу нашего исследования и проведя методологический анализ совладающего поведения в различных психологических традициях, мы смогли построить диспозиционно-динамическую структуру (рисунок).

Данная структура включает в себя комплекс направлений (психоаналитическое, транзакционное, диспозиционное), концепцию соответствия когнитивной оценки, а также модели, которые были рассмотрены ранее психологами (Р.М. Грановская, Т.Л. Крюкова, И.М. Никольская, В.М. Ялтонский и др.). Среди моделей мы смогли обозначить и свой вариант – модель психосоматической регуляции совладающего поведения, согласно которой физическое состояние человека неразрывно связано с психологическим. Регулирование положительной динамики совладающего поведения зависит от улучшения здоровья человека в различных болезненных состояниях.

Заключение. Таким образом, можно отметить, что совладающее поведение имеет сложную диспозиционно-динамическую структуру, и на теоретическом уровне требует определенной интеграции терминологических представлений о взаимосвязи с динамическими компонентами, такими как смысловая сфера, а также убеждение, поведение, идентичность и приоритеты. Психология совладающего поведения находится на пороге теоретического обоснования новой интеграционной модели совладающего поведения личности, учитывающей как диспозиционные составляющие, так и социокультурные аспекты. Операционализация данных положений в конечном итоге привела к построению новых структур в изучении проблемы терминологического поля совладающего поведения. Предложенная нами

диспозиционно-динамическая структура совладающего поведения, где был выделен модуль психосоматической регуляции, послужила одной из альтернатив попытки решения этой проблемы.

Литература

1. Дворак, В.Н. Формирование продуктивного копинг-поведения у студентов / В.Н. Дворак, С.А. Станбула // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2015. – № 2(89). – С. 23–28.
2. Анцыферова, Л.И. К психологии личности как развивающейся системы / Л.И. Анцыферова // Психология формирования и развития личности. – М., 1981. – С. 3–19.
3. Крюкова, Т.Л. Человек как субъект совладающего поведения / Т.Л. Крюкова // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29, № 2. – С. 88–95.
4. Мак-Вильямс, Н. Психоаналитическая диагностика: понимание структуры личности в клиническом процессе / Н. Мак-Вильямс. – СПб.: Класс, 2003.
5. Лазарус, Р. Теория стресса и психофизиологические исследования / Р. Лазарус // Эмоциональный стресс. – Л.: Медицина, 1970.
6. Stroebe, M. The dual process model of coping with bereavement: rationale and description / M. Stroebe, H. Schut // Death Stud. – 1999. – Vol. 23. – P. 197–224.
7. Грановская, Р.М. Защита личности: психологические механизмы / Р.М. Грановская, И.М. Никольская. – СПб.: Знание, 1999. – 352 с.
8. Хазова, С.А. Роль когнитивных факторов в совладании с жизненными трудностями: дис. ... канд. психол. наук / С.А. Хазова. – М., 2008. – Л. 274–288.
9. Дубровина, И.В. Психологические программы развития личности в подростковом и старшем школьном возрасте / И.В. Дубровина. – Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
10. Лебединский, В.В. Нарушения психического развития у детей / В.В. Лебединский. – М.: Изд-во МГУ, 1985.
11. Никольская, И.М. Психологическая защита у детей / И.М. Никольская, Р.М. Грановская. – СПб.: Речь, 2006. – 352 с.
12. Park, C. Appraisals of controllability and coping in caregivers and HIV+men: Testing the goodness-of-fit hypothesis / C. Park, S. Folkman, A. Bostrom // Journal of Consulting and Clinical Psychology. – 2001. – P. 481–488.
13. Ялтонский, В.М. Современные теоретические подходы к исследованию совладающего поведения [Электронный ресурс] / В.М. Ялтонский // Медицинская психология в России. – 2010. – № 1. – Режим доступа: [http:// medpsy.ru](http://medpsy.ru). – Дата доступа: 27.09.2018.
14. Санковская, А.С. Психологическая помощь до и после трансплантации органа (почки) / А.С. Санковская // Весн. Магілеўс. дзярж. ун-та імя А.А. Куляшова. Сер. С, Псіхалага-педагагічныя навукі (Педагогіка. Псіхалогія. Методыка). – 2018. – С. 109–117.
15. Фрейд, А. Психология «Я» и защитные механизмы: пер. с англ. [текст] / А. Фрейд. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 443 с.

Поступила в редакцию 23.01.2019 г.

Сравнительный анализ психологических факторов профессионального здоровья руководителей образовательных и коммерческих организаций

Шингаев С.М.

Государственное бюджетное учреждение дополнительного профессионального образования
«Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования» (Россия)

Управленческая деятельность требует профессионального здоровья руководителя, поскольку характер его труда предъявляет повышенные требования к физическим и психоэмоциональным аспектам здоровья.

Цель работы – провести сравнительный анализ психологических факторов профессионального здоровья руководителей образовательных и коммерческих организаций.

Материал и методы. В исследовании приняли участие 237 руководителей образовательных организаций (РОО) и 801 руководитель коммерческих организаций (РКО) высшего и среднего звена. Для изучения психологических факторов профессионального здоровья руководителей использовались: модифицированная методика М. Рокича «Система ценностей-целей и уровень их реализованности», шкала диагностики поведения типа А С.Д. Положенцева, Д.А. Руднева, опросник SACS С. Хобфолла, авторская методика «Способы снятия стресса».

Результаты и их обсуждение. РКО, в отличие от РОО, признают наиболее важными ценности «Активная деятельная жизнь» и «Материально обеспеченная жизнь». И те, и другие на первое место поставили ценность «Здоровье», на второе и третье – «Любовь» и «Счастливая семейная жизнь».

Среди РКО преобладают профессионалы с поведением типа А (60%), характеризующиеся высоким уровнем энергичности, вовлеченности в работу, соревновательности, амбициозности, среди РОО преобладают люди типа В (70%), которых отличает значимо меньший уровень амбициозности, энергичности, соревновательности.

Менеджеры в сравнении с педагогами менее ориентируются в стрессовых ситуациях на поиск социальной поддержки, избегание, импульсивные действия, осторожные действия. Педагоги чаще всего используют копинг-стратегии «Поиск социальной поддержки», «Избегание», «Импульсивные действия».

Заключение. Сравнительный анализ особенностей профессионального здоровья руководителей различных организаций (образовательных и коммерческих) позволяет утверждать, что специфика профессиональной деятельности накладывает существенный отпечаток на их здоровье.

Ключевые слова: профессиональное здоровье, стресс, копинг-стратегии, ценности.

Comparative Analysis of Psychological Factors of the Professional Health of Heads of Educational and Commercial Establishment

Shingaev S.M.

State Budget Establishment of Additional Professional Education
“St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education”

Management activities require professional health of the manager, because the nature of their work makes increased demands on the physical and psycho-emotional aspects of health.

The aim of the work is to conduct a comparative analysis of psychological factors of the professional health of heads of educational and commercial establishments.

Material and methods. The study involved 237 heads of educational establishments (HEE) and 801 heads of commercial companies (HCC) of senior and middle management. To study the psychological factors of the occupational health managers we used: a modified M. Rokich's method "System of values, goals and their achievement", the diagnosis behavior scale of the type of A by S.D. Polozhentsev, D.A. Rudnev, the SACS questionnaire by Hobfoll, the author's method "Ways of stress relief".

Findings and their discussion. HCC unlike HEE values "Active life" and "Material provided life" more. Both of them put the value of "Health" in the first place, the values of "Love" and "Happy family life" in the second and third places.

Professionals with the behavior type A (60%) prevail among the HCC, and are characterized by a high level of energy, involvement in work, competitiveness, ambition, people of B type (70%), which are characterized by a significantly lower level of ambition, energy, competition prevail in HEE.

Managers in comparison with teachers are less focused in stressful situations on the search for social support, avoidance, impulsive actions, and cautious actions. Teachers more often use coping strategies "Search for social support", "Avoidance", "Impulsive actions".

Conclusion. Comparative analysis of the features of the professional health of managers of various establishments (educational and commercial) suggests that the specificity of professional activity has a significant impact on their health.

Key words: professional health, stress, coping strategies, values.

С конца XX – начала XXI века в психологической науке идет процесс формирования нового научного направления – психологии профессионального здоровья. Собственно сам термин «психология профессионального здоровья» (occupational health psychology) мы впервые встречаем в статье Дж. Эверли (1986 г.). В этот же период появляются и другие печатные работы, напрямую связанные с феноменом профессионального здоровья [1]. С 1990 г. по инициативе Дж. Рэймонда указанная дефиниция стала использоваться для обозначения раздела организационной психологии, рассматривающего различные аспекты проблем здоровья работающих людей. Начиная с последнего десятилетия минувшего века в США стал регулярно издаваться Journal of Occupational Health Psychology, публикующий статьи по вопросам безопасности на производстве, сохранения здоровья и благополучия работников, улучшения качества их работы. Отметим, что журнал в основном сосредотачивает свое внимание на трех ключевых направлениях: рабочая среда, человек и поиск баланса между работой и семьей. При этом главная доминанта статей – профилактика профессионального здоровья [2].

Начиная с 2006 г. European Academy of Occupational Health Psychology, ЕАОНП (Европейская академия психологии профессионального здоровья) приступила к выпуску серии книг «Психология профессионального здоровья: европейские взгляды на исследование, практику и образование», а в 2010 г. издан первый в Великобритании учебник для студентов «Психология профессионального здоровья» (Occupational Health Psychology), авторами которого были S. Leka, J. Houdmont. В издании раскрываются следующие темы: производственные стрессы, психосоциальная рабочая среда, позитивная психология и психологическое благополучие работников, психосоциальный риск-менеджмент, дизайн рабочего пространства, организационные методы исследования, вопросы взаимосвязи корпоративной культуры и здоровья. Позднее указанные ав-

торы выпустили книгу «Современная психология профессионального здоровья: глобальные взгляды на исследование, образование и практику» [3].

Проведенный нами анализ сложившихся подходов к рассмотрению проблем психологии профессионального здоровья в западной (прежде всего, европейской и американской) науке показывает, что к настоящему времени существует два основных направления: 1) stress management; 2) health management. Этим проблемам посвящены научные публикации, исследования, издаются монографии и учебники.

Говоря о перспективах развития психологии профессионального здоровья в западной науке, М. Macik-Frey, J. Quick, D. Nelson делают акцент на таких вопросах, как позитивная психология профессионального здоровья; изучение влияния новых форм лидерства на здоровье сотрудников; исследование роли эмоций в сохранении профессионального здоровья; разработка, реализация и оценка эффективности развивающих программ в организациях [4].

В российской научной среде проблема профессионального здоровья также привлекает к себе все большее внимание специалистов (Р.А. Березовская [5], Г.Г. Вербина [6], Г.А. Макалов [7], Л.М. Митина [8], Г.С. Никифоров [9], В.А. Пономаренко [10], С.М. Шингаев [11; 12] и др.). Содержание этой новой области знания уже нашло отражение в коллективных и авторских монографиях, учебниках, учебных пособиях, в которых обсуждаются теоретические, методологические и практические вопросы, входящие в сферу научных интересов этого направления.

В общем круге проблем изучаемого нами научного направления считаем целесообразным рассмотреть понятия «профессиональное здоровье руководителя». Управленческая деятельность требует профессионального здоровья руководителя, поскольку характер управленческого труда относится к тем видам профессиональной деятельности, которые предъявляют повышенные требования к физическим и психоэмоциональным аспектам здоровья работающих. Руко-

водителю приходится испытывать социальные, психологические, физические, профессиональные нагрузки, возникающие в организационной деятельности и профессиональном развитии. Сама по себе руководящая деятельность требует навыков использования ресурсов, инициирующих возможность управления профессиональным здоровьем, готовности действовать в сложных для здоровья ситуациях, гибко реагировать в изменяющихся условиях труда.

Изучая проблему профессионального здоровья руководителей, вполне обоснованным выглядит системный подход, позволяющий проанализировать всю совокупность феноменов, касающихся этой важной и сложной темы. На наш взгляд, методологической базой исследования может выступать концепция психологического обеспечения профессионального здоровья, разработанная автором статьи [12]. При этом предлагается рассматривать профессиональное здоровье не только как отсутствие профессиональных болезней или травм, но и как полное физическое, психическое и социальное благополучие человека в условиях выполняемой им деятельности [13].

Мы трактуем психологические факторы профессионального здоровья как трехэлементную структуру, объединяющую когнитивный, эмоциональный и поведенческий модули. При этом к ним относятся: стресс-факторы профессиональной деятельности (как проявления внешней среды, в которой протекает деятельность человека) и индивидуально-психологические особенности личности профессионала (как проявления внутренней среды, детерминирующей когнитивный, эмоциональный и поведенческий модули). Предлагаемая структура психологических факторов профессионального здоровья, по нашему убеждению, позволяет охватить все многообразие психологических детерминант здоровья в профессиональной деятельности и используется нами при проведении эмпирического исследования профессионального здоровья руководителей.

Цель работы – провести сравнительный анализ психологических факторов профессионального здоровья руководителей образовательных и коммерческих организаций.

Материал и методы. В течение семнадцати лет (2002–2018 гг.) нами проводятся эмпирические исследования, связанные с изучением психологических аспектов профессионального здоровья руководителей, менеджеров, педагогов на разных этапах их профессионального пути, разработкой и реализацией программ психологического обеспечения профессионального здоровья.

Группа респондентов-руководителей образовательных организаций (школы и центры психолого-педагогического медико-социального сопровождения) насчитывала 237 человек, в том числе 7% – мужчин, 93% – женщин. Большая часть руководителей в возрасте от 46 до 55 лет (39%) и от 36 до 45 лет (30%), каждый пятый – старше 56 лет, каждый десятый – в возрасте от 26 до 35 лет. По семейному положению: 66% замужем (женаты), 20% – разведены, 14% – холосты. 99% имеют высшее образование. У 74% руководителей трудовой стаж насчитывает более 21 года, у 12% – от 16 до 20 лет. 82% имеют высшую квалификационную категорию. 87% работают в ГБОУ.

Группа респондентов-руководителей коммерческих организаций высшего и среднего звена насчитывала 801 человека, в том числе 42% – мужчин, 58% – женщин. Отметим, что процент мужчин-руководителей в бизнесе значительно выше, чем в системе образования. Средний возраст – 34 года, что ниже, чем у руководителей образовательных организаций. По семейному положению: 78% замужем (женаты), 10% – разведены, 12% – холосты. 99% имеют высшее образование.

Для исследования психологических факторов профессионального здоровья руководителей использовались психодиагностические методики, предназначенные для изучения когнитивного, поведенческого и эмоционального компонентов здоровья: модифицированная методика М. Рокича «Система ценностей-целей и уровень их реализованности», шкала диагностики поведения типа А С.Д. Положенцева, Д.А. Руднева, опросник Strategies of Coping with Stress Situations (SACS) С. Хобфолла «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций», авторская методика «Способы снятия стресса».

Результаты и их обсуждение. При исследовании здоровья в системе ценностей руководителей различных организаций мы использовали модифицированную методику М. Рокича «Система ценностей-целей и уровень их реализованности», получены следующие результаты (таблица 1). Руководители коммерческих организаций, в отличие от руководителей образовательных организаций, признают наиболее важными ценности «Активная деятельная жизнь» и «Материально обеспеченная жизнь», одновременно для них менее значима ценность «Познание». И те, и другие на первое поставили ценность «Здоровье», что свидетельствует о наличии представления о том, что здоровье – непреходящая, общечеловеческая ценность, не зависящая от профессиональной принадлежности. На втором и третьем местах – ценности «Любовь» и «Счастливая семейная жизнь».

Примечательно, что и у менеджеров (РКО), и у педагогов (РОО) на сходных местах распола-

гаются такие ценности, как «Счастливая семейная жизнь», «Любовь», «Общественное признание», «Продуктивная жизнь». Отметим, что для педагогов весьма важны ценности «Уверенность в себе», «Свобода от внутренних противоречий».

Специфика профессионального здоровья РКО и РОО обусловлена особенностями их профессиональной деятельности и проявляется на поведенческом уровне. Проведенный сравнительный анализ типов поведения менеджеров и педагогов (по шкале диагностики поведения личности типа А С.Д. Положенцева, Д.А. Руднева) представлен в таблице 2.

Если среди РКО преобладают профессионалы с поведением типа А (60%), отличающиеся высоким уровнем энергичности, вовлеченности в работу, соревновательности, амбициозности,

действующие под давлением фактора времени, то среди педагогических работников преобладают люди типа В (70%), которых характеризует значимо меньший уровень амбициозности, энергичности, соревновательности.

В группе менеджеров (РКО) выше показатели по всем шкалам, чем в группе педагогов (РОО), особенно – по шкалам «Амбициозность», «Соревновательность», «Нетерпеливость» (рисунок 1).

Обнаружены различия в **стратегиях и способах преодоления стрессовых ситуаций**. Так, РКО в сравнении с РОО менее ориентируются в стрессовых ситуациях на поиск социальной поддержки, избегание, импульсивные действия, осторожные действия (рисунок 2). Педагоги чаще всего используют копинг-стратегии «Поиск социальной поддержки», «Избегание», «Импульсивные действия».

Таблица 1 – Сравнительный анализ ранжирования системы ценностей руководителей различных организаций

Ценности	Руководители коммерческих организаций (РКО)	Руководители образовательных организаций (РОО)
Активная деятельная жизнь	6	11
Жизненная мудрость	11	6
Здоровье (физическое и психическое)	1	1
Интересная работа	4	5
Красота природы и искусства	18	15
Любовь	3	2
Материально обеспеченная жизнь	5	7
Наличие друзей	7	9
Общественное признание	15	16
Познание	12	8
Продуктивная жизнь	13	13
Развитие	9	10
Свобода от внутренних противоречий	10	12
Счастливая семейная жизнь	2	3
Счастье других	17	17
Возможность сделать профессиональную карьеру	14	18
Творчество	16	14
Уверенность в себе	8	4

Таблица 2 – Сравнительный анализ типов поведения руководителей различных организаций

Тип поведения	РКО	РОО
А	60%	13%
В	37%	70%
АВ	3%	17%

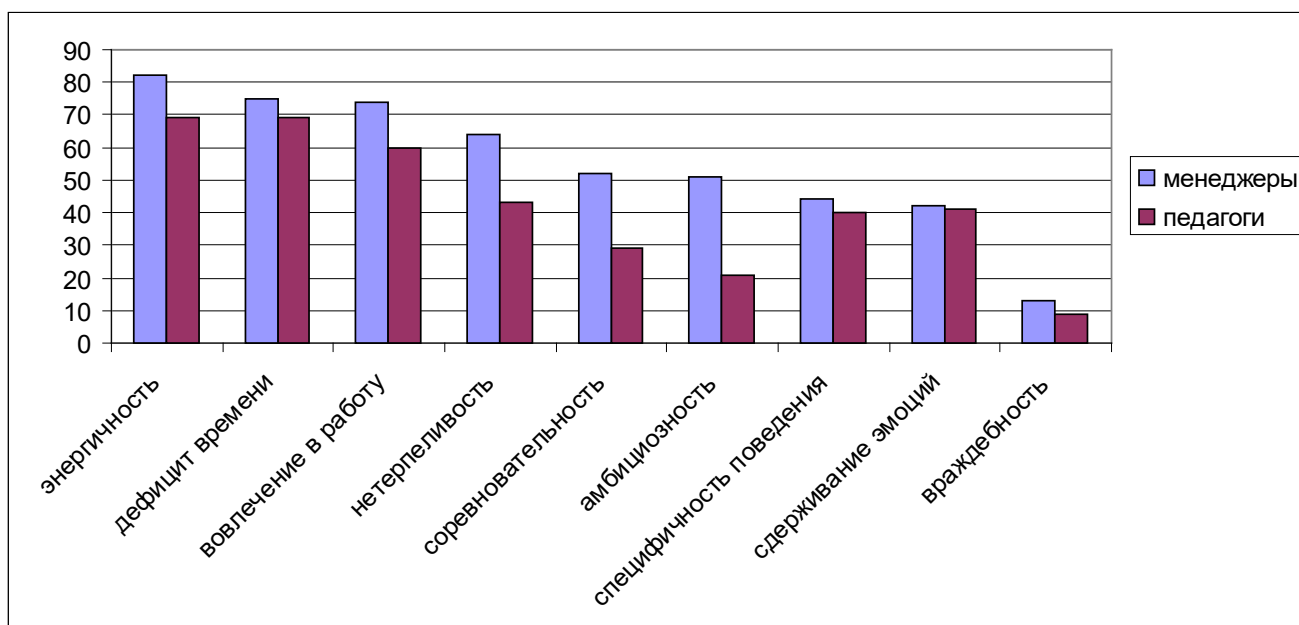

Рисунок 1 – Сравнительный анализ поведенческих проявлений менеджеров (РКО) и педагогов (РОО)

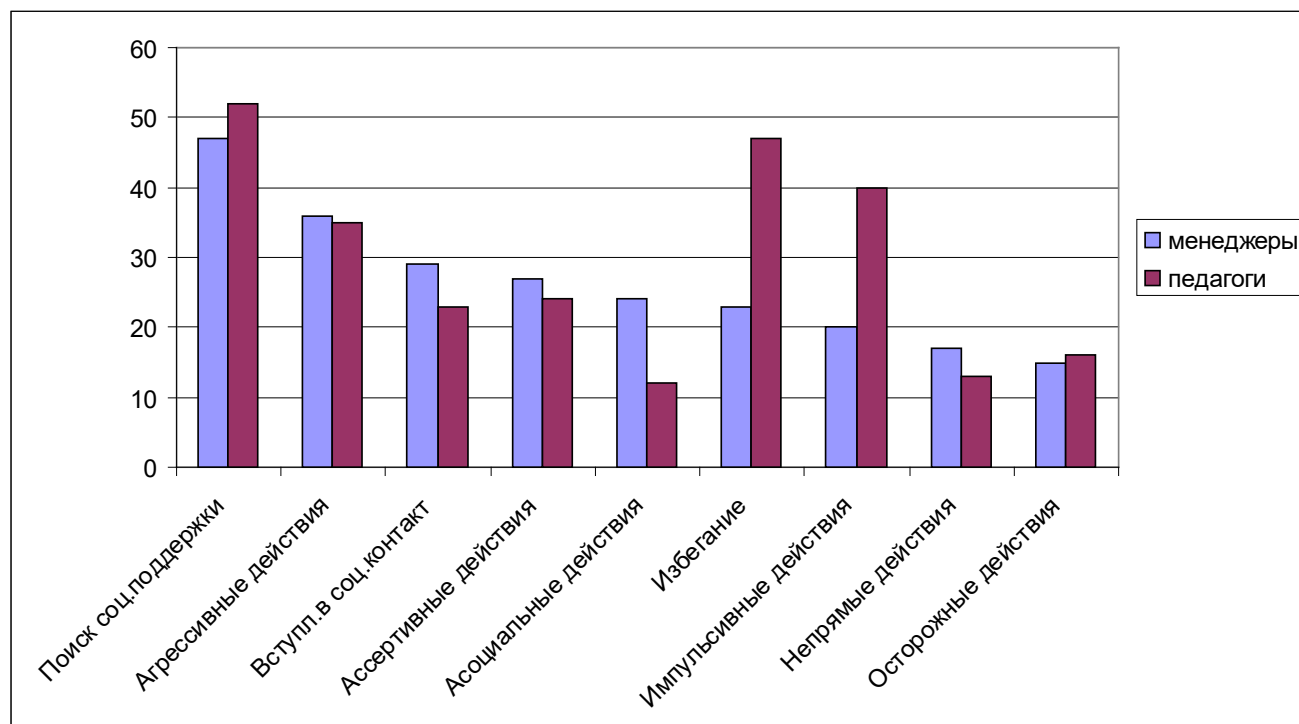

Рисунок 2 – Сравнительный анализ копинг-стратегий менеджеров (РКО) и педагогов (РОО) (по методике SACS)

Таблица 3 – Ведущие способы снятия стресса руководителей различных организаций

Руководители коммерческих организаций	Руководители образовательных организаций
1. Общение с друзьями	1. Общение с друзьями
2. Юмор, смех	2. Чтение
3. Поездки за город на природу	3. Хобби
4. Сон	4. Юмор, смех
5. Секс	5. Прогулки
6. Музыка	6. Сон
7. Хобби	7. Поездки за город на природу

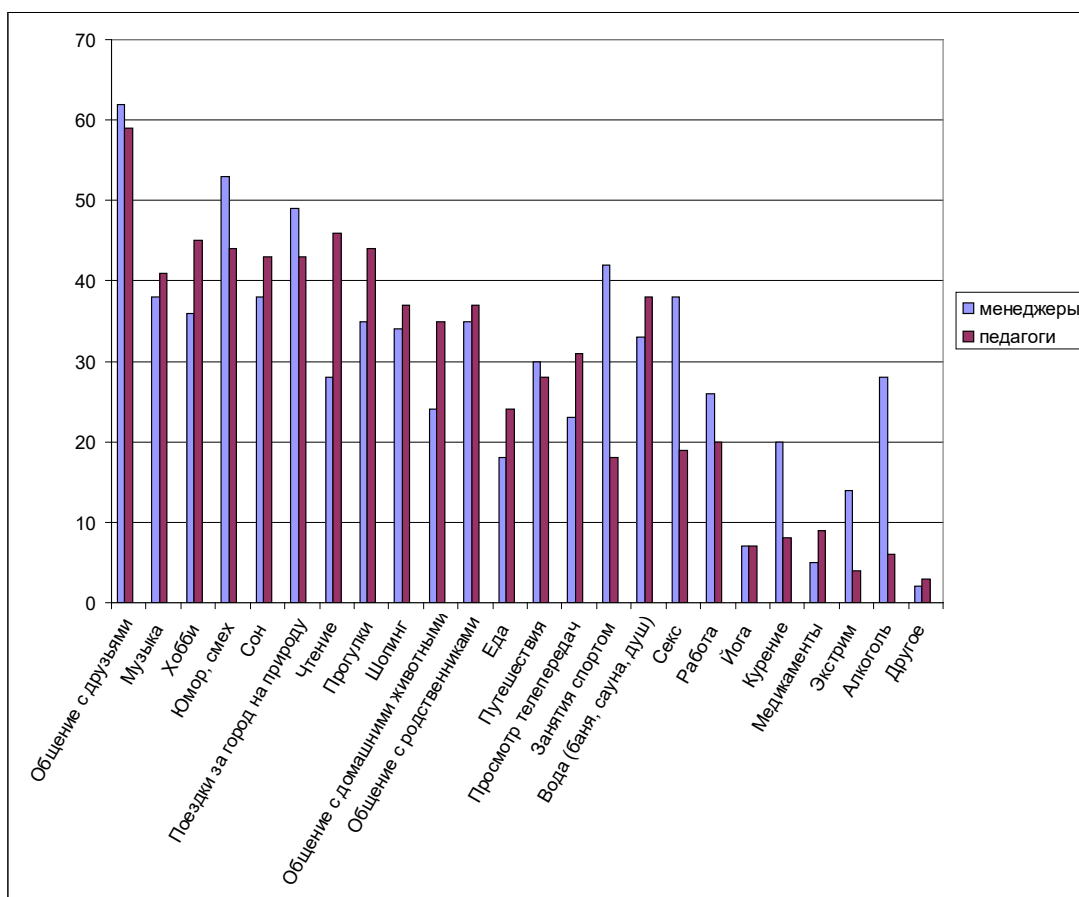

Рисунок 3 – Сравнительный анализ способов выхода из стресса менеджеров (РКО) и педагогов (РОО)

Сравнительный анализ способов преодоления стрессовых ситуаций РКО и РОО представлен на рисунке 3 и в таблице 3.

Если и те, и другие на первое место среди способов снятия повышенного напряжения, возникающего на работе, ставят ценность «Общение с друзьями», то в других способах есть различия.

Заключение. На наш взгляд, сравнительный анализ особенностей профессионального здоровья руководителей различных организаций (образовательных и коммерческих) позволяет утверждать, что специфика профессиональной деятельности накладывает существенный отпечаток на их здоровье. В бизнесе гораздо выше финансовый риск принимаемых руководителем решений; профессиональный, карьерный рост, а вместе с тем и материальное благополучие управленца, зачастую напрямую зависят от его энергичности, вовлеченности в работу, соревновательности, амбициозности. Таким образом, профессиональная среда создает условия для формирования именно этих качеств руководителя. Без них по существу невозможно рассчитывать на более-менее успешное нахождение в бизнесе. Кроме того, в системе образования нет таких широких воз-

можностей для карьерного роста (скажем, от учителя до директора школы доходят «единицы»), отсюда невысокий уровень амбициозности, соревновательности. Отметим также, что РОО значительно чаще, чем РКО, используют копинг-стратегию «Избегание». В бизнесе с такой стратегией руководители долго не остаются на своей должности.

Литература

1. Никифоров, Г.С. Психология профессионального здоровья как актуальное научное направление / Г.С. Никифоров, С.М. Шингаев // Психологический журнал. – 2015. – Т. 36, № 2. – С. 12–16.
2. Journal of Occupational Health Psychology [Electronic resource]. – Mode of access: http://en.wikipedia.org/wiki/Journal_of_Occupational_Health_Psychology. – Date of access: 10.09.2018.
3. Houdmont, J. Contemporary occupational health psychology: Global perspectives on research and practice / J. Houdmont, S. Leka, R.R. Sinclair (Eds.). – Chichester, UK: John Wiley & Sons, 2012. – Vol. 2. – 392 p.
4. Macik-Frey, M. Advances in occupational health: From a stressful beginning to a positive future / M. Macik-Frey, J. Quick, D. Nelson // Journal of Management. – 2007. – № 33(6). – P. 809–840.
5. Березовская, Р.А. Психология профессионального здоровья за рубежом: современное состояние и перспективы развития [Электронный ресурс] / Р.А. Березовская // Психологические исследования. – 2012. – Т. 5, № 26. – Режим доступа: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2012v5n26/761-berezovskaya26>. – Дата доступа: 05.08.2018.

6. Вербина, Г.П. Психолого-акмеологическая концепция развития профессионального здоровья специалиста: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.13 / Г.П. Вербина. – Тамбов, 2011. – 523 л.
7. Маклаков, А.Г. Основы психологического обеспечения профессионального здоровья военнослужащих: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.03 / А.Г. Маклаков. – СПб., 1996. – 37 с.
8. Митина, Л.М. Профессиональное здоровье учителя: стратегия, концепция, технология / Л.М. Митина // Нар. образование. – 1998. – № 9–10. – С. 166–170.
9. Психология профессионального здоровья: учеб. пособие / под ред. Г.С. Никифорова. – СПб.: Речь, 2006. – 480 с.
10. Проблема профессионального здоровья в авиационной медицине / С.А. Бугров [и др.] // Военно-медицинский журнал. – 1993. – № 1. – С. 61–64.
11. Шингаев, С.М. Профессиональное здоровье руководителей и проблемы повышения профессиональной квалификации / С.М. Шингаев // Человек и образование. – 2013. – № 4. – С. 54–58.
12. Шингаев, С.М. Психологическое обеспечение профессионального здоровья менеджеров: монография / С.М. Шингаев. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. – 176 с.
13. Никифоров, Г.С. Понятие профессионального здоровья / Г.С. Никифоров // Ананьевские чтения – 2013. Психология в здравоохранении: материалы науч. конф. – СПб.: СПбГУ, 2013. – С. 234–235.

Поступила в редакцию 03.12.2018 г.

УДК 159.9:004.77:378.147

Аспекты использования QR-кодов в преподавании дисциплин психологической направленности

Ганкович А.А., Милашевич Е.П., Турковский В.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

QR-коды являются современным информационным средством, которое может эффективно применяться в информационном пространстве учреждения образования. Одна из важных задач преподавателя вуза – помощь студентам в освоении информационных компетентностей, которые предлагают новые образовательные стандарты. Это не только осуществление поиска информации, ее обработка, накопление, перевод из одной формы в другую, но и активное освоение универсальных учебных действий.

Использование QR-кодов в учебном процессе дает возможность идти в ногу со временем – проводить обучение практико-ориентированной направленности, активизировать познавательную активность у наших студентов.

Цель работы – исследование результатов использования QR-кодов в образовательном процессе.

Материал и методы. Материалом послужили научные труды в области продуктивных моделей обучения, применения интерактивных методов, а также мобильных устройств, сетевых технологий, электронных учебников, виртуального обучения и интернет-ресурсов. Произведен анализ рабочих тетрадей и альбомов с элементами дополненной реальности по курсам психологической направленности, организации самостоятельной работы студентов и слушателей. При этом использовались эмпирические методы исследования: опрос (анкетирование), сравнение и анализ.

Результаты и их обсуждение. Практический опыт применения QR-кодов как средства мобильного обучения в учебной деятельности показал их возможность в подготовке различного рода справочных материалов, подсказок, ответов, тестов. Создание рабочих альбомов и тетрадей с элементами дополненной реальности позволяет повысить темпы усвоения теоретических знаний, мотивировать интерес к изучаемым учебным дисциплинам в области психологии, стимулировать как внутренние, так и внешние ресурсы развития личности обучающегося, которые помогут будущему специалисту в профессиональной и личностной самореализации.

Заключение. Подобная практика проведения занятий с использованием QR-кодов становится систематичной на кафедре прикладной психологии. Опыт преподавателей обобщается на методических семинарах факультета социальной педагогики и психологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Ключевые слова: QR-коды, сетевые технологии, информационное пространство, образовательная деятельность, мотивирование, познавательная активность.

Aspects of the Use of QR Codes in Teaching Psychology Disciplines

Gankovich A.A., Milashevich E.P., Turkovski V.I.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

QR-codes are a modern information tool that can be effectively used in the information space of an educational establishment. One of the important tasks of a university teacher is to help students master the information competencies that offer new educational standards. This is not only the implementation of the search for information, its processing, accumulation, transfer from one form to another, but also the active mastering of universal educational activities.

The use of QR-codes in the educational process makes it possible to "go in step with the time" – to conduct practically oriented training, to activate cognitive activity among our students.

The goal of the work is to study the results of using QR codes in the educational process.

Material and methods. The research material was research works in the field of productive teaching models, the use of interactive methods, as well as mobile devices, network technologies, electronic textbooks, virtual teaching and the Internet resources. Analysis of workbooks and albums with elements of augmented reality on Psychology courses, the organization of independent work of students and trainees was conducted.

Findings and their discussion. Practical experience of using QR codes as a means of mobile teaching in educational activities showed their ability to create various kinds of reference materials, hints, answers, tests. Creating work albums and notebooks with elements of augmented reality allows you to increase the rate of assimilation of theoretical knowledge, to motivate interest in the studied academic disciplines in the field of psychology, to stimulate both internal and external resources of the student's personality development that will help the would-be specialist in professional and personal self-implementation.

Conclusion. The practice of conducting classes using QR codes becomes a system at the Department of Applied Psychology. The experience of teachers is summarized at the methodological seminars of the Faculty of Social Education and Psychology of Vitebsk State P.M. Masherov University.

Key words: QR-codes, network technologies, information space, educational activities, motivation, cognitive activity/

Существенные изменения, происходящие в системе образования, требуют основательного пересмотра технологий и методов профессиональной, теоретической и практической подготовки специалистов. QR-коды являются современным информационным средством, которое может эффективно использоваться в образовательном пространстве учреждений, осуществляющих подготовку специалистов. Одна из главных задач преподавателя вуза – помочь студентам в формировании информационных компетенций, которые предлагают новые образовательные стандарты. Это не только осуществление поиска информации, ее переработка, накопление, перевод из одной формы в другую, умение выделять в ней главное, но и активное освоение универсальных учебных действий, применение информации в максимально рациональной форме.

Проблемы инновационных технологий в системе высшего образования обсуждаются в работах О.В. Павловой, Л.Г. Панфиловой, М.Ю. Платонова, Н.М. Платоновой, И.П. Понкина, Н.С. Радевской. Так, В.П. Дуброва и Е.П. Миласhevich указывают на то, что в подготовке специалистов системы дошкольного образования принципиально важно использовать в педагогическом процессе инновационные образовательные технологии [1].

В исследовании Т.Д. Марцинковской показано, что молодые респонденты в возрасте от 18 до 25 лет фактически отождествляют коммуника-

цию и информацию с Интернетом, при этом подавляющее большинство позитивно оценивают эти элементы технологического пространства [2].

Учитывая данные науки и повседневной практики, профессорско-преподавательский состав кафедры прикладной психологии все более активно внедряет достижения IT-технологии в учебный процесс. Студента высшей школы трудно представить без смартфона, планшета или другого мобильного устройства в течение всего учебного дня. Мобильный телефон влияет и на поведение студента, и на его отношения с другими, и на его учебные и личные планы. Так, мобильная связь и возможности выхода в Интернет в любое время позволяют студенту избежать нежелания работы в библиотеке, потому что то, что требовало раньше усилий при конспектировании, написании рефератов, сегодня происходит быстро и естественно через использование интернет-ресурсов. Мы не можем не учитывать потребности студента в постоянном информационном потоке и коммуникативном обмене посредством мобильной связи и Интернета и не использовать их в образовательном пространстве вуза. Нам близка точка зрения М.А. Горюновой, М.Б. Лебедевой, которые считают, что следует изменить отношение к мобильным устройствам как отвлекающим от образовательной деятельности и научиться воспринимать их как существенную помощь в реализации индивидуальных траекторий обучения, в достижении личностных, метапредметных

и предметных образовательных результатов, вовлечении обучающегося в создание среды обучения [3]. Используя возможности мобильного обучения, мы сделали акцент на применении QR-кодов, набирающих популярность в обучении, которые можно эффективно применять не только в учебной, но и воспитательной работе со студентами, тем самым отвечая на запросы современной реальности и молодежной субкультуры.

Использование в преподавании дисциплин психологической направленности QR-кодов позволит решить следующие задачи:

- повысить темпы усвоения теоретических знаний и формировать терминологическую компетентность;
- мотивировать интерес к изучаемым учебным дисциплинам в области психологии;
- стимулировать как внутренние, так и внешние ресурсы развития личности обучающегося, которые помогут будущему специалисту в профессиональной и личностной самореализации;
- обеспечить динамизм и эмоционально-информационную насыщенность управляемой самостоятельной работы;
- формировать умения студента в разработке и использовании современных научно-методических и информационных средств для обеспечения педагогического процесса в будущей профессиональной деятельности.

Аббревиатура QR производная от англ. *quick response*, что переводится как «быстрый отклик». Основное достоинство QR-кода – легкое распознавание сканирующим оборудованием (в том числе и фотокамерой мобильного телефона). Максимальное количество символов, которые помещаются в один QR-код: цифры – 7089, цифры и буквы (включая кириллицу) – 4296, двоичный код – 2953 байт, иероглифы – 1817.

По нашему мнению, данная тема актуальна для исследования, т.к. в жизни и педагоги, и учащиеся пользуются данными кодами в различных сферах деятельности. И с каждым днем расширяются возможности их применения в образовательном процессе.

Цель данной работы – обобщение и презентация инновационных методик с использованием QR-кодов в преподавании учебных дисциплин психологического цикла.

Материал и методы. Материалом послужили исследования в области продуктивных моделей обучения, применения интерактивных методов, а также мобильных устройств, сетевых технологий, электронных учебников, виртуального обучения и интернет-ресурсов [4]. Для проведения анализа использовались рабочие тетради и альбомы по курсам «Психология межличностных отношений», «Психология личности», «Психология», созданные с целью методического обеспечения семинарских и практических занятий и организации самостоятельной работы студентов и слушателей (рисунок 1). При этом использовались эмпирические методы исследования: опрос (анкетирование), сравнение и анализ.

В качестве дополнительного метода проводился опрос среди студентов юридического (57 человек), художественно-графического (17 студентов) факультетов и слушателей ИПК и ПК ВГУ имени П.М. Машерова специальности «Психология» (37 респондентов) по поводу достоинств и недостатков использования мобильных средств и QR-кодов в обучении в высшей школе.

Результаты и их обсуждение. Практический опыт применения QR-кодов как средства мобильного обучения в учебной деятельности показал их возможности в создании различного рода справочных материалов, подсказок, ответов, тестов. В популярных сегодня квестах QR-коды могут вы-

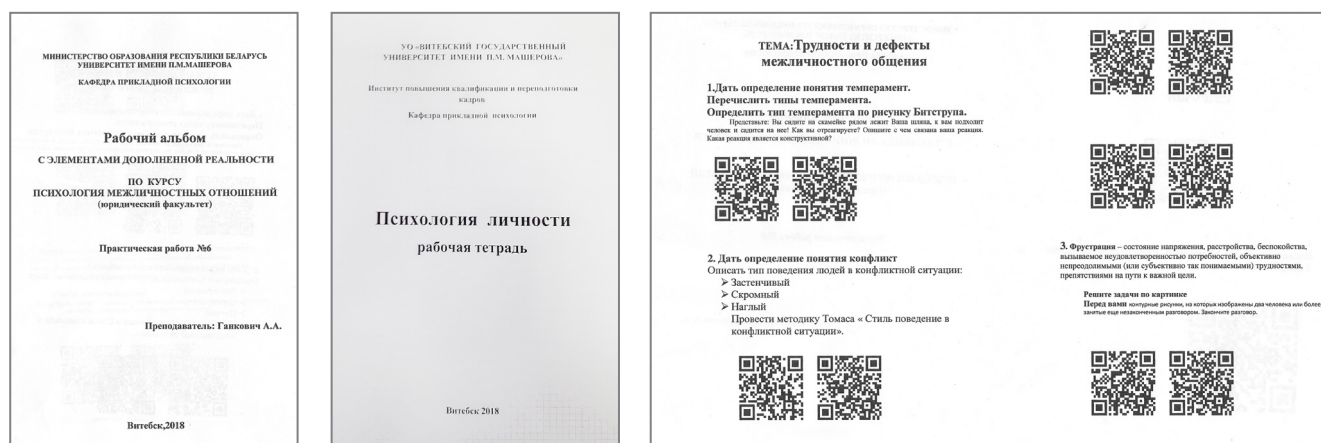

Рисунок 1 – Рабочий альбом «Психология межличностных отношений» и рабочая тетрадь «Психология личности» (разработанные авторами статьи)

ступать и как задания для прохождения квеста, и как указатели направления движения. Также в QR-коды можно занести информацию о различных объектах, что способствует созданию виртуальных библиотек и лабораторий, а также можно получить дополнительную информацию о каком-либо психологическом феномене, считав код.

Мы применили QR-коды для разработки практико-ориентированных заданий различного уровня сложности. Так, например, в рабочей тетради «Психология личности» задания, формирующие достаточные знания по изученному учебному материалу на уровне узнавания, выглядят следующим образом:

– К психическим свойствам личности относят темперамент. Дайте определение понятия «темперамент». Определите тип темперамента по рисунку Битструпа и запишите результаты [5] (рисунок 2).

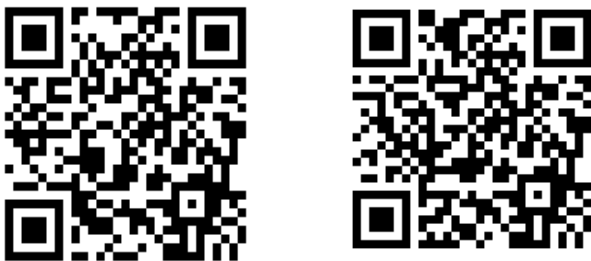

Рисунок 2 – QR-коды на определение типов темперамента личности

В качестве примера заданий, формирующих компетенции на уровне воспроизведения и применения полученных знаний, в рабочем альбоме с элементами дополненной реальности по курсу «Психология межличностных отношений» можно привести такое:

– Фрустрация – состояние напряжения, расстройства, беспокойства, вызываемое неудовлетворенностью потребностей, объективно непреодолимыми (или субъективно так понимаемыми) трудностями, препятствиями на пути к важной цели. Решите задачи по картинке. Перед вами контурные рисунки, на которых изображены два человека или более, занятые еще незаконченным разговором. Закончите разговор [6] (рисунок 3).

Задание для самостоятельной работы студентов – исследование межличностных отношений по методике Т. Лири, которое представлено в виде презентации, где дана информация об авторе методики, истории ее создания и применения. Студенты самостоятельно проводят диагностику и обрабатывают результаты исследования [6].

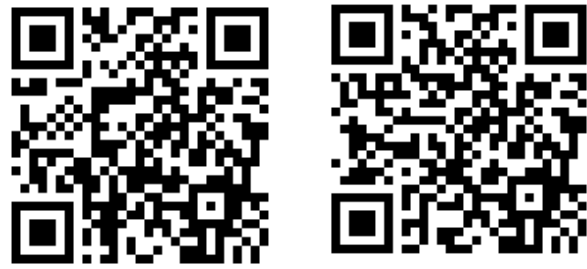

Рисунок 3 – QR-коды для решения практико-ориентированных задач

Рисунок 4 – QR-коды для проведения диагностики

Интенсивность проведения занятия с использованием QR-кодов увеличивает темпы усвоения теоретических знаний и формирует терминологическую компетентность у студентов, создает возможность организации и использования удобного для педагогов и студентов образовательного пространства, а также способствует повышению уровня освоения информационных компетенций у студентов.

Для выявления отношения студентов и слушателей к возможностям и эффективности мобильных средств обучения мы разработали анкету, включающую следующие вопросы и варианты ответов на них:

1. Как Вы относитесь к использованию мобильных устройств в учебном процессе?

- а) считаю бесполезным;
- б) уверен(а) в его эффективности и необходимости использования в процессе обучения;
- в) затрудняюсь ответить.

2. Удовлетворены ли Вы учебными материалами, предоставленными с использованием QR-кодов?

- а) да;
- б) нет;
- в) удовлетворен(а) частично.

3. Каковы, на Ваш взгляд, главные преимущества использования QR-кодов?

- а) доступность материалов;
- б) эффективность применения;
- в) возможность самостоятельной работы.

4. Считаете ли Вы необходимым использование QR-кодов на учебных занятиях?

- а) да, на всех;
- б) нет;
- в) затрудняюсь ответить.

5. Обеспечивается ли, на Ваш взгляд, продуктивность и эмоциональная вовлеченность обучаемого на занятиях с использованием QR-кодов?

- а) да;
- б) нет;
- в) затрудняюсь ответить.

По итогам анализа результатов опроса среди студентов и слушателей были получены следующие данные. Отвечая на первый вопрос анкеты, практически все респонденты отметили эффективность мобильных устройств в учебном процессе (рисунок 5).

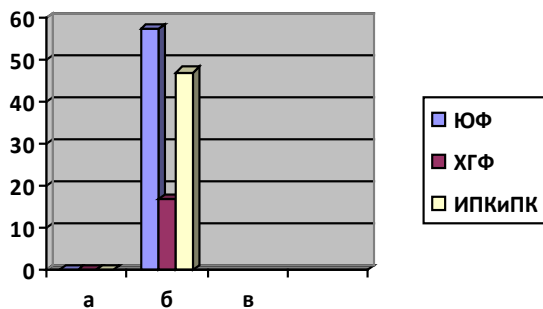

Рисунок 5 – Эффективность мобильных устройств в учебном процессе

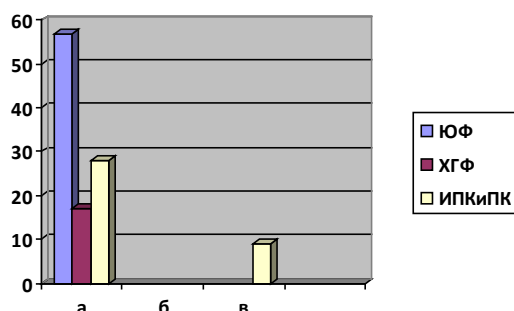

Рисунок 6 – Удовлетворенность учебными материалами с QR-кодами

Ответы на второй вопрос анкеты показали, что 91,9% респондентов удовлетворены учебными материалами с использованием QR-кодов и 8,1% слушателей частично удовлетворены (рисунок 6).

Анализируя преимущества использования QR-кодов на учебных занятиях, можно выделить среди отмеченных показателей доступность учебных материалов для студентов и возможность их применения в самостоятельной работе слушателями (рисунок 7).

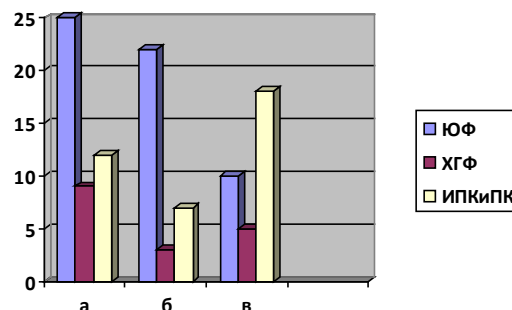

Рисунок 7 – Преимущества применения QR-кодов

Отвечая на четвертый вопрос анкеты, 92% студентов и слушателей указывают на необходимость использования QR-кодов на всех учебных занятиях. Следует отметить, что отрицательных ответов у респондентов нет (рисунок 8).

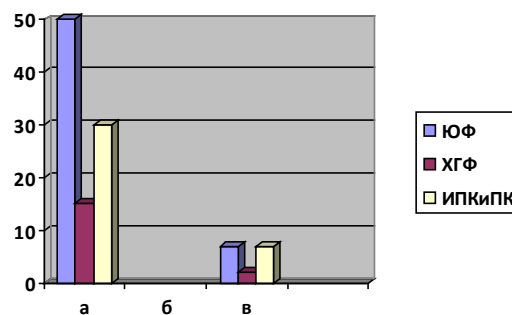

Рисунок 8 – Частота использования QR-кодов на учебных занятиях

Результаты ответов о продуктивности и эмоциональной увлеченности студентов учебными занятиями с использованием QR-кодов свидетельствуют в пользу данной методики у всех респондентов (рисунок 9).

Таким образом, исходя из результатов опроса, можно утверждать, что использование QR-кодов обеспечивает продуктивность работы студентов по изучению курсов психологической направленности.

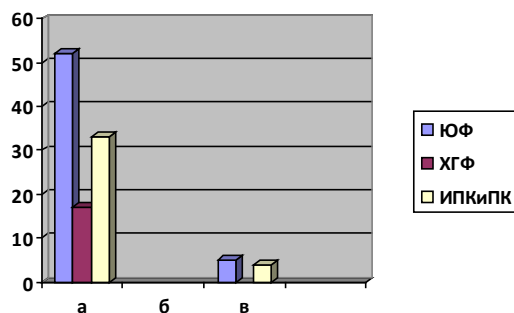

Рисунок 9 – Продуктивность и эмоциональная вовлеченность обучаемого на занятиях с использованием QR-кодов

Заключение. В целом рабочие тетради и альбомы с элементами дополненной реальности по учебным дисциплинам «Психология межличностных отношений», «Психология личности», «Психология» предоставляют возможность программировать самостоятельную работу обучаемых, направлять в определенное русло их мыслительный поиск, позволяют сосредоточиться на главном, в то же время не сдерживают творческий потенциал и стимулируют интеллектуальный рост студентов.

Практические занятия с использованием QR-кодов – это отличная альтернатива традиционному формату проведения занятий по дисциплинам психологического цикла, которая дает возможность обеспечить интерактивный режим

работы для всех студентов и слушателей. Креативные элементы в структуре и содержании занятия, использование студентами мобильных телефонов для решения поставленных проблемных психологических задач преподавателем позволяют поддерживать интерес и учебно-познавательную мотивацию студентов на протяжении всего занятия. Преподаватель к созданию QR-кодов может привлечь наиболее компетентных и заинтересованных студентов (это может быть задание для самостоятельной работы или зачетный проект) и направить, таким образом, студентов на достижение поставленных целей и задач учебного курса. Несомненно, внедрение в учебный процесс мобильных технологий обогащает методический ресурс преподавателя.

Литература

1. Дуброва, В.П. Организация методической работы в дошкольном учреждении / В.П. Дуброва, Е.П. Милашевич. – М.: Изд-во «Новая школа», 1995. – 128 с.
2. Марцинковская, Т.Д. Психологические аспекты технологического общества [Электронный ресурс] / Т.Д. Марцинковская // Психологические исследования. – 2018. – Т. 11, № 62. – С. 12. – Режим доступа: URL: <http://psystudy.ru>. – Дата доступа: 19.01.2019.
3. Горюнова, М.А. Мобильное обучение в условиях реализации ФГОС / М.А. Горюнова, М.Б. Лебедева // Человек и образование. – 2016. – № 4. – С. 91–96.
4. Понкин, И.В. К вопросу об инновациях в образовании / И.В. Понкин // Инновации в образовании. – 2017. – № 3. – С. 61–76.
5. Милашевич, Е.П. Психология личности: рабочая тетрадь / Е.П. Милашевич. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – 52 с.
6. Ганкович, А.А. Рабочий альбом с элементами дополненной реальности по курсу психология межличностных отношений / А.А. Ганкович. – Витебск, 2018. – 6 с.

Поступила в редакцию 08.02.2019 г.

Традиция качественных исследований в психологии: описательный феноменологический метод А. Джорджи

Богомаз С.Л.¹, Морожанова М.М.², Турковский В.И.¹

¹Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

²Государственное учреждение здравоохранения «Витебская государственная центральная поликлиника г. Витебска»

Существует множество различных методов исследования, которые подпадают под категорию «качественные», и многие из них постоянно дополняются инновациями. Проблема установления качественных исследований выражается в многообразии подходов, методологических определений, а также неопределенности стратегий исследовательской практики.

Цель – разработать стратегию проведения феноменологического интервью.

Материал и методы. Материалом настоящей работы послужили совокупность понятий, данные теоретических и эмпирических выводов, полученные в ходе анализа проблемы качественных исследований как специфической методологии в психологии. Использованы методы комплексного

и системного, сравнительного, критико-рефлексивного теоретического анализа методологических подходов и научных концепций, категоризация, тематический анализ, моделирование.

Результаты и их обсуждение. В отличие от позитивистских или экспериментальных исследований, в которых используется линейная и однонаправленная последовательность этапов, существуют значительные различия в том, как организовано качественное исследование. В целом качественные исследователи пытаются описать и интерпретировать форму и содержание человеческого поведения, анализировать его качества, базирующиеся, прежде всего, на отчетах отдельных лиц. В качестве основного инструмента феноменологического подхода применяется полуструктурированное интервью.

Заключение. На основании обобщения и систематизации феноменологических подходов и концепций, а также проведенного пилотажного исследования мы предоставили структурированный обзор описательного феноменологического метода А. Джорджи и стратегию проведения феноменологического интервью.

Ключевые слова: описательные методы, интервью, феноменология, качественные исследования.

Traditions of Quality Research in Psychology: A. Giorgi Descriptive Phenomenological Method

Bogomaz S.L.¹, Morozhanova M.M.², Turkovski V.I.¹

¹Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

²State Establishment of Health Care "Vitebsk State Central Polyclinic"

There are plenty of different research methods which fall under the category of "quality" and many of them are constantly contributed by innovations. The issue of establishing quality research manifests itself in the variety of approaches, methodological definitions as well as the indefiniteness of strategies of the research practice.

The purpose is to elaborate the strategy of conducting a phenomenological interview.

Material and methods. The research material is a unity of notions, data of theoretical and empiric conclusions, obtained during the analysis of the problem of quality research as a specific methodology in psychology. Methods of complex and system, comparative, critic and reflexive theoretical analysis of the methodological approaches and scientific concepts, categorization, thematic analysis, modeling were used.

Findings and their discussion. Unlike positivist or experimental research, in which linear and one-direction sequence of stages is used, there are significant differences in how a quality research is organized. In general quality researchers try to describe and interpret the form and the contents of human behavior, analyze its qualities, which are based first of all on reports by individual persons. As the main instrument of the phenomenological approach a semi-structured interview is used.

Conclusion. On the basis of the generalization and systematization of phenomenological approaches and concepts as well as a pilot research we presented a structured review of A. Giorgi descriptive phenomenological method as well as a strategy of a phenomenological interview.

Key words: descriptive methods, interview, phenomenology, quality research.

Вопрос о том, имеют ли качественные исследования место в психологии, встречается в последние годы все чаще. Однако объем качественных исследований в психологии по отношению к количественным методам остается довольно скромным. Существует множество различных методов исследования, которые подпадают под категорию «качественные», и многие из них постоянно дополняются инновациями [1–4]. Проблема установления качественных исследований выражается в многообразии подходов, методологических определений, а также неопределенности стратегий исследовательской практики [5; 6]. Прежде чем формулировать вопросы исследования, важно понять теоретическую базу и основополагающую концепцию феноменологии.

Цель – разработать стратегию проведения феноменологического интервью.

Материал и методы. Материалом настоящего исследования послужили совокупность понятий, данные теоретических и эмпирических выводов, полученные в ходе изучения проблемы качественных исследований как специфической методологии в психологии. При этом использованы теоретические методы комплексного и системного, сравнительного, критико-рефлексивного анализа методологических подходов и научных концепций, категоризация, тематический анализ, моделирование, сравнение, обобщение, интерпретация библиографического списка, представленного в научной электронной библиотеке диссертаций и авторефератов РФ (www.dissercat.com).

Результаты и их обсуждение. Современная психология балансирует на тонкой грани между естественнонаучным и гуманитарным знанием [7]. Она стремится быть наукой «строгой», в которой все можно просчитать и измерить, но при этом обращается к тому, что как раз и не поддается измерению – человеческим переживаниям, ценностям и смыслу. Эти две ипостаси психологии имеют два разных истока. Один берет начало в экспериментальной психологии, а другой – отсылает нас к истокам философии.

С 20-х гг. прошлого века как альтернатива традиционной естественно-научной методологии с ее бихевиористскими экспериментами и количественными измерениями начинают развиваться гуманитарные основания методологии науки.

В. Дильтей попытался создать философскую основу для методологии гуманитарной науки. В «Описательной психологии» он отмечал, что в то время как главная задача естественных наук – прийти к основополагающим причинным объяснениям, основной задачей гуманитарных наук является понимание социальных и культурных аспектов человеческого опыта. Психология должна быть понимающей, описательной наукой. Размышления Дильтея о гуманитарных науках, исторической контекстуализации и герменевтике повлияли на многих последующих мыслителей, таких как Гадамер, Гуссерль, Хайдеггер и др. Попытки исследователей выйти за рамки объективного измерения и оценки причинно-следственного поведения привели к разработке новых способов получения описания жизненного мира человека, его опыта.

В соответствии с таким «антропологическим поворотом» фокус философии смещается с вещи и природы к сознанию, человеческому бытию и его миру: феноменологическо-экзистенциальное направление философии Гуссерля, Мерло-Понти, Рикёра, Сартра, Хайдеггера и др., философские идеи человеческого существования как отношения между миром, мыслью и языком выдвигали М. Бахтин, М. Бубер, Л. Витгенштейн, У. Джемс: мысль подразумевает язык, язык же относится к социальной природе человека. С точки зрения Л. Витгенштейна, психологические феномены относительны и проявляются во взаимодействии индивидов, социокультурно и исторически обусловлены, а также имеют моральный и дискурсивный аспекты. Созвучна с ним и бахтинская концепция диалогизма, выделяющая такие психические явления, как со-бытие, чужая и собственная речь, голос, многоголосье, диалог, текст, являющаяся прогрессивным методом познания человека. Анализируя проблему объективного метода в психологии, В.П. Зинченко пишет: «У исследуемой реальности есть еще и язык в самом широком смысле этого слова, и она никоим образом не дана познанию вне его» [8].

Феноменологические исследования развивались из философии Европейской феноменологической школы, наиболее видные сторонники которой Эдмунд Гуссерль, Мартин Хайдеггер и Морис Мерло-Понти. В «Логических исследованиях» Э. Гуссерль определил феноменологию как «науку о сущности сознания» и основное внима-

ние уделил трактовке концепции интенциональности и смыслу пережитого опыта с точки зрения первого лица. Важным принципом гуссерлианского подхода к науке было убеждение в том, что смысл повседневных переживаний может быть получен только посредством взаимно-однозначных транзакций между исследователем и объектом исследования. Эти транзакции должны реализовываться через внимательное слушание, взаимодействие и наблюдение. Гуссерль считал, что с помощью «заклучения в скобки» можно получить представление об общих чертах любого живого опыта (A. Giorgi, 2000; S. Luft, 2003).

Вышеназванные идеи в той или иной степени послужили широкой исторической основой для выделения контрастов между традиционной эмпирической психологией и конструкционистскими подходами в ней. Теория социального конструкционизма основана на представлениях о том, что люди рационализируют свой опыт, создавая модели социального мира, разделяя и одухотворяя их с помощью языка. Центральное утверждение ее заключается в обосновании психологии, выделяющей в качестве объекта исследования осмысленный характер человеческой деятельности. Это согласуется с идеей П. Бергера и Т. Лакманны, что наши реалии формируются через опыт и взаимодействие с другими людьми. По мнению Дж. Джерджена, познание, мотивация, восприятие, отношения, самооценка и другие процессы сознания являются социальной конструкцией и поэтому не подвергаются эмпирической оценке вне определенной традиции интерпретации [9].

Проанализированные нами философские позиции основываются на том, как социальный мир интерпретируется, понимается, переживается или создается. На наш взгляд, социальный конструкционизм является хорошей метатеорией для обоснования качественных исследований в психологии, особенно в изучении деятельности и поведения человека.

Различные варианты качественных исследований понимаются или приближаются к вышеназванным элементам по-разному. В частности, обоснованная теория (K. Charmaz, 1983; B. Glaser & A. Strauss, 1967) генерирует теории, «обоснованные» в данных, которые систематически собирались и анализировались. Дискурсивный анализ (J. Potter & M. Wetherell, 1995) объединяет ряд подходов, подчеркивающих языковую и коммуникативную природу психических процессов. Нарративный анализ (A. Murray, 1959; J. Bruner, 1997) использует в качестве единицы анализа текстовые материалы, такие как рассказы, автобиография, письма, беседы, интервью и жизненный опыт для исследования и понимания смысла сво-

ей жизни. Феноменологические методы (A. Giorgi, 1995; J. Smith, 2009; A.M. Улановский, 2007) фокусируют внимание на субъективных переживаниях людей и интерпретациях их мира. И, наконец, интегрированный подход, известный как «смешанные методы» (D. Thomas, 2004; J. Creswell, 2003; B.A. Янчук, 2000), использует возможности методологической триангуляции.

Анализ источников по качественным исследованиям дает нам возможность отметить, что наиболее распространенный метод, используемый для получения данных в качественных исследованиях, – это интервью, которое может быть структурировано, полуструктурировано или неструктурировано. Другие способы генерации данных включают групповые обсуждения или фокус-группы, наблюдение, отражающее полевые заметки, тексты, изображения и другие материалы.

Как мы уже ранее отмечали, качественные методы разнообразны, различаются по методам сбора данных, аналитической интерпретации. Однако общим для них является отказ от квантификации данных, хотя качественные исследования иногда используют некоторую форму количественной оценки, но статистические формы анализа не рассматриваются как центральные.

Итак, качественные исследования уделяют основное внимание повседневной жизни и переживаемому опыту людей, описанному с помощью языка. Описательные данные, полученные в результате, должны интерпретироваться с использованием строгих и систематических методов транскрибирования, кодирования и анализа тенденций и тем. Качественное исследование хорошо подходит для создания новых теорий с использованием индуктивного метода, который затем может быть протестирован дальнейшими исследованиями.

Проведенный анализ позволил нам сформулировать общее представление о преимуществах и недостатках качественных методов исследования:

- в отличие от статистических методов, которые концентрируются на конкретных узких областях (например, процентное соотношение, стандартные отклонения и др.), качественный анализ позволяет обрисовать широкую, полную картину: глубокое понимание отношений, поведения, взаимодействий, событий и социальных процессов, которые составляют повседневную жизнь;
- набор методов также позволяет гибко и легко адаптироваться к изменениям в исследовательской среде и может проводиться с минимальными затратами;
- обеспечивает более глубокое понимание контекстной среды объекта исследования, данные основаны на взглядах участника на мир, а не на мир, созданный исследователем;

– позволяет использовать «инсайдерскую точку зрения».

Одним из основных недостатков качественных исследований является то, что:

– полученные данные обычно не могут быть обобщены вне исследований (вне контекста);

– сбор данных занимает гораздо больше времени, чем в традиционных эмпирических исследованиях;

– личные предубеждения и другие особенности ученого могут повлиять на исследование.

С точки зрения валидации качественных исследований и ее критериев отметим, что авторы [2] указывают на то, что на всех его этапах (планирования, сбора данных, последующей их интерпретации) рекомендуемыми стратегиями являются: триангуляция данных (теоретическая, экспертная, методологическая), в случае феноменологических исследований – обсуждение полученных данных с участниками [7].

Феноменология часто считается центральной интерпретирующей парадигмой качественных исследований (Т. Clark, 1998; Т. Koch, 1995). Это философская точка зрения, а также подход к качественной методологии гуманитарных наук. По мнению А. Лэнгле, феноменология – это школа восприятия, которая фокусирует внимание на субъективных переживаниях людей и интерпретации их мира [10].

Основатель научно-ориентированной описательной феноменологии Амедео Джорджи разделяет с Гуссерлем мнение о том, что развитие гуманистической психологии было необходимым корректирующим движением для всей психологии той эпохи. В первую очередь гуманистическое движение стало значимым фактором в восстановлении образа человека, который был значительно снижен бихевиористами и строгим психоанализом. Однако гуманистическая психология, по его мнению, не полностью освободилась от методов и стратегий, унаследованных от естественно-научной психологии. В своей статье он предполагает, что требуется признание необходимости в разработке нередукционистских научных методов исследования личности психологически значимыми способами. В статье «Феноменологическое движение и исследования в области гуманитарных наук» он пишет, что Гуссерль в своей философии ввел метод более адекватного подхода к данностям сознания, и при правильной модификации феноменологический метод может служить основой для гуманитарных наук, в том числе ухода за больными. Использование такого метода позволяет сделать качественный анализ явлений строгим и научным [11]. В феноменологических методах данные исследования анализируются с использованием понятий

феноменологической философии, чтобы сделать выводы и обеспечить более высокий уровень теоретического анализа. Однако феноменологический подход охватывает различные подходы: от чистого описания – Descriptive phenomenological psychological method (A. Giorgi, 1997; F. Wertz, 2011; M. Englander, 2007; I. Roseth, 2011; S. Churchill, 2015; C. Beck, 2013 и др.) до интерпретаций – Interpretative phenomenological analysis (IPA) (J. Smith, 1997; M. Osborn, 1998; M. van Manen, 1999; H. Plummer, 2000 и др.). Различные методы используют не все философские концепции или модифицируют их в соответствии с подходом.

В результате изучения взглядов ведущих феноменологов был получен материал, анализ и обобщение которого позволили нам выделить следующие основополагающие принципы феноменологического подхода в психологии:

– феноменология в психологии ставит собственный опыт в центр психологического диалога о живом опыте людей и его смысле (A. Giorgi, 1995; A. Giorgi & B. Giorgi, 2008; J. Smith 1995). Изучая «само собой разумеющееся» – повседневную жизнь участников, особенно те ее аспекты, которые касаются того, как люди относятся к проблемам, определенным событиям или опыту, феноменологический подход выдвигает такие проблемы на первый план;

– принятие феноменологической редукции позволяет исследователю оставаться верным описаниям опыта опрошенных людей и признает, что именно так они описывали свой мир, что поддерживает основной уровень валидности;

– идентификация конкретных явлений через то, как они воспринимаются людьми в жизненных ситуациях, посредством слов и высказываний естественного языка;

– в качестве основных источников для генерации данных исследования используются субъективные отчеты участников о переживаемом опыте.

В данном контексте нам представляется актуальным и весьма убедительным описательный феноменологический метод исследования, разработанный и детально описанный американским психологом А. Джорджи. Опираясь на обозначенный подход, нами было проведено пилотажное исследование, которое позволило сформировать структурные компоненты феноменологического метода исследования (рисунок 1).

Начнем с представления и обсуждения методов сбора качественных данных. Перед началом сбора данных исследователи тщательно изучают актуальную информацию по теме исследуемого явления. Дж. Страусс и А. Корбин называют это «теоретической чувствительностью». Однако, как отмечает А. Джорджи, «есть много книг

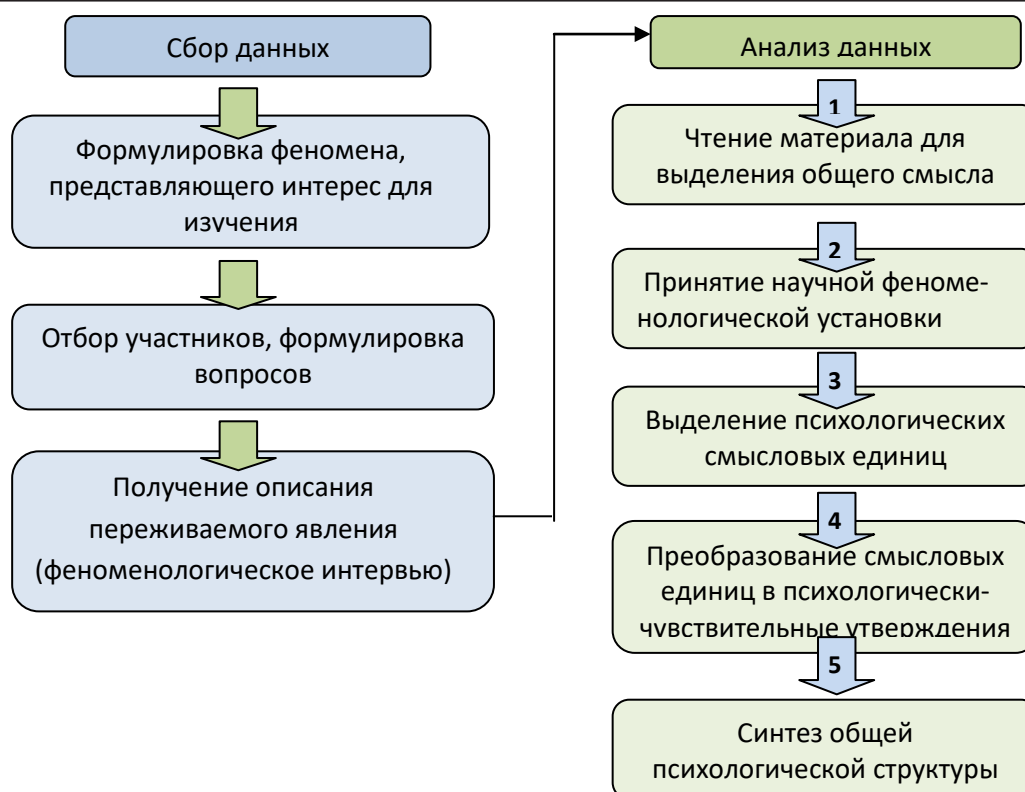

Рисунок 1 – Структура описательного феноменологического метода

(например, E. Mishler, 1986; S. Kvale, 1996) с советами о том, как провести интервью, но ни в одной из них не описаны явные феноменологические критерии» [7]. Другими словами, несмотря на то, что общие (методологические) обоснования С. Квале для интервью верны, существуют некоторые вопросы, которые необходимо прояснить, чтобы понять, что сбор и анализ данных взаимосвязаны в отношении описательного феноменологического исследования. Эти вопросы касаются отбора участников, количества участников, вопросов интервью, процедуры сбора данных [3].

Отбор участников является первым шагом в процессе сбора данных. А. Джорджи акцентирует внимание на том, что научное исследование, по отношению к полученным сведениям, должно быть системным, методичным, целостным и критическим (доказанным). В отличие от количественных методов, использующих вопрос «Сколько?», качественные методы интересуют вопрос «Как?». Следовательно, выбор участников феноменологических исследований обуславливается наличием определенного опыта исследуемого явления.

Что касается количества участников, то описательный феноменологический метод рекомендует, по крайней мере, присутствие трех участников. Как отмечает А. Джорджи, исследования, основанные на глубинных стратегиях, не следует путать с исследованиями, основанными на стратегиях выборки, потому что феноменологическое

исследование строится на понятии возможности intersubjectivity и сущности феномена, которые являются эйдетическими, и, таким образом, обобщения вытекают из смысловой структуры категории. Согласно описательному феноменологическому методу данные могут быть получены либо с помощью письменных отчетов пережитого опыта участников, либо через интервью. Для нас важно то, что интервью богаче с точки зрения нюансов и глубины (A. Giorgi, 2017).

Интервью выступает основной процедурой сбора данных, тесно связанной с качественными гуманитарными научными исследованиями (С. Квале и К. Брикман, 2009). С. Квале называет исследовательское интервью диалогом, концепцией, которая стала популярной в политическом, управленческом и образовательном контексте [12]. Мы также разделяем мнение С.А. Белановского, который утверждает, что «из всех “гибких” методов интервью является наиболее распространенным, наиболее доступным и вместе с тем наиболее универсальным методом» [13]. Следовательно, феноменология использует интервью как гибкий инструмент для сбора данных, который позволяет задействовать мультисенсорные каналы: от вербальных до невербальных. Согласно диалогической концепции М.М. Бахтина, люди постоянно борются с внешними проявлениями своих мыслей и действий, которые оказывают на них то или иное влияние. Внутри каждого конкретного че-

ловека есть что-то, что может быть реализовано только посредством свободного дискурсивного акта [14]. Диалогический характер интервью дает возможность участникам говорить, услышать свои и чужие высказывания, переживания жизненного мира. А. Джорджи указывает на возможность проведения предварительной встречи, что дает возможность установить доверие с участником, рассмотреть этические соображения и получить согласие. Также можно рассмотреть вопросы исследования, что дает участнику время на размышление над опытом. Цель состоит в воспроизведении участником своего переживаемого опыта (описание жизненного мира, переживаний, значений, субъективного смысла) в рамках изучаемой темы, а также выявлении сущностной структуры явления, описании психологического смысла.

Исследовательское феноменологическое интервью – это в первую очередь открытые вопросы. Основная задача заключается в изучении ответов участников на эти вопросы. Вопрос, который первым задается участнику: «Можете ли Вы описать как можно более подробно ситуацию, в которой вы испытали “явление”?». Последующие вопросы должны соответствовать реакции собеседника и более полно раскрывать изучаемое явление (рисунок 2).

Следовательно, интервью с феноменологической точки зрения означает способность переносить присутствие в пределах одного режима сознания (M. Englander, 2012); т.е. смещение между отношением «субъект–субъект» (вопросы после ответов в интервью) и отношением «субъект–явление» (вопросы должны быть ориентированы

на феномен исследования).

Далее нам необходимо пояснить в более развернутом виде этапы описательного феноменологического анализа данных.

В своей недавней статье А. Джорджи (A. Giorgi, 2017) считает важным подчеркнуть психологическую научную редукцию и выделяет ее как отдельный шаг, но с оговоркой, что она присутствует и в каждом последующем шаге. Принять психологическую установку – значит рассматривать переживания как проявления живых смыслов и ценностей конкретными субъектами.

1. Каждое описание, данное участниками, сначала *считывается целиком*, чтобы лучше понять всю ситуацию, в которой произошли события.

2. Феноменологическую психологическую установку следует учитывать при анализе данных, чтобы «результаты отражали тщательное описание именно особенностей пережитого явления, когда они предстают перед сознанием исследователя» [7]. Это рефлексивно-медитативная процедура, позволяющая предубеждениям свободно входить и выходить из нашего сознания (K. Moustakas, 1994). Другими словами, исследователь откладывает в сторону свои предположения, теоретические, культурные, эмпирические убеждения. Это делается для того, чтобы достичь уровня психологического понимания, а также помогает исследователю достичь своего рода эмпатически ощущаемой интуиции переживаний в их контекстном смысле. Допущение такой установки создает феноменологическую психологическую редукцию. Гуссерль утверждал, что использование феноменологической психологической ре-

Рисунок 2 – Стратегия проведения феноменологического интервью

дукции является минимальным методическим шагом, необходимым для того, чтобы исследование было названо феноменологически правильным.

3. Так как феноменологический анализ связан с распознаванием смысла, разделение частей единого описания основано на смыслах, каждая часть называется *смысловой единицей* и определяется тщательным перечитыванием описания с намерением различить части с феноменологической психологической точки зрения, нерелевантные утверждения удаляются. Смысл самого значения не уточняется и не расспрашивается. Это делается на последующих этапах. Важно понимать, пишет А. Джорджи, что все смыслы являются взаимозависимыми, они не могут существовать в одиночку. Полученные единицы группируются по темам, они станут основой для текстового описания явления. Этот процесс призван более полно сформулировать смысловые линии переживаемого опыта, присущие изучаемому явлению.

4. После того как одно описание разбивается на отдельные единицы, каждая единица может быть преобразована из языка, которым она была передана, в «психологически чувствительные» единицы значения с помощью образных вариаций. Именно в отношении, которое интуитивно понято между одним моментом переживания субъекта и всеми другими моментами «целого» опыта, необходимо найти психологическое значение. Такие преобразования, по мнению А. Джорджи, имеют двойственную функцию: они не только предназначены для более прямого выражения значений в отношении научной психологии, но и для обобщения значений, появляется возможность интеграции с другими описаниями, которые могут быть очень разными.

5. Наконец, последний шаг – получить общую психологическую структуру опыта. Используя аналитический метод (F. Wertz, 1983; A. Giorgi 1985, 2009), систематизированные описания транскрипта проводятся сначала через эмпатическое погружение и рефлекссию, а затем описываются возникающие психологические структуры (т.е. составляющие и повторяющиеся темы). Для А. Джорджи «психологическая структура» относится к живому опыту явления, но выражается эйдетически. Важно отметить, что значения опыта никогда не могут быть найдены полностью – в этом отношении структурный синтез воплощает значения в определенном месте и времени с точки зрения отдельного исследователя, взятой из всеобъемлющего рефлексивного и творческого исследования феномена [15].

Таким образом, цель феноменологического подхода – осветить и идентифицировать конкретные переживаемые явления через то, как они воспринимаются людьми в жизненных ситуациях. Фе-

номенологическое интервью выступает мощным средством для понимания субъективного опыта, чувств, эмоций, мотивов и действий человека.

Заключение. Таким образом, реальность многогранна, сложна и нелегко поддается количественной оценке. Качественные методы могут многое предложить, когда нам нужно исследовать чувства и переживания людей, субъективный смысл. На основании обобщения и систематизации феноменологических подходов и концепций, а также проведенного пилотажного исследования мы представили структурированный обзор описательного феноменологического метода А. Джорджи, а также стратегию проведения феноменологического интервью.

Литература

1. Бусыгина, Н.П. Проблема качества качественного исследования: принципы научной и этической валидации / Н.П. Бусыгина // Методология и история психологии. – 2009. – № 4(3). – С. 106–130.
2. Мельникова, О.Т. Методологические принципы качественных исследований в психологии / О.Т. Мельникова, Д.А. Хорошилов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. – 2013. – № 3. – С. 4–17.
3. Englander, M. The interview: data collection in descriptive phenomenological human scientific research / M. Englander // Journal of Phenomenological Psychology. – 2012. – № 43(1). – P. 13–35.
4. Giorgi, A. The theory, practice, and evaluation of the phenomenological method as a qualitative research procedure / A. Giorgi // Journal of Phenomenological Psychology. – 1997. – № 28. – P. 235–260.
5. Братусь, Б.С. Опыт обоснования гуманитарной психологии / Б.С. Братусь // Вопросы психологии. – 1990. – № 6. – С. 9–17.
6. Метатеория психологического знания: теория и практика: монография / В.А. Янчук [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – 456 с.
7. Giorgi, A. The descriptive phenomenological method in psychology: A modified Husserlian approach / A. Giorgi. – Pittsburgh, PA: Duquesne University Press, 2009. – 233 p.
8. Зинченко, В.П. Проблема объективного метода в психологии / В.П. Зинченко, М.К. Мамардашвили // Постнеклассическая психология. – 2004. – № 1. – С. 45–71.
9. Джерджен, К.Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика: сб. ст. / К.Дж. Джерджен; пер. с англ. А.М. Корбута; под общ. ред. А.А. Полонникова. – Минск: БГУ, 2003. – 232 с.
10. Лэнгле, А. Феноменологический подход в экзистенциально-аналитической психотерапии / А. Лэнгле // Консультативная психология и психотерапия. – 2009. – № 2. – С. 110–129.
11. Giorgi, A. The Phenomenological Movement and Research in the Human Sciences / A. Giorgi // Nursing Science Quarterly. – 2005. – Vol. 18, № 1. – P. 75–82.
12. Квале, С. Исследовательское интервью / С. Квале. – М.: Смысл, 2003. – 301 с.
13. Белановский, С.А. Глубокое интервью / С.А. Белановский. – М.: НикколоМедиа, 2001. – 320 с.
14. Кучинский, Г.М. М.М. Бахтин и феноменологический метод исследования личности / Г.М. Кучинский // Методология и история психологии. – 2007. – Т. 2, вып. 1. – С. 151–163.
15. Wertz, F.J. The method of eidetic analysis for psychology. In T.F. Cloonan & C. Thiboutot (Eds.) / F.J. Wertz // The redirection of psychology: Essays in Honor of Amedeo P. Giorgi. – Montreal: Les Collectifs du CIRP Volume I e' dition spe'ciale, 2010. – P. 371–398.

Поступила в редакцию 19.06.2018 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языке.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет (-ют);
- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «Материал и методы» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В **заключении** в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. **Список литературы** должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в форма-

те jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows.

10. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

11. К статье прилагаются следующие материалы:

- реферат (200–250 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

- ключевые слова на языке оригинала;

- название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

- номер телефона, адрес электронной почты автора;

- рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

- экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

12. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательной проверке на оригинальность и корректность заимствований системой «Антиплагиат.ВУЗ». Для оригинальных научных статей степень оригинальности должна быть не менее 85%, для обзоров – не менее 75%.

13. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

14. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

15. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

INSTRUCTIONS TO THE AUTHORS

Scientific and practical journal **“Law. Economics. Psychology”** publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year post-graduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section **“Materials and Methods”**;
- section **“Results and Discussions”**;
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section **“Materials and Methods”** includes description of the objects and the content of the research conducted by the author

(authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section **“Results and discussions”** the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section **“Conclusion”** must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. **References** should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1], [2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14 000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows

10. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The

electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

11. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200–250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;

- key words in the original language;

- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;

- the author's phone number, e-mail address;

- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;

- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

12. All articles submitted to the editorial office of the journal are subject to mandatory verification of originality and correctness of borrowings by the Antiplagiat.VUZ system. For original scientific articles the degree of originality should be at least 85%, for reviews – at least 75%.

13. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

14. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

15. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.
